

Александр Гребенников

Пришествие

Книга 3 из Цикла Пояс жизни

16+

Александр Менделеевич Гребенников
Пришествие. Книга 3
из цикла «Пояс жизни»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57207500

SelfPub; 2020

Аннотация

"Пришествие" не является продолжением первых двух книг, входящих в цикл, несмотря на то, что на ее страницах читатель вновь встретится с некоторыми знакомыми персонажами. Действие переносит нас на две с лишним тысячи лет назад в Древний Рим и другие страны Средиземноморья. Это одна из версий того, что могло происходить две с лишним тысячи лет назад.

Глава 1

Быстроходная либурна¹, миновав без остановки шумную Остию², словно чайка пронеслась по речной глади Тибра. На палубе стоял молодой, богато одетый юноша, который с нетерпением ожидал, когда, наконец, борт корабля коснется римской пристани. По команде кормчего гребцы убрали весла и корабль, движущийся по инерции, поравнялся с каменным парапетом пристани. Ловкие матросы с обветренными лицами сбросили на берег швартовые канаты и, совершив головокружительные прыжки, в одно мгновение оказались на берегу. В считанные мгновения они накинули канаты на береговые каменные тумбы и, подтянув корабль к берегу, заставили его остановиться, упершись бортом о каменные стены пристани. Молодой человек жестом позвал к себе кормчего и, как только тот приблизился к нему, кинул в руки старого морского волка увесистый кошель с золотом. Кормчий с расплывшимся в улыбке лицом, поклонился и приказал матросам скинуть сходни. Не произнеся ни слова, юноша в сопровождении пятерых рослых рабов— нубийцев, несших паланкин, направился по сходням на берег. Вслед за ними, неуверенной

походкой, спустился еще один человек, по одежде и характерным чертам лица которого, в нем можно было угадать

иудейского купца. Молодой человек забрался в паланкин и жестом пригласил иудея занять место рядом с собой. Рабы аккуратно подняли носилки и, расчищая путь от городских зевак, понесли их в сторону Квиринала³. Здесь, среди утопающих в зелени садов, они, отыскав нужную виллу, опустили носилки у портика, окружающего дом. Юноша и его пожилой спутник выбрались из паланкина и направились в дом, откуда им навстречу вышел коренастый темноволосый мужчина лет сорока, одетый как вольноотпущенный. Завидев его, юноша, забыв о патрицианской гордости, подбежал к нему и заключил в объятия, как старого друга.

– Мерцил, как я рад снова видеть тебя! – Воскликнул юноша.

– А как я рад, ты даже не представляешь! Дайка я взгляну на тебя, мой мальчик. Да нет. Ты уже не мальчик, а настоящий мужчина! Получив известие о твоём возвращении, я не мог сдержать слез. Ведь тебя не было целых пять лет. Рассказывай, где тебя носило так долго.

– Потом, Мерцил, все потом. Позаботься, пожалуйста, о рабах и о моем спутнике.

Мерцил бросил подозрительный взгляд на иудея.

– Кто этот человек, Аврелий? Зачем ты его притащил сюда? Ты не подумал, что Он будет недоволен таким гостем?

– Все в порядке, старина. Это Тобий. Я предупредил Его, что Тобий прибудет вместе со мной.

Будь любезен, прими его, как дорогого гостя. Скажи, где

мне найти хозяина?

– Он у себя и очень ждет тебя.

Юноша зашел в дом, миновал атриум⁵, и остановился перед резной дверью, ведущей в таблинум⁴ хозяина виллы. Он поправил и без того безупречные складки на своей тоге и, не скрывая волнения, открыл дверь. За большим столом с литыми бронзовыми ножками в кресле с высокой спинкой сидел человек, на вид которому было лет пятьдесят или около того. Он был погружен в чтение папирусного свитка. Услышав звук открывающейся двери, мужчина оторвал взгляд от папируса и поднял глаза.

– Аврелий, мой мальчик, вот и ты! – приветливо воскликнул хозяин кабинета и встал из-за стола.

– Ну, подойди же ко мне, дай я обниму тебя! Признаться, я ожидал тебя не раньше завтрашнего дня!

– Учитель, я не стал сходить на берег в Остие. Пришлось немного доплатить кормчему, и он доставил меня прямо в Рим. Мне нетерпелось узнать Ваше мнение о моей идее.

– Да, да, я ознакомился с твоим отчетом и вот, как раз сейчас изучал местные материалы по этой теме. Но ты прямо с дороги, и, наверное, голоден? Давай, сначала что-нибудь перекусишь, а потом займемся делами.

– Ну что ж, с удовольствием! Признаться, я действительно здорово проголодался.

Хозяин дома дернул за шнурок и почти мгновенно на пороге таблинума появился управляющий Мерцил.

– Мерцил, наш друг проголодался, распорядись, пожалуйста, чтобы нам что-нибудь принесли

– Все уже готово, господин, – ответил управляющий. Он дважды хлопнул в ладоши и в комнату вошли две молодых рабыни, одетые в белые короткие туники. Одна из них внесла чашу для омовения рук, наполненную водой с розовыми лепестками, а другая – серебряный поднос с различными яствами и кувшином вина. Девушки поставили все это на стол, и взгляд одной из них на мгновение встретился с взглядом юноши. Девушка густо покраснела, отводя глаза в сторону, и поспешно покинула помещение.

– Но это же... – не сдержал восклицания Аврелий.

– Да, это Цилия! А что тебя так удивило?

– Но как? Она же...

– Чему ты удивляешься, мой друг, – весело ответил хозяин, – для всех я тут знатный патриций Квинт Сципилион Аркус, род которого происходит от самого Тарквиния Древнего, а ты, не забывай, мой воспитанник, Аврелий Лициний Сцина. Приходится соответствовать здешним традициям, и использовать молодых сотрудниц в качестве рабынь.

– Да, конечно, но для меня это было как-то неожиданно. Цилия, и вдруг домашняя рабыня.

– Ладно, давай ешь, а то все остынет. Вот, попробуй старого фалернского, – наливая в серебряные кубки из кувшина, предложил тот, кто назвал себя Квинтом Сципилионом, – клянусь, что в милой твоему сердцу Иудее, такого не подают

на стол ни царю Ироду, ни даже самому римскому наместнику.

Юноша отпил из кубка и с видом знатока признал, что вино великолепно затем приступил к трапезе. Когда все содержимое подноса оказалось съеденным, Квинт дернул за шнурок. В комнате вновь появился управляющий и обе девушки, которые молча убрали все со стола. Выходя из комнаты, Цилия бросила многозначительный взгляд на Аврелий, который ответил ей таким же пылким взглядом. Хозяин дома жестом показал, чтобы все покинули его кабинет. Выходя из комнаты, управляющий Мерцил плотно закрыл за собою дверь.

– Ну что ж, дорогой Аврелий, теперь к делу! Давай подсаживайся поближе, – пододвигая один из стульев к столу, пригласил Квинт, опускаясь в свое рабочее кресло. – Я внимательно изучил твой отчет и сравнил те сведения, которые поступают ко мне из местных источников. Честно говоря, не пойму, что у тебя вызывает такой интерес к этому захолустью. Вроде все, как и везде на этой планете.

– Но, профессор, – не заметно для себя, переходя с латыни на привычный геянский, возразил юноша, – там как раз именно та ситуация, которая требуется для формирования новых общественно-политических отношений на Земле.

– Вот что, мой дорогой, скажи, сколько лет ты уже на Земле?

– Скоро двадцать пять, а причем здесь это?

– А притом, что мы больше пяти тысяч лет наблюдаем за развитием человечества на Земле, и должны признать, что, несмотря на жестокость, кровопролития и политические интриги, их общество, особенно в крупных империях типа Египетской, Римской, Персидской, Цинской, империи Майя и других, достаточно далеко продвинулось по пути прогресса. Не без нашей помощи, конечно. Но, тем не менее, их собственные заслуги весьма значительны.

– Да в чем же прогресс? В рабстве? В чем они продвинулись? В совершенствовании и создании все более изощренных орудий уничтожения друг друга?

– Ты, слишком однобоко оцениваешь землян. Они достигли весьма высокого уровня в искусстве, строительстве и архитектуре, технологиях, в различных науках, способствующих познанию мира, в котором они живут. Что же касается оружия, смею тебе напомнить, что и в нашей собственной истории технологии в военно-технической сфере долгое время играли роль авангарда по пути технического прогресса. Они шаг за шагом повторяют путь, пройденный нами тысячелетия назад. И не нам упрекать их в жестокости, корыстолюбии и жажде власти. Они – наша точная копия. Что же касается рабства, тут я с тобой, абсолютно согласен. Эта форма здесь себя практически исчерпала и все больше проявляется, как тормоз для дальнейшего развития общества. Но что же мы можем с этим поделать? Видно их время еще не пришло.

– Да, учитель, их время еще не пришло, но мы можем создать предпосылки для его приближения.

– Это, каким же образом?

– Позвольте мне высказать свое видение этой проблемы, которое опирается на мой пятилетний опыт пребывания в Иудее.

– Я весь внимания!

В этот момент открылась дверь, и в комнату вошел Мерцил.

– Я прошу прощения, что осмелился Вас побеспокоить, но пришел посыльный от императора.

– Вот черт, как не вовремя. – Пробурчал Квинт, – Давай его сюда!

Мерцил вышел и, почти тотчас в кабинет вошел императорский посыльный. Он согнулся в почтительном поклоне и протянул хозяину дома пергамент с печатью Гая Юлия Цезаря Августа Октавиана, императора и верховного понтифика.

Квинт взял пергамент и жестом показал, что посыльный может быть свободен. Он сорвал печать и, развернув пергамент, внимательно его прочитал.

– Сожалею, мой друг, придется нам отложить нашу беседу. Октавиан срочно зовет к себе. Ничего не поделаешь, дела государственные. Отдыхай пока, а когда я вернусь, мы продолжим.

С этими словами Квинт, придав лицу выражение, соот-

ветствующее знатному патрицию и римскому сенатору, вышел из кабинета, на ходу отдавая распоряжения управляющему и «рабам».

Глава 2

Аврелий, оставшись один, только пожал плечами от сожаления, что так долго ожидаемый им разговор, неожиданно прервался из-за прихоти местного царька. Он встал и, окинув взором давно знакомый кабинет, вышел из него. Юноша прошел через атриум, и, постояв в нерешительности, направился к выходу. В вестибule⁶ он едва не столкнулся с, возвращающимся в дом, Мерцилом.

– Ты куда-то собрался, Аврелий? – Спросил управляющий.

– Да нет, просто наша беседа так неожиданно прервалась, что я нахожусь в растерянности, не зная чем заняться.

– Отдохни с дороги. Я распоряжусь, чтобы тебе приготовили ванну. Твои покои уже готовы и ждут тебя.

– Спасибо, старина! Это будет совсем не лишним. Я, пожалуй, воспользуюсь твоим советом. Да, кстати, как устроился мой спутник?

– Все, как ты велел, Аврелий. Я проводил его в бальнеум⁷. После омовения он помолился своим богам и отправился в триклиний⁸. А сейчас, после сытного обеда, он изволит отдыхать в, отведенной для него, кубикуле⁹.

– Спасибо, Мерцил. Еще раз прошу тебя, будь с ним

почтительным. Этот человек очень важен для задуманного мною плана.

– Можешь не беспокоиться, здесь он будет чувствовать себя лучше, чем наш император в своем дворце. – Со смехом ответил управляющий, похлопывая юношу по плечу. – Так как, тебя проводить или сам найдешь дорогу в бальнеум?

– Спасибо, я хорошо помню, где в этом доме находится бальнеум. Скажи, Мерцил, – нерешительно обратился Аврелий к управляющему, – я, видел тут двух девушек-рабынь. Мне показалось, что одна из них...

– Ты о Цилии? Прости нас с хозяином за этот маскарад, но пойми, в доме посторонние, и мы вынуждены сохранять хотя бы видимость.

– О каких посторонних ты говоришь? Разве в доме кроме нас есть еще кто-нибудь? – с тревогой в голосе спросил юноша.

– Конечно! Это твой спутник и твои черномазые рабы.

– И все?

– Все!

– Тогда не о чем беспокоиться, или ты боишься, что рабы начнут болтать лишнее о порядках в доме сенатора Квинта Сципилиона?

– Напрасно ты иронизируешь, мой мальчик. Все сплетни о своих хозяевах в Риме разносят их собственные рабы, и многие знатные господа уже поплатились своим состоянием, а то и жизнью за длинные языки своих рабов. Так что лучше

перестраховаться и не давать повода для пересудов.

– Что ж, Вам виднее. Я долго отсутствовал в Риме и не в курсе перемен, произошедших здесь. Скажи, а Цилия, она...

– Если хочешь ее увидеть, то поищи в ксисте¹⁰. Наверняка она возится там со своими цветами. Только для начала приведи себя в порядок и переоденься, прежде чем пойдешь на встречу с девушкой, – добродушно смеясь, ответил Мерцил, удаляясь во внутренние помещения дома.

Из бальнеума юноша вышел посвежевшим и отдохнувшим. Он с удовольствием сменил дорожное платье на легкую белоснежную тунику. Собравшись с мыслями, Аврелий решительно направился в ксист. Там он, как и предупреждал Мерцил, нашел Цилию. Девушка была занята поливом многочисленных цветов, украшающих помещение.

– Цилия, – робко позвал ее юноша, – это я, Аврелий. Я вернулся.

От неожиданности девушка уронила медную лейку, которую держала в руках. Она обернулась на голос, и все лицо ее залилось краской. Молодой человек подбежал к ней и попытался нежно обнять. Девушка отстранилась и заговорила взволнованным, срывающимся голосом:

– Я вижу, что это ты! Ты, который исчез пять лет назад, даже не попрощавшись, ты, который за все это время не подал ни единой весточки, а теперь, вот так запросто являющийся и заявляющий, «Это я, Аврелий, я вернулся!» И чего ты ждешь от меня? Что я брошусь в твои объятия!

– Но Цилия, – растерянно ответил юноша, – ты же знаешь, я получил важное задание, и должен был незамедлительно отправиться в Иудею. Мне не дали времени даже собрать вещи, просто усадили среди ночи в флайер и отправили за море. Мне категорически было запрещено пользоваться любыми средствами связи. Я просто не мог...

– Ну да, не мог! Я понимаю, тебе нельзя было пользоваться коммуникатором, но написать письмо и передать его с попутным кораблем, наверное, ты мог?

– Прости, прости меня! Я как-то об этом даже и не подумал. Я думал, профессор тебе все объяснил.

– Объяснил, конечно, что мы здесь с определенной миссией и что здесь нет места для личных взаимоотношений. Вот, что он мне объяснил, дорогой Аврелий и то, только спустя два дня после твоего исчезновения. А знаешь, что я пережила за эти два дня? Я места себе не находила. Знаешь, какие мысли лезли в голову на фоне всего того ужаса, что творился в городе по прихоти Августа. Здесь сотни людей пропадали бесследно по приказу императора. Их убивали, вырезали семьями, даже младенцев, а имущество изымали в пользу государственной казны. И все это под лозунгами о благе отечества. Мне казалось, что ты стал одним из них.

– Ну что ты, Цилия! Ты же прекрасно знаешь, что ни с кем из нас ничего подобного произойти просто не могло и не может, что в случае малейшей опасности для жизни наблюдателя будут применены самые крайние меры.

– И ты веришь в это? Я своими глазами видела, как это происходит. Они врываются в дома среди ночи и действуют молниеносно, так, что никто не успевает даже отреагировать. И всему виной золото. Алчность императора не знает границ. Я много раз предупреждала профессора, чтобы он не выставлял напоказ свое богатство. Пока Август к нему благосклонен, но, боюсь, наступит день, когда ему покажется мало того, что он получает от Квинта, и захочет забрать себе все.

– Успокойся, с нами этот фокус не пройдет. Весь дом окружен датчиками и камерами наружного наблюдения. Нас им врасплох застать не удастся, а любой, кто сунется сюда, получит по заслугам. И хватит об этом! Я вернулся, и мы снова будем вместе. Клянусь, что больше никогда не покину тебя.

– Пока тебе не поручат какое-нибудь новое задание!

– Нет, на этот раз нет, Цилия. Если мне удастся убедить профессора, то ты займешь подходящее тебе место в затеваемом мною проекте, и мы всегда будем рядом. Ну, дай же мне, наконец, обнять тебя.

Девушка, более не сопротивляясь, позволила юноше заключить себя в объятия. Их губы встретились и сомкнулись в страстном поцелуе.

Глава 3

Солнце клонилось к закату, и в таблинуме стала сгущаться темнота. Аврелий, более не в силах напрягать глаза, отло-

жил свиток с хрониками Платона, встал с ложа, размяв затекшие руки и ноги, и, так и не дождавшись возвращения Квинта, пошел на поиски Мерцила. Он нашел управляющего, занятого разжиганием светильников в атриуме.

– Забавно видеть, как ученый-наблюдатель высшей категории разжигает масляные светильники, – с иронической усмешкой произнес юноша.

– Да, ты прав, Аврелий, – ответил управляющий, отрываясь от своего занятия, – мне и самому порою кажется, что вся моя прошлая жизнь, там дома, на Гее, была будто не со мной. За долгие годы, проведенные на Земле, я уже буквально вжился в свою роль управляющего у знатного патриция. Иногда я ловлю себя на мысли, что подсознательно называю профессора не иначе, как хозяин. Только по ночам, во сне я вижу Гею с ее упорядоченной, комфортной, лишенной всех этих ужасов, жизнью.

– Ты мог бы попросить замену, или хотя бы отпуск.

– Мог бы, конечно, но ты же понимаешь, что новому человеку очень долго придется осваиваться в этом жестоком мире, да и не могу я вот так, просто, бросить профессора. Он тут без меня пропадет.

– Кстати, что-то уж больно долго его нет. Думал дождаться его возвращения за свитком Платона, но в таблинуме стало совсем темно, и пришлось бросить это занятие.

– Честно говоря, я уже и сам начинаю беспокоиться. Скоро совсем стемнеет, а путь от Капитолия¹¹ не близкий, да и

чего греха таить, вовсе не безопасный. Ночью на римские улицы выползает всякий сброд, очень охочий до чужих кошельков. Правда у профессора есть все необходимые средства защиты, но от неожиданностей никто не застрахован, даже он.

– Про уличных бандитов я как-то не думал, а вот про Августа... Особенно после того, что мне рассказала Цилия о его методах борьбы с неугодными вельможами.

– Август! Нет, это совершенно исключено. Во-первых, он очень благосклонен к Квинту, во-вторых, он более, чем когда, в свете затеянных им преобразований, сейчас нуждается в деньгах, а в третьих, сейчас, после очередного фарса с выборами первого консула, на должность которого он сам себя назначил, мысли его, скорее всего, о том, как бы попышнее обставить празднество в свою честь по этому поводу. А вот уличный сброд – это реальная угроза.

– Тогда, может мне пойти ему на встречу.

– У меня тогда появится повод беспокоиться за вас двоих.

– Я возьму охрану.

– Охрану! Какую? Даже закаленные в боях центурионы, сторонятся ночных бродяг и, несмотря на все указы Цезаря, не в состоянии обеспечить порядок и безопасность в городе.

– Я могу взять своих нубийцев. Поверь мне, они владеют мечом не хуже римских ветеранов-легионеров. И, главное, им можно доверять. Мне пришлось неоднократно в этом убедиться в Иудее.

– Никому, никуда не нужно идти! – раздался голос хозяина дома из протирума¹². Благодарю Вас друзья за заботу, но я уже дома.

– Профессор, ну наконец-то! – в один голос воскликнули Мерцил и Аврелий.

– Что так долго, хозяин? – Спросил управляющий, слегка склоняясь перед патрицием.

– Этот выскочка Октавиан никак не может смириться с тем, что все хорошо помнят о его плебейском происхождении. Вот и решил обставить свое очередное восшествие в должность первого консула не только пышными празднествами с щедрой раздачей денег беднякам, но и невиданными гладиаторскими боями. А это все, как известно, требует денег и еще раз денег. Надо признаться, сегодня он был «сама любезность», и мне ничего не оставалось делать, как пообещать ему пятьсот талантов¹³. Что поделаешь, золото правит этим миром. А сам-то, скряга, не сподобился даже предложить поужинать, лишь потчевал ужасным вином, хуже которого не подают даже в самых грязных тавернах Эсквиллина¹⁴ и Субуры¹⁵. Так что я ужасно голоден. Будь добр, Мерцил, вели подавать ужин в зимний триклиний. Время позднее, и мне думается, что никто из неожиданных гостей к нам уже не пожалует. Поэтому пригласи всех наших собраться там.

– А как же гость Аврелия, хозяин?

– Ах да! Совсем забыл! Ну, вели отнести ему ужин в его

покои, и попроси проследить, чтобы он нас не побеспокоил.

– Как пожелаете, хозяин. – Ответил управляющий и оправился выполнять поручение хозяина дома.

Глава 4

Если бы вдруг какой-нибудь римский зевака случайно заглянул бы этим вечером в зимний триклиний виллы Квинта Сципилиона Аркуса, то, наверняка, его рассудок пошатнулся бы от увиденного там. Его взору предстало бы зрелище совершенно невероятное и фантастичное. Этот обыватель увидел бы, как это внутреннее помещение дома, погруженное в ночной мрак, вдруг непонятным образом осветилось ярким, но не слепящим светом, лившимся прямо с потолка, и освещавшего большую комнату так, как будто на дворе был солнечный день. При этом ни из одного из многочисленных светильников, расположенных вдоль стен не исходило даже намека на зажженный в них огонь. А если бы он задержался здесь чуть дольше, то увидел бы, как огромный мраморный стол в кованной бронзовой оправе, непонятным образом поднялся над полом, и ложа, расположенные вокруг него, на которых обычно возлежали во время трапез хозяева и гости этого дома, странным образом трансформировались в удобные мягкие диваны, наподобие тех, которыми пользовались персидские вельможи. Затем этот зевака увидел бы, как, словно по мановению волшебной силы, раздвинулись тяжелые портьеры из персидской парчи, закрывающие одну из стен триклиния, облицованную многочислен-

ными прямоугольными, матово-черными плитами, которые замерцав, превратились в «живые» картины, показывающие в мельчайших подробностях все то, что происходило со всех сторон в окрестностях виллы. И даже, если бы все увиденное не повергло бы этого римского простака в шок, и было бы воспринято им, как проявление магии, колдовства или шуткой богов, охраняющих покой этого дома, то, что предстояло увидеть ему в дальнейшем, окончательно сломило бы его свободный дух римского гражданина. В комнату вошли рабы, которые начали сервировать стол, расставляя посуду, блюда с едой, восточные кувшины с напитками и раскладывая у каждого блюда непонятного назначения серебряные инструменты. Затем в триклинии появился хозяин дома со своими спутниками. А далее свершилось совершенно невероятное. Хозяин пригласил всех, включая домовую челядь и рабов (всего человек двадцать), занять места за общим столом. Этому уж гордый квирит¹⁶ не вынес бы точно. Но, тем не менее, все это на самом деле происходило в зимнем триклинии виллы Квинта Сципилиона.

– Друзья! – Обратился хозяин к присутствующим. – Сегодня тот редкий случай, когда весь персонал нашей римской базы смог собраться за общим столом! И повод для этого весьма значительный. Сегодня из долгих странствий по Иудее вернулся, всеми нами уважаемый, Аврелий. К сожалению, днем он не успел мне ничего рассказать о своей миссии, но я надеюсь, что сейчас, когда мы все в сборе, ничто и

никто не помешает нам услышать его рассказ. А чтобы это не выглядело, как сухой доклад, мне пришло в голову совместить его с праздничным ужином. Прошу Вас, приступайте.

Со всех сторон слышались звуки разливаемого по кубкам вина, которые были подняты в честь возвращения «блудного сына».

– Аврелий, мы ждем! Давай рассказывай! – Градом посыпались голоса со всех сторон.

– Я, конечно, польщен, что в мою честь Вы устроили столь пышное застолье, – смущенно начал молодой человек, – но то, что Вам предстоит услышать, на мой взгляд, требует серьезного, детального обсуждения.

Путешествуя по Иудее, мне удалось достаточно близко познакомиться с обычаями и укладом жизни народа, проживающего там. И вот, что я Вам скажу. Народ этот, в некоторой мере, уникален, в первую очередь своей религией и моралью. По крайней мере, насколько мне известно, Иудея – единственное место на Земле, где веруют в одного единственного бога – создателя всего сущего в этом мире, и пекущегося о благе каждого живущего в этом мире человеке, (что, в некоторой мере, соответствует нашим собственным знаниям о действии Единого информационного поля) в отличие от всех других народов, где поклоняются целому пантеону различных богов, каждый из которых отвечает, что ли, за определенный вид деятельности. Речь идет именно о вере, а не о поклонении тому или иному Высшему существу, ко-

торого каждый сам себе выбирает в покровители, действуя, скорее, по профессиональному или сословному, чем по религиозному принципу. Кроме того их мораль строго придерживается тех принципов, которые были им передали в виде заповедей, то есть построена так же, как и наша собственная мораль. Но главное, в их вере нет места рабству. Они глубоко убеждены, что все люди рождаются свободными и равными, и долг каждого человека – это честный труд и забота о своих близких. Семейные ценности для них являются основой их земной жизни.

– Но и что же из этого следует? В чем уникальность? Вот, к примеру, Август так же пытается ввести свой собственный высший культ, обожествляя себя. Он даже изменил название месяца секстилиса на август, в честь себя любимого. А что касается культа многочисленных богов, которым поклоняется большинство народов на этой планете, то разве не мы сами создали его, благодаря тесным контактам с аборигенами наших первых исследователей, наделенных, по их (аборигенов) мнению, сверхъестественными возможностями. – Возразил Квинт.

– Как Вы не понимаете разницы между религией, имеющей тысячелетние корни и искусственно навязанным культом. И разве можно сравнивать развращенных, погрязших в жутких оргиях, не признающих никакой морали римлян с высоконравственными принципами иудеев?

– Так чего же ты хочешь, Аврелий?

– Совсем немногого. Распространить моральные ценности иудеев на весь остальной мир, и сделать принцип равенства всех людей перед создателем, государственным, пусть сначала в столь незначительном государстве, как Иудея. Я убежден, что это учение достаточно быстро распространится на другие страны, и в будущем поможет покончить с рабовладельческим строем.

– Ты думаешь, что рабовладельцы вот так просто откажутся от своих прав на торговлю людьми и использование их труда?

– Нет, конечно. Я не столь наивен, чтобы верить в такое, но процесс будет запущен, и пусть потребуются еще столетия для того, чтобы рабство, как таковое, исчезло навсегда, но у людей появится вера и надежда на лучшую долю.

– Видишь ли, мой юный друг, я уже говорил тебе, что внимательнейшим образом ознакомился с твоим отчетом и теми материалами, которые мне удалось получить самостоятельно. Так вот, несмотря на высокую мораль милых твоему сердцу иудеев, они продолжают жить под гнетом жестокого и алчного правителя – этого царя Ирода, окружающих его вельмож и римского наместника с его легионерами, которые обложили население беспрецедентными и ничем необоснованными поборами, а всестороннюю помощь им оказывает в этом высшее духовенство, проповедующее, по твоим словам, веру в единого и справедливого бога. Так, где же логика? Чем эта вера помогла народу? Пусть они даже считают

себя свободными, но, по сути, весь этот народ – те же рабы.

– А я и не спорю. Все правильно. Но в глазах каждого иудея можно увидеть ненависть к навязанному им узурпатору и римским оккупантам. Все они живут надеждой на рождение Спасителя – истинного иудейского царя, который вернет справедливость и величие их народу, какое было во времена царя Давида. Вот именно этим обстоятельством я и предлагаю воспользоваться – дать им долгожданного царя – Спасителя.

– Аврелий, дорогой, ты же прекрасно знаешь, что нам категорически запрещено вмешиваться в местные дела. Мы всего лишь наблюдатели. Наше вмешательство возможно только в том случае, если всей земной расе будет угрожать полное уничтожение. Да, мы помогли землянам во время великого потопа, наступившего, собственно говоря, по нашей вине. Тогда стихия унесла сотни тысяч человеческих жизней. После этой роковой аварии на термоядерной установке в южной полярной зоне, произошло резкое таяние полярных льдов, что привело к значительному повышению уровня мирового океана. Огромные территории оказались затопленными вместе с городами, лесами, животными и людьми, а ранее цветущий край на севере Ливии¹⁷, превратился в выжженную солнцем пустыню. После этого трагического события нам категорически запретили использовать любые средства, способные вызвать глобальные катастрофы, а сами аборигены пока, к счастью, не обладают никаким из видов ору-

жия массового уничтожения.

– Да я и не предлагаю никакого вмешательства. Иудеи все сделают сами, а нам нужно будет лишь обставить событие рождения истинного иудейского царя нужным образом, так, чтобы ни у кого не возникло бы и тени сомнений о происхождении новорожденного младенца.

– А что, мне эта идея нравится! – Неожиданно для всех заметила Цилия.

– И мне тоже, – осторожно подметил Мерцил, – мне кажется, это может сработать. Нужно только придумать, как сделать так, чтобы во всей Иудее все узнали бы об этом событии одновременно.

– Ну, знаете! – Воскликнул Квинт. – На мой взгляд, это авантюра. Да и не нам решать судьбу акции такого масштаба. Я в любом случае должен все согласовать с Главным наблюдательным советом, только боюсь, что меня там и слушать не станут. – С грустью в голосе добавил Квинт.

– О чем Вы говорите, профессор? – Раздались голоса со всех сторон. – Как они могут не прислушаться к Вашему мнению? Они просто обязаны! О Вас среди наблюдателей ходят легенды!

– Могут, друзья, могут. – Ответил профессор. – Даже несмотря на мнение всех наших коллег-наблюдателей, работающих на разных планетах «пояса жизни». К сожалению, есть причины, которые дают им на это право. Вы ведь совершенно ничего не знаете ни обо мне, ни о моем прошлом.

– Так расскажите нам. Может быть, мы совместно найдем способ все исправить и изменить негативное отношение Совета к Вам.

– Возможно, когда-нибудь, не сейчас, я и расскажу Вам обо всем. Только боюсь, что ничто не заставит Совет изменить свое мнение.

– Послушайте, профессор, тогда почему Совет, который так, по Вашим словам, негативно относится к Вашей личности, оставил Вас на посту руководителя базы, причем в самой ключевой точке планеты?

– На все есть свои причины, друзья. В том числе и на это. Да и хватит об этом. Нечего обсуждать мою личность. В конце концов, это касается только меня одного.

– Вот что, профессор, – неожиданно для всех произнес Мерцил, – я, пожалуй, единственный из здесь присутствующих, кто в той или иной степени, знаком с Вашей историей. И именно поэтому, я прошу Вас поддержать предложение Аврелия. Кто знает, возможно, от его успеха будет зависеть восстановление доброго отношения к Вам. Я за то, чтобы взяться за это дело.

– И я тоже! – Воскликнула Цилия.

– Да, мы тоже готовы! Аврелий, мы с тобой! – посыпались со всех сторон голоса.

– Что ж, если Вы так единодушны, – ответил профессор, тогда я, профессор Аркус, как Ваш руководитель, готов взять всю полноту ответственности за проведение этой ак-

ции на себя. Мы воспользуемся нашим правом действовать в исключительных ситуациях сообразно сложившейся обстановке. Только должен предупредить Вас всех, что в случае, если что-то пойдет не так, как задумано, все Вы рискуете разделить со мною участь изгоя и поставить большую жирную точку на своей дальнейшей карьере.

– Мы согласны, согласны, – снова раздался целый хор голосов, – можете не сомневаться!

– Ну, раз все «за», тогда нам необходимо разработать детальный план наших дальнейших действий. И будь, что будет. Победителей ведь не судят.

– Я считаю, – взволнованно сказал Аврелий, – прежде чем мы приступим к выработке того или иного плана, Вам необходимо выслушать человека, прибывшего вместе со мной из Иудеи. Мне кажется, что это поможет нам действовать в правильном русле. Тобий, как никто другой, знаком с положением дел в Иудее и с настроениями, царящими среди ее населения.

– Хорошо, мой друг, – ответил профессор, конечно, мы обязательно выслушаем его, но только уже не сегодня. Время позднее. Пора заканчивать ужин и укладываться спать. Тем более, что денек у меня, по крайней мере, выдался не из легких.

Глава 5

– Как думаешь, что такого могло быть в прошлом профессора, из-за чего в Совете его считают изгоем? – шепотом

спросила Цилия, освобождаясь из объятий Аврелия.

– Честно говоря, не имею ни малейшего представления. Как-то, не очень вяжется с тем, что я знаю или слышал о нем. Еще там, на Гее, когда я получал назначение на Землю, мне все члены комиссии в один голос твердили, что это огромная честь, работать под руководством такого уважаемого ученого, как профессор Аркус, и, что для этой работы отбираются только лучшие из лучших. Меня тогда переполняла гордость за то, что именно мне выпала такая удача, а все сокурсники искренне мне завидовали. Получив это назначение, я постарался узнать как можно больше о человеке, с которым мне предстояло работать. Я досконально изучил все его работы по Египту, Элладе, Персии и, конечно Риму, попытался получить как можно больше сведений о его биографии. Знаешь, только сейчас, после сегодняшнего странного признания профессора, я вдруг задумался над тем, как мало, лично о нем, о его прошлой жизни, о семье и прочих личных данных, имеется публичных сведений. Как будто бы этого человека не существует, и никогда не существовало. Тогда я подумал, что он один из тех ученых, информация о которых строго засекречена из соображений общечеловеческой безопасности. Мне показалось, что он является носителем какого-то знания вселенского масштаба, которое, в случае попадания его в руки негуманоидных рас, настроенных враждебно по отношению к нам, могло бы причинить существенный вред нашей цивилизации.

– Негуманоидных рас? Впервые слышу о таких.

– Ты что, Цилия, прогуливала лекции в академии?

– Хм, я думала, ты знаешь! Я никогда не училась в Вашей академии, и, вообще, не имею отношения к изучению истории доиндустриальных цивилизаций.

– Ты никогда не говорила об этом. Странно, а каким же образом ты сюда попала?

– Ты не спрашивал, а вообще, я и сама не понимаю. Наверное, совершенно случайно. Ведь я паромедик по профессии, и моя основная специализация – совместимость предполагаемых биологических объектов с трансплантируемыми матрицами сознания, находящимися в режиме ожидания в ГИП (глобальном информационном поле). Я была даже соавтором работ по искусственному выращиванию взрослых клонов-дублеров людей, которые, предположительно, могут в ближайшее время умереть, для последующей заливки в их мозг информации из ГИП. Это была большая программа, направленная на то, чтобы, в случае естественной смерти или гибели особо важных для науки ученых, не ждать, пока их пересаженные сознания в оболочки только что родившихся младенцев, смогут перейти в активную фазу. А это, как известно, происходит только тогда, когда организм и его психофизические факторы достигают зрелого состояния.

– И что, Вам это удалось воплотить на практике?

– Представь себе, да. В наших лабораториях были выращены тела-дублеры, соответствующие возрасту примерно

тридцатилетних людей, двух очень уважаемых людей, которым было уже далеко за пятьсот лет. Прости, но я не могу назвать их имен из соображений врачебной этики. Так вот, подсаженные после смерти оригиналов, матрицы, успешно прижились в стерильном мозге клонов, и эти люди продолжают с успехом жить и трудиться. Причем, они идентифицируют себя именно, как личности тех, умерших людей.

– Фантастика! Просто не верится! Только не пойму, какая связь между всем этим и твоим пребыванием здесь?

– Я не знаю и предпочитаю не задавать пока лишних вопросов по этому поводу. Думаю, когда настанет необходимость, мне обязательно сообщат, а пока я, с успехом, выполняю роль домашней рабыни, и меня это вполне устраивает. Могу сказать лишь одно, когда мне была предложена эта работа, я случайно подслушала, что говорили между собой члены комиссии о каком-то человеке. Всего я не припомню, но вот то, что он, якобы, уже пережил чуть ли не с десяток трансплантаций сознания, это я помню точно. А если учитывать, что средняя продолжительность жизни на Гее составляет примерно пятьсот лет, то, сколько же тогда ему? Страшно даже представить себе. Как думаешь, не о профессоре ли они говорили тогда?

– Очень может быть. Возможно, где-то в глубине веков и заключена его тайна, но мы можем только гадать до тех пор, пока профессор не сочтет возможным сам все рассказать нам. И довольно об этом. Иди ко мне. Мы, наконец-то

вместе, и пусть эта ночь, будет принадлежать только нам двоим.

Аврелий вновь нежно обнял Цилию и стал страстно целовать ее губы, глаза, шею, опускаясь все ниже и ниже. Девушка не сопротивлялась и, наслаждаясь ласками любимого человека, позволила ему целовать всю себя.

Едва только предрассветные сумерки начали рассеивать ночной мрак, Аврелий, нежно поцеловав спящую Цилию, встал с ложа, и, накидывая на ходу одежду, вышел из кубиклы. Он, было, направился в собственную спальню, но, подумав, повернул в другую сторону. Все существо его было переполнено счастьем минувшей ночи, и он решил охладить свое разгоряченное тело прохладой воды в бальнеуме. Юноша, бесшумно ступая по мраморным плитам пола, пересек атриум, и вошел в темное помещение бальнеума, где отражая угасающие звезды, лившие свой призрачный свет сквозь широкое отверстие в потолке, его ждала манящая гладь воды, наполнявшей мраморный бассейн. Аврелий прошел к одной из колонн, поддерживающей потолок, за которой находилась мраморная скамья, где он намеревался оставить свою одежду, но, не успев присесть на скамью, юноша вдруг даже не заметил, а, скорее почувствовал, как какая-то тень проскользнула вдоль противоположенной стены. Он спрятался за колонной и стал наблюдать. Тень прошла вдоль стены и остановилась у ступеней, ведущих в бассейн. Аврелий выглянул из-за колонны и увидел стоящую к нему спиной

детскую фигуру.

– Странно, – мелькнуло в голове юноши, – откуда в доме ребенок?

Он вышел из-за колонны, и, закрыв одной рукой ребенка ку рот, а другой крепко сжав, не давая ему пошевелинуться, спросил.

– Кто ты, как попал сюда?

Он развернул оцепеневшего от ужаса и неожиданности ребенка лицом к себе, продолжая плотно закрывать ему рот, не давая криком нарушить тишину спящего дома.

– Ну же, отвечай! – Грозно потребовал Аврелий. – Что тебе здесь нужно? Ты шпионил?

– Я... нет, нет господин! Я только хотела искупаться, пока все спят. Больше ничего такого. Простите меня! Я больше никогда...

Аврелий убрал руку и взгляделся в лицо ребенка. Это была девочка лет десяти – двенадцати. Ее густые темно-каштановые с медным отливом волосы, были аккуратно подстрижены, как это предписывалось для рабынь. В ее огромных, широко раскрытых глазах, полных, вот-вот пролиться, слез, юноша прочитал неподдельный страх.

– Не бойся, я ничего тебе не сделаю, – сказал он испуганной девочке, – только расскажи мне, кто ты и как здесь оказалась.

– Мое имя Тания. Я живу здесь с мамой и братишкой. – Всхлипывая, ответила девочка. – Но не в этом большом до-

ме, а там, – махнула она рукой в сторону сада, – в маленьком домике. Я не хотела ничего плохого, только искупаться.

– Так почему ты это делала тайком? Разве нельзя было просто попросить хозяина или управляющего разрешить тебе приходиться в бальнеум?

– Что ты, господин! Разве могут рабы...

– Рабы? – Не дав девочке договорить, переспросил Аврелий. – Так ты рабыня?

– Да, господин, хотя я теперь и сама не знаю. Мы живем с мамой и братом не как рабы. Никто не заставляет нас работать, и отец всегда сам приносит нам еду и разные вещи.

– Отец? Постой, постой, ты хочешь сказать, что твой отец живет в этом доме? Кто он – хозяин дома?

– Нет, что ты, господин, он же знатный патриций. Мой отец – управляющий в этом доме.

– Мерцил твой отец? Вот это новость! Давай-ка, рассказывай все по порядку. Кто твоя мать, и где Вы были раньше.

– Мою маму зовут Зоя. Раньше мы жили на соседней вилле. Мама служила горничной рабыней у госпожи, а папа часто приходил к нам. Потом госпожа заболела и умерла, и тогда папа попросил хозяина продать нас ему. С тех пор мы живем здесь.

– Как давно это произошло?

– Больше года назад, в мартовские иды, господин.

– Прекрати называть меня господин. У меня есть имя. Можешь звать меня просто Аврелий. И скажи, Тания, а хо-

зьяин дома знает о том, что Вы здесь живете?

– Полагаю, что да, знает. Ведь как может управляющий, хоть он и вольноотпущенный, без позволения хозяина поселить на вилле свою семью?

– Ты очень рассудительная девочка и, по всему видимому, хорошо воспитана.

– Меня мама учила. Я, кроме латыни, говорю на греческом и фарси, а еще я умею читать и писать. – С гордостью ответила девочка.

– Откуда же твоя мама сама все это знает?

– Она родом с одного из эллинских островов. Ее родители были очень знатными, но однажды на острове высадились киликийцы. Они перебили всех мужчин, кто пытался с ними сражаться, а женщин и детей продали в рабство. Маме тогда было шестнадцать лет, и она была очень красивой. Ее и еще несколько других девушек купил знатный римлянин для своей жены. С тех пор мама живет здесь.

– Ну, хорошо, Тания! Спасибо за то, что честно все мне рассказала, и прости, если я напугал тебя. Можешь идти купаться, и, вот что, можешь приходить сюда, когда захочешь. С хозяином я договорюсь. И братишку приводи.

– Что ты, Аврелий, он еще совсем маленький, но все равно, спасибо тебе.

Девочка радостно зашла в воду, но вдруг повернулась и спросила:

– А ты как же? Ты ведь тоже хотел искупаться?

– Не беспокойся обо мне! Я как-нибудь в другой раз! –

Ответил юноша и озадаченно вышел из бальнеума.

– Вот так Мерцил, – размышлял он, – а мне сказал, что в доме нет посторонних. Не зря говорят – седина в бороду....

Глава 6

Мерцил провел, с интересом озирающегося по сторонам, иудея в атриум, где у двери, ведущей в таблинум, его ожидал Аврелий.

– Приветствую тебя, Тобий, – произнес юноша на арамейском, распахивая дверь в кабинет, – прошу тебя, проходи. Квинт Сципилион готов выслушать тебя.

Иудей ответил на приветствие и сделал несколько шагов вперед, после чего, вдруг неожиданно остановился, увидев сидящего за столом патриция.

– Но он же римлянин! – Испуганно воскликнул Тобий.

– Что ж из того, – ответил Аврелий, – я тоже римлянин, но, мне то, ты веришь. Прошу тебя, входи, и ничего не бойся. Квинт Сципилион мой учитель и друг.

Иудей нерешительно вошел в кабинет. Следом за ним вошли Аврелий и, за тем, Мерцил, затворивший за собою дверь.

– Приветствую Вас, друзья, – так же на арамейском обратился Квинт, – прошу Вас, проходите и присаживайтесь, – жестом указывая на расставленные стулья, пригласил хозяин кабинета.

Иудей явно чувствовал себя неловко от того, что ему было

предложено сидеть в присутствии знатного патриция.

– Итак, твое имя Тобий, – начал Квинт, – и, если судить по твоей одежде, ты купец.

– Это не совсем так, достопочтимый господин, – ответил иудей, – меня действительно зовут Тобий, но я вовсе не купец. Я священнослужитель в иерусалимском храме, а в это платье я облачился по настоятельному требованию моего юного друга, достопочтимого Аврелия.

Квинт вопросительно посмотрел на Аврелия.

– Что за маскарад, Аврелий? – спросил он.

– Это вынужденная мера безопасности. – Ответил юноша. – Я подумал, что присутствие иудейского священника было бы не вполне уместно на борту римского боевого корабля, да и на римских улицах тоже. Это могло бы вызвать неадекватную реакцию у гордых квиритов и храмовых жрецов.

– Что ж, наверное, ты прав. Итак, я слушаю тебя, Тобий.

– Мой народ в течение долгих столетий скитался по миру в поисках земли обетованной, и подвергался лишениям и угнетению, пока наш пророк Моисей не привел нас в землю обетованную. Сам Господь явился ему на вершине горы Синай, указал ему путь и передал свои заветы в виде каменных скрижалей.

При этих словах на лице Квинта появилась ироничная улыбка.

– Вы слышали что-то смешное, учитель? – Обратился к

нему Аврелий, прерывая иудея.

– Вовсе нет, мой юный друг! – Неожиданно перейдя на генский, весело ответил Квинт. – Очень хорошо помню этот фокус с голограммой. Старик Моисей, при всем моем к нему уважении, чуть не рехнулся, когда в пламени «необжигающего огня», ему явился бестелесный образ Всевышнего.

– Так это были Вы? – Удивленно переспросил юноша.

– Нет, нет! Не я, но все это представление было подстроено не без моего участия. Я потом расскажу тебе эту забавную историю. Прошу прощения, уважаемый Тобий, – снова по-арамейски обратился Квинт к изумленному иудею, – продолжай, я весь внимания.

– Так вот, по указанному пути Моисей привел нас в Землю обетованную, где и сейчас проживает мой народ, строго выполняя заповеди, дарованные нам Господом. В разные времена нами правили разные правители, но нет более почитаемого правителя, чем царь Давид, при котором наше государство добилось наивысшего своего величия и богатства, благодаря трудолюбию его народа и его вере в Всевышнего. А сейчас мы вынуждены жить под бременем царя-самозванца, этого выродка Ирода, который всех нас превратил в своих рабов, который попирает сами основы нашей веры. Все мы ждем, когда наступит долгожданный день пришествия в мир Мессии, в который родится наш Спаситель, истинный царь иудейский от корня Давидова, и освободит нас от ненавистного Ирода.

– И когда же это, по твоему, произойдет, уважаемый Гобий? – Спросил Квинт.

– Этого мне не ведомо, господин, но я свято верю, что день этот непременно настанет. Знаю лишь одно, что царь иудейский родится в семье от корня рода Давидова.

– И много ли таких семей в иудее?

– Нет, мой господин, совсем не много.

– Откуда тебе это известно?

– Как я уже говорил, я служу при храме Иерусалимском. Среди многочисленных священнослужителей, много таких, которые вместе с первосвященниками, забыли о божьих заветах, и превратили храм в гнусный вертеп, в котором хозяйничают разного рода нечистые на руку торговцы, и просто мошенники всех мастей, но есть и такие, которые свято чтут божьи заповеди и ведут праведный образ жизни. Служение Господу нашему, свело меня с человеком, имя которому Захарий. Если кого и называть праведником, так только его. Несмотря на то, что Господь послал ему и его жене Елисавете, тяжкое испытание, не дав им детей, он продолжает свято верить в чистоту помыслов Господа нашего и даже благодарит его за то испытание, которое бог послал ему. И еще он верит, что господь смилуется и, несмотря на преклонные года, одарит его и жену его младенцем, который продолжит род его.

Однажды Захарий поведал мне, что нашел в храме древние книги, в которых описываются все роды нашего народа,

начиная от самого сотворения мира и первых людей – Адама и Евы, созданных Господом нашим, и где, в отличие от других летописей, древо это выстроено не только по мужской, но и по женской линии. Мне удалось уговорить Захария дать мне взглянуть на эти книги. Несколько лет я изучал их, пока не дошел до нашего времени, и вот что мне удалось узнать.

В Иудее сейчас всего несколько семей, являющихся прямыми потомками царского рода Давидова, но лишь в одной из них есть незамужняя женщина, которая и может быть единственной матерью Спасителя. Имя ей Мария, и она сейчас воспитывается при храме.

– С чего же ты взял, что именно этой женщине суждено стать матерью будущего царя иудейского? – взволнованно спросил Квинт.

– У родителей этой девочки, так же как и у Захария с Елисаветой, долгое время не было детей, но когда священник отказал ее отцу в принесении богу жертвы, поскольку тот был бездетен, отец Марии удалился в пустыню, а жена его осталась дома одна. Тогда им обоим было видение ангела, возвестившего, что господь внял их мольбам и посылает добрую весть о скором рождении у них дочери, которой уготовано великое будущее.

При этих словах иудея Квинт вздрогнул.

– Назови имена родителей этой девочки! – хрипящим от волнения голосом попросил он.

Отец ее – благочестивый Иоаким, небогатый человек ро-

дом из Галилеи не является наследником корня Давидова, а вот мать – благочестивая Анна, является прямой наследницей царского рода, и не только. Родословная ее ведется от самой Евы – прародительницы всех людей.

Лицо Квинта стало блее простыни, дыхание прерывистым, все лицо покрылось каплями пота.

– Что с Вами, учитель? – Воскликнул Аврелий, а Мерцил поспешил подойти к Квинту, находящемуся в полуобморочном состоянии.

– Ему плохо, Аврелий, зови скорее Цилию, – взволнованно потребовал Мерцил, а Вы Тобий, пожалуйста вернитесь в свои покои. Когда хозяину станет лучше, Вы сможете продолжить свой рассказ.

– Нет! – Прохрипел Квинт, пусть останется! Тобий, прошу Вас, подойдите ко мне. Повторите, как имя матери Марии.

Иудей подошел к Квинту и тот взял его за руку.

– Ее зовут Анна, господин. – Прошептал изумленный священник.

– Спасибо, Тобий! – Ответил Квинт. – Ты даже себе не представляешь, какую весть ты мне принес. Отныне ты самый желанный мой гость и, если позволишь, друг.

В таблинум вбежала Цилия с небольшим чемоданчиком в руках, от вида которого, у иудея еще более вытянулось лицо и еще шире раскрылись глаза. Ничего подобного этому предмету ему никогда в своей жизни видеть не приходилось.

– Прошу Вас всех, – закричала она, – пожалуйста, покинь-

те комнату.

Девушка раскрыла чемоданчик и, подсоединив кучу датчиков начала манипулировать сенсорами. Между тем, Квинт продолжал бормотать:

– Вы слышали, ее имя Анна! Мне срочно нужно в Египет.

– В Египет? – Воскликнул, находившийся уже в дверях, Аврелий. – Но почему в Египет? Мы ведь говорили об Иудее!

– Ты не понимаешь! Я должен быть в Египте!

– Аврелий! Уйди! – Крикнула Цилия. – Ты мне мешаешь работать!

Юноша послушно вышел и закрыл за собою дверь. В атриуме его дожидались Мерцил и Тобий.

– Ну, что там? – Спросил Мерцил.

– Не знаю, похоже, сердце, – ответил юноша, растерянно пожимая плечами, – вот только не пойму, причем здесь Египет, и что из рассказа нашего уважаемого гостя могло так взволновать учителя, чтобы вызвать сердечный приступ.

Тем временем иудей так же находился в предобморочном состоянии. Его поразил вид чемоданчика в руках девушки, и его странного содержимого, но еще более поразил тот факт, что в доме знатного римлянина простая рабыня смеет отдавать приказы не только управляющему, но и благородному господину. Это никак не укладывалось в его голове. Он тяжело опустился на одну из многочисленных скамей, схватился за голову обеими руками, и стал раскачиваться из сторо-

ны в сторону, сиюсь осмыслить произошедшее.

Именно такую сцену застал только что вошедший в дом, судя по тоге с широкой пурпурной каймой, знатный патриций, в сопровождении двух легионеров.

– Мерцил, будь любезен, доложи хозяину, что Гай Цильний Меценат желает видеть своего друга Квинта Сципилиона Аркуса! – Обратился он к управляющему, как к старому знакомому.

– Мы безмерно рады приветствовать в нашем доме столь уважаемого гостя, – витиевато ответил Мерцил, сгибаясь в почтительном поклоне, – но боюсь, мой хозяин не в состоянии сейчас принять тебя, уважаемый Гай Цильний.

– Эй, в чем дело, старина Мерцил! Я пришел по поручению божественного Августа, чтобы обсудить предстоящий праздник и передать твоему хозяину послание от нашего императора.

– Прошу прощения, – обратился к гостю Аврелий, – но учитель болен, но если Вам будет угодно, прошу пройти со мной в алы¹⁸, и дождаться когда лекарь закончит процедуры.

– Болен! Странно! Только вчера вечером я имел удовольствие беседовать со своим другом Квинтом на приеме у Божественного, и он, как мне показалось, был совершенно здоров. – Пробормотал Меценат, следуя вместе с Аврелием в соседние с атриумом алы.

– Мерцил! – Громко обратился к управляющему юноша. – Распорядись, чтобы подали вина и фруктов дорогому гостю!

– Слушаюсь, молодой господин, – почтительно ответил управляющий.

– Постой, постой, – воскликнул гость, располагаясь в низком и широком кресле, – так ты юный Аврелий, воспитанник Квинта! То-то я смотрю, лицо знакомое! Но ты ведь должен быть где-то в Сирии? Квинт мне что-то об этом рассказывал.

– В Иудее, – поправил Аврелий, – я пять лет находился в Иудее, но уже два дня, как я вернулся домой.

– Ах да, верно, в Иудее, – ответил гость, я, как обычно все перепутал. И чем же ты там занимался, мой юный друг?

– По поручению нашего божественного императора, я занимался подготовкой к переписи населения Иудеи, которую божественный желает провести накануне присоединения Иудеи и Галилеи к Римской империи.

– Похвально, юноша!– Воскликнул Меценат. – В столь юные года, ты уже занимаешься важным государственным делом. Так что же, скажи, случилось с моим дорогим другом, что за недуг его поразил?

– Точно не знаю, но очень похоже на сердечный припадок. Узнаем у лекаря, когда он выйдет от учителя.

– Это, наверное, от радости, что ты вернулся или от перспективы расставания с пятью сотнями талантов, которые вчера у него выклянчил наш Божественный Август.

« Рабыня » внесла в комнату, где расположился гость и Аврелий поднос с кувшином вина и вазой с фруктами. Следом за ней вошел Мерцил. Он проследил, чтобы девушка по-

ставила яства перед гостем, дождался, пока она покинет помещение и, поклонившись, обратился к Аврелию.

– Господин, Цилия закончила. Хозяину стало лучше, но он сейчас спит после приема успокоительного питья.

– Что ж, – сказал гость, отпив из кубка большой глоток вина – в таком случае, не смею более Вас беспокоить. Передайте моему другу наилучшие пожелания о скорейшем выздоровлении. И вот еще что, молодой человек, – обратился он к Аврелию, – позволь вручить тебе императорское послание. Я надеюсь, что как только Квинту станет лучше, ты передашь его ему.

С этими словами Меценат извлек из-под складок Тоги пергамент и передал его молодому человеку. Затем он поднялся и, поблагодарив юношу и управляющего за дружеский прием, покинул виллу.

Глава 7

Все тело ныло, как после тяжелой и изнурительной работы, и в каждом органе ощущалась невероятная слабость. Во рту стоял противный привкус горечи вперемежку с чем-то еще более противным приторно-сладким, отчего сильно мутило. Мысли путались, а все сознание было затуманено, словно густой пеленой. Сделав над собой усилие, Квинт открыл глаза. Вокруг была привычная обстановка его собственной спальни. Он попытался сосредоточиться и извлечь из глубин памяти воспоминания о том, что с ним произошло. Одна мысль, цепляясь за другую, мешала восстано-

нию событий.

– Ах, да! – Вдруг мелькнуло в голове. – Иудей. Да, да, он что-то рассказывал. Но что?

Квинт вновь напряг память, и из затянутого пеленою тумана, сознания, вдруг отчетливо возникло имя – Анна.

– Анна, конечно Анна! Как я мог забыть? Он говорил об Анне, точнее о ее дочери. – Память постепенно возвращалась, восстанавливая в подробностях события, произошедшие этим утром.

– Но как? – Сам себе задавал вопрос Квинт. – Как могло случиться так, что у Анны есть взрослая дочь? Мне необходимо во всем этом разобраться лично. В Египет. Нужно ехать в Египет.

Так, размышляя, Квинт, сделав над собой усилие, повернулся на бок, и, дотянувшись до свисающего шнурка с кисточкой на конце, позвонил в колокольчик.

Спустя несколько минут в спальню вошла Цилия со своим неизменным чемоданчиком. Девушка приветливо улыбнулась и спросила:

– Как Вы себя чувствуете, командор?

– Спасибо, Цилия, – ответил Квинт, – прескверно. Что со мной?

– Ничего страшного, продолжая улыбаться, ответила девушка, – всего лишь обширный инфаркт на фоне сильнейшего эмоционального стресса. Но не волнуйтесь, давно прошли те времена, когда люди умирали от инфарктов. Я прове-

ла цикл процедур по кардиостимуляции и регенерации мышечных тканей, и через день-другой Вы у нас будете, как новенький.

– Спасибо, Цилия, ты мой ангел-хранитель, как сказали бы иудеи, хотя, при других обстоятельствах, я предпочел бы отправиться к праотцам. – Многозначительно ответил Квинт. – Но не сейчас! Я должен, нет, просто обязан поставить точку в этой давней истории, и, вот что я тебе скажу, нам предстоит увлекательнейшее путешествие в Египет – эту волшебную страну одной из древнейших культур на Земле.

– О чем Вы говорите, профессор? Какое путешествие? Вам сейчас нужен полный покой! Максимум, что я могу Вам позволить, так это переезд на виллу в Помпеях, поближе к морю и теплу. Там Вы сможете полностью восстановиться и избежать повторения случившегося.

– Послушай, девочка, здесь все решения принимаю я, и наша поездка в Египет не обсуждается. Мне совершенно все равно, что может со мною произойти. Я не успокоюсь, пока не закончу это дело. И точка! Когда закончишь свои манипуляции со мной, будь добра, позови Аврелия.

Закончив процедуры, Цилия вышла из спальни Квинта и, пройдя через внутренний дворик, зашла в помещение, где находился винный погреб. Она спустилась вниз по узким каменным ступеням в темное, прохладное помещение погреба. Затем прошла мимо длинных рядов с огромными амфорами, в которых хранились вина со всех концов ойкумены, остано-

вилась напротив каменного выступа в стене, и без видимого усилия нажала на него, утопив в стену, которая с легким скрежетом развернулась, открывая проход на еще одну, хорошо освещенную лестницу. Девушка проскользнула в проход и, быстро спустившись вниз, оказалась, как будто, в совершенно другом мире. Здесь, в большом, хорошо освещенном зале, разделенном множеством прозрачных перегородок, персонал базы вел круглосуточное наблюдение за всем происходящим в огромном городе, следя за изображениями с сотен мониторов. Цилия огляделась и, заметив знакомую фигуру Аврелия в одном из таких отсеков, направилась к нему.

– Что ты здесь делаешь? – спросил удивленный юноша.

– Ты что, не рад меня видеть? – Вопросом на вопрос ответила девушка.

– Ну, что ты, дорогая! Я всегда рад тебя видеть, просто как-то неожиданно, что ты спустилась сюда. Раньше, помнится, ты никогда этого не делала.

– Профессор пришел в себя и зовет тебя.

– Как он?

– Ничего! Все самое страшное уже позади, но у него навязчивая идея о поездке в Египет. Этого нельзя допустить, я заявляю, как врач. Любой стресс может убить его. Прошу, повлияй на профессора и постарайся отговорить его от этого путешествия.

– Хорошо Цилия, спасибо, я постараюсь сделать все, что

в моих силах.

С этими словами, Аврелий взял со стола пергамент, врученный ему утром Меценатом, и вместе с девушкой направился наверх.

– Мальчик мой, Аврелий, – воскликнул Квинт, увидев молодого человека, входящего в спальню, – иди сюда, поближе. Присаживайся, нам надо поговорить.

Юноша расположился на краю ложа.

– Что это? – Спросил Квинт, указывая на пергамент, который молодой человек продолжал сжимать в руке.

– Ах это! Вот, утром приходил Ваш приятель – этот богач Меценат, и передал послание от императора.

Профессор взял из рук Аврелия пергамент и, сломав печать, развернул его.

– Как некстати! – Воскликнул он, прочитав послание. – Август просит, чтобы я лично занялся покупкой гладиаторов для устраиваемого им представления. У меня, признаться, нет ни малейшего желания заниматься этим гнусным делом, да и это идет вразрез с моими собственными планами. Послушай, а что ты ответил Меценату?

– Сказал сущую правду, что Вы больны, и не в состоянии принять его.

– Отлично! И, если кто либо, будет справляться о моем здоровье, отвечай, что я очень плох.

– Зачем?

– Пусть это дойдет до ушей Божественного, тогда у меня

появится повод просить его разрешения отбыть, якобы для лечения, в Египет.

– Но почему в Египет, учитель?

– Я потом все тебе объясню, обещаю, а сейчас, прошу об одном одолжении.

– Все, что угодно, командор!

– Ты должен сам, лично, отнести императору обещанную ему мною, сумму. Только возьми не пятьсот, а тысячу талантов, как компенсацию моей немощности. Расскажи ему о моей внезапной болезни так, чтобы он поверил каждому твоему слову.

– Хорошо, я все выполню так, как Вы этого хотите.

– Вот и отлично! Ступай! Деньги возьмешь у Мерцила. И не медли, пожалуйста. Завтра же утром отправляйся к Августу.

Аврелий покинул спальню профессора и направился на поиски Мерцила. Он обошел весь дом и, не найдя его, пошел через сад к где-то затерявшейся в его глубине хижине. Ему стоило немалого труда отыскать ее. Крошечный дворик оказался обнесенным невероятно густой живой изгородью, сквозь которую молодой человек едва смог различить то, что находилось внутри. Когда же ему удалось продрасться сквозь густой кустарник и заглянуть во двор, он увидел там Мерцила, сидящего на низкой скамье с маленьким ребенком на руках, а рядом с ним красивую молодую темноволосую женщину. Чуть в стороне, сидя прямо на земле, уже знакомая

Аврелию Тания, что-то с увлечением лепила из глины. Юноша еще раз обошел изгородь пока не обнаружил, наконец, маленькую калитку, так же покрытую густой зеленой порослью. Некоторое время он постоял в нерешительности, но потом, набравшись духу, все-таки открыл ее. Появление молодого человека во дворе вызвало шок у находившихся там людей. Юноша, прижав ладонь правой руки к сердцу, а левую руку вытянув прямо перед собой с раскрытой ладонью, как бы давая понять добрую волю своего визита, извинительным тоном сказал:

– Не бойтесь, прошу Вас. Я не желаю Вам ничего плохого. Мерцил, я всего лишь искал тебя, чтобы сообщить, что хозяин пришел в себя, и ему стало гораздо лучше.

На лице Мерцила отражалось неподдельное недоумение и растерянность. От неожиданности он на какое-то время потерял дар речи. А в глазах женщины можно было прочесть только ужас. Она выхватила из рук Мерцила ребенка и прижала его к груди, показывая, что будет защищать его, чего бы ей это не стоило. Обстановку разрядила Тания. Увидев Аврелия во дворе своего домика, она оставила свое занятие, и с радостным криком бросилась в объятия молодого человека.

– Аврелий, ты пришел! Как я рада! Проходи же, я познакомлю тебя с моей мамой!

Эта сцена вызвала у взрослых еще большее недоумение. Обретший, наконец, дар речи Мерцил, спросил, обращаясь

одновременно к дочери и к молодому человеку:

– Вы знакомы? Но откуда, как? Ты знал, Аврелий?

– Успокойся, мой друг, – ответил юноша, – мы с твоей дочкой познакомились только сегодня утром. Вот при каких обстоятельствах, я тебе не скажу. Это наш с нею маленький секрет. Должен сказать, что у Вас с Зоей очень воспитанная и умная дочь, и Вы вправе гордиться таким ребенком.

Слушая молодого человека, Мерцил бросил укоризненный взгляд в сторону дочери и покачал головой. А меж тем, Аврелий продолжал говорить.

– Не надо ругать Танию. Она поступила так, как должно было поступить, и честно мне все рассказала. Только не пойму, Мерцил, зачем тебе понадобилось скрывать свою семью? Они вполне могли бы жить в доме в гораздо более комфортных условиях, чем здесь.

– Да, возможно ты и прав, но боюсь, хозяину это вряд ли понравилось бы. Поклянись мне, что ничего ему не расскажешь.

– Да я готов поклясться, только объясни мне, пожалуйста, чего ты боишься. Вы с Квинтом столько лет вместе. Я всегда считал, что Вы близкие друзья.

– Тания, чего стоишь, – обратился Мерцил к дочери, – принеси для гостя скамью!

Девочка тут же сорвалась с места, и вприпрыжку помчалась в дом выполнять распоряжение отца.

– А ты, дорогая, – обратился он к жене, – принеси нам

чего-нибудь выпить.

Женщина посадила сынишку рядом с отцом, и, встав, направилась в дом. Аврелий невольно залюбовался ее стройной фигурой, облаченной в длинную столлу, которая только подчеркивала ее грациозный стройный стан.

– Тебе можно позавидовать, старина! – Воскликнул юноша. – Она настоящая красавица. Вы давно вместе?

– Скоро четырнадцать лет.

– Как же тебе удалось так долго скрывать свою семью?

– Зоя была рабыней на соседней вилле. Однажды я, выполняя поручение Квинта, увидел ее там, и был поражен красотой юной гречанки. Мы стали встречаться. Благо ее хозяйева оказались очень добропорядочными людьми, что большая редкость среди римлян. Пожилая матрона относилась к своим рабыням, скорее как к приемным дочерям. Когда же наши с Зоей отношения зашли слишком далеко, и вот-вот должна была появиться на свет Тания, госпожа и вовсе освободила Зою от всяких домашних обязанностей. Дело в том, что боги не дали ей дочерей, о которых она мечтала всю жизнь, а сыновья, став взрослыми, разъехались по дальним провинциям. Эта добрая женщина окружила Зою заботой и лаской, а когда родилась Тания, то нянчилась с ней, как будто это была ее собственная внучка. Так продолжалось долгое время. Потом родился Филипп, и все было замечательно до того момента, когда женщина тяжело заболела и вскоре умерла. Перед смертью она умоляла мужа дать Зое

с детьми вольную, или, хотя бы не разлучать нас. Он, в общем-то, неплохой человек, но патрицианские предрассудки оказались выше. Он отказался отпускать рабов на волю. Я был в отчаяние, не знал, что мне делать.

– Так почему же ты не обратился к Квинту?

– Это давняя история, и, боюсь, в этом деле он мне не был бы помощником. Тогда я решил их выкупить и сделал это, заплатив восемнадцать тысяч сестерциев. Только вот, сделать это мне пришлось от имени хозяина и на его имя. Я ведь, для всех окружающих, всего лишь вольноотпущенный.

– Да как же тебе удалось все устроить таким образом, что Квинт даже не подозревает о том, что у него есть рабы?

– Мне пришлось, к моему стыду, подделать подписи хозяина, а один знакомый стряпчий, за солидную сумму все оформил должным образом.

– Вот так история! – Воскликнул удивленный юноша. – И что будет дальше? Ты же не сможешь вечно прятать их за этим забором! Рано или поздно все равно все придется раскрыть командору.

– Я понимаю это, Аврелий, но боюсь, Квинт меня не поймет. Он крайний противник каких-либо взаимоотношений между нами и землянами, а семейных, в особенности.

– Странно, а чем это вызвано?

– Поклянись, что то, что сейчас услышишь, умрет вместе с тобой.

– Мог бы и не просить, ведь мы же друзья.

– Дело в том, что у Квинта, очень, очень давно была семья – красавица жена и двое детишек. Из-за любви к этой женщине, он отказался от карьеры, титулов и должностей, которые ему прочили. И остался с ней здесь, на Земле.

– Так она была римлянкой?

– Нет, нет. Она происходила от одного из народов, проживающих в Месопотамии на берегах Евфрата.

– И что же произошло?

– Она погибла вместе с дочерью во время нашествия диких племен с востока, а он в это время был далеко и ничем не мог помочь. С тех самых пор ни одна из женщин сколь-нибудь серьезно не входила в его жизнь. Наверное, он опасается, чтобы подобная участь не постигла кого-нибудь из тех, с кем ему пришлось работать, и кто ему был дорог. А боль эта навсегда осталась в его сердце.

– А сын, ты сказал, что у него был еще и сын?

– Сына спас самый близкий друг командора. Но это совсем иная история и я не вправе, без его ведома, рассказывать о ней.

– Этим другом был ты?

– Нет, что ты! Мы познакомились гораздо, гораздо позднее.

Из дому вышли Тания со скамейкой в руках и Зоя с подносом, на котором стояли два простых кубка с прохладительными напитками. Аврелий опустил на принесенную девочкой скамью, взял, поблагодарив, один из кубков, и за-

думчиво сказал:

– Да, грустная история, – и еще немного подумав, добавил, – обещаю, что что-нибудь придумаю, как выйти из этого щекотливого положения.

Юноша отпил из кубка и обнял, присевшую рядом с ним, Танию. Вдруг его осенило.

– А знаешь, Мерцил, я стану наставником твоей дочери. У нее появится возможность учиться и преумножить те знания, которые ей передала мать. В доме огромная библиотека и я добьюсь у Квинта разрешения для девочки пользоваться ей.

– Аврелий, опомнись, она же рабыня!

– Клянусь, я решу эту проблему. – Решительно ответил юноша. – Сможешь привести ко мне своего стряпчего?

– Думаю, да.

– Тогда не затягивай с этим и найди его как можно скорее, пока мы не уехали в Египет.

– В Египет? – Удивленно переспросил Мерцил. – С чего это вдруг?

– Ну, вот, о самом главном я и не сказал, зачем искал тебя. Завтра утром, по поручению Квинта, я должен доставить императору тысячу талантов. Хозяин распорядился, чтобы ты выдал мне эту сумму. И еще, он просил, всеми доступными средствами, поддерживать и распространять слухи о его слабом здоровье, чтобы выпросить разрешение у Августа отбыть в Египет для лечения.

– Зачем ему в Египет?

– Не знаю. Он обещал все объяснить позже. Так, мне пора.

Простите, еще раз, за непрошенное вторжение.

Аврелий поднялся со скамьи, потрепал за волосы Танию, и быстрым шагом вышел за калитку.

Глава 8

Преодолев неблизкий путь с Квиринала до Палатина, пробиваясь через лабиринт римских улочек, заполненных суетливыми горожанами, нубийцы, наконец, опустили паланкин у роскошного двухэтажного особняка, как живым частоколом обнесенного неподвижно замершими в полном боевом облачении, солдатами преторианской гвардии, в котором расположилась личная резиденция императора Гая Юлия Цезаря Августа. Навстречу, выбравшемуся из паланкина, Аврелию, из дворца вышел управляющий императора. Аврелий, придав лицу небрежное, несколько высокомерное выражение, обратился к нему, слегка выпятив нижнюю губу:

– Любезный, доложи божественному Августу, что прибыл Аврелий Лициний Сцинна, по поручению Квинта Сципилиона Аркуса.

Управляющий, почтительно поклонившись, удалился вглубь дома, предварительно, извинительным тоном предложив Аврелию дождаться снаружи. В ожидании, юноша стал вымерять шагами широкую террасу перед особняком, с любопытством рассматривая преторианцев. Ожидание несколько затянулось, но вот, наконец, на пороге сно-

ва появился управляющий, и, склонившись перед Аврелием, объявил:

– Наш повелитель, достойнейший из достойных, император и Великий понтифик, Гай Юлий Цезарь Август, ждет тебя, Аврелий Лициний Сцинна.

Аврелий повернулся к ожидающим его рабам и отдал короткий приказ. Тотчас, двое нубийцев извлекли из паланкина большой, тяжелый сундук, окованный бронзовыми пластинами, и, подхватив его с двух сторон, поднесли к юноше. Управляющий, жестом пригласил следовать за ним. Пройдя просторный, роскошно отделанный мрамором, вестибул, управляющий распахнул перед гостем и сопровождающими его рабами, массивную, отделанную искусной резьбой, дверь. Юноша очутился в просторном, хорошо освещенном зале, в конце которого на возвышении, к которому вели мраморные ступени, стоял трон императора. Август, застывший в величественной позе, как и подобает правителю Рима и всей ойкумены, прямо восседал на этом троне, облаченный в белоснежную тогу. Голову императора украшал золотой венец в виде переплетенных листьев. Аврелию никогда раньше не приходилось вот так близко видеть Августа, и он с любопытством рассматривал этого, уже не молодого, но сохранившего юношескую осанку, человека, сумевшего покорить не только Рим, но и большую часть ойкумены. Более всего в императоре юношу поразила гордый, колючий взгляд, будто насквозь просвечивающий окружающих его людей. Аврелий

сделал несколько шагов вперед, и, как положено по протоколу, опустился перед императором на одно колено. Глядя Августу прямо в глаза, он произнес:

– Я, Аврелий Лициний Сцинна, приветствую тебя, Божественный Август по поручению моего наставника и воспитателя Квинта Сципилиона Аркуса. Мой наставник просил простить его за то, что он лично не смог предстать перед Великим императором, и просил меня передать свое пожертвование на устройство праздника в честь твоего, Божественный, вхождения в должность Первого консула и Принцепса.

Юноша хлопнул в ладоши. Ожидающие его за дверью рабы внесли сундук и, поставив его рядом с Аврелием, удалились. Юноша откинул крышку сундука, в котором переливались груды золотых монет, заполнивших его до краев.

– Здесь тысяча талантов, Божественный. Мой наставник посчитал возможным удвоить сумму обещанного жертвоприношения, как компенсацию невозможности выполнения им высочайших повелений Великого Августа, из-за неожиданно поразившего его недуга.

На лице Августа промелькнула мимолетная самодовольная усмешка.

– Встань, юноша, – доброжелательным тоном произнес император, – подойди поближе, присядь рядом, и расскажи, что за тяжелый недуг поразил моего дорогого (Август многозначительно кинул взгляд на сундук с золотом) друга Квинта.

Аврелий встал и, поднявшись по ступеням, присел на предложенный Августом табурет, обшитый алым сирийским шелком.

– С моим наставником случился сердечный припадок, и его лекарь категорически запретил ему вставать с постели.

– Передай, юноша своему наставнику и господину, мое искреннее сожаление о его болезни и пожелание скорейшего выздоровления. Если необходимо, я пришлю ему самых лучших своих лекарей.

– Благодарю тебя, Божественный Август, но в этом уже нет необходимости. Наш лекарь сказал, что самое страшное позади, и требуется только время и покой для полного выздоровления моего воспитателя. Так же лекарь порекомендовал нам обратиться к одному всемирно известному чародею, который проживает в Египте, и, который, по слухам, обладает волшебным даром целительства. Поэтому мой наставник и господин просит твоего разрешения, отбыть в Египет после того, как лекарь позволит ему встать на ноги.

– Здоровье и благополучие моих друзей – это святое для меня. – Ответил Август. – Можешь передать Квинту, что я не только разрешаю ему совершить эту поездку, но и предоставлю в его распоряжение боевую триеру с экипажем и центурией воинов для его охраны, а так же свой эдикт, по которому везде, где мой друг будет находиться, ему и его спутникам будет оказано всяческое содействие.

Август повернулся в сторону, замершего в ожидание при-

казаний, секретаря.

– Ты слышал, Амвросий, подготовь эдикт!

Секретарь почтительно склонил голову и стал быстро скрипеть пером по пергаменту. Когда он закончил, то поднес готовый эдикт императору и подал ему перо. Август размашисто поставил подпись. Секретарь, не разгибая спины, взял пергамент и перо из рук Августа, вернулся на свое место и, скрепив эдикт печатью, передал его Аврелию. Юноша, с благодарностью, принял документ и спрятал его под складками своей тоги.

– Ты сказал, что твое имя Аврелий Лициний Сцинна? – Вновь обратился Август к молодому человеку. – Я знавал одного Сцинну, который служил под началом Гая Мария. Не твой ли это родственник?

– Да, это мой дальний родственник, Божественный. – Ответил Аврелий.

– А твои родители? – Продолжал Август.

– Они умерли от чумы, когда я был еще младенцем, и меня взял на воспитание Квинт Сципилион.

– Почему же я ничего не знал об этом благородном шаге твоего воспитателя?

– Он не любит выставлять напоказ свои чувственные порывы, Божественный.

– Похвально! Расскажи, юный Сцинна, чем же ты занимаешься?

– Последние пять лет, Божественный, я провел в Иудее,

где, по твоему приказу, изучал настроения среди местного населения, в связи с предстоящим присоединением этой, и других соседних территорий, к твоей великой империи, а так же с, предшествующей этому событию, переписью населения. Сразу же по прибытию в Рим, я передал свой отчет в курию¹⁹.

– Интересно! – Воскликнул Август. – Я непременно сам лично ознакомлюсь с твоим отчетом, но прошу тебя рассказать мне сейчас свои впечатления о поездке. Эта тема очень важна для меня. Как ты считаешь, когда мы сможем объявить Иудею, Галилею и другие земли, нашими провинциями?

– Сейчас, на мой взгляд, не самое благоприятное время для этого.

– И почему же? Вот царь Ирод пишет мне, убеждая, как раз, в обратном.

– Прости, Великий Август, в отличие от царя Ирода, я инкогнито путешествовал по стране и общался с самыми разными людьми. Если ты хочешь услышать правду, я готов рассказать ее тебе.

– Так говори же!

– Народ Иудеи, мягко говоря, недолюбливает царя Ирода, даже не смотря на его многочисленные заслуги. Большинство людей из самых разных сословий считают его предателем и вероотступником за то, что он понуждает собственный народ, презрев свою древнюю веру, молиться нашим,

римским богам. А из-за того, что он обложил все население Иудеи непомерными подушевыми податями и налогами, всякая мысль о переписи населения, не вызывает ничего иного, как общее негодование. Вспомни те народные восстания, происходившие в Иудее в недалеком прошлом, которые были, как раз, следствием подобных переписей.

– Так что же предлагаешь ты? Отказаться?

– Нет, нужно немного подождать и подготовить благоприятную почву. Необходимо распространять среди населения слухи, что с мирным присоединением этих земель к Великому Риму, жизнь станет несравненно лучше теперешней, и что железные римские легионы станут на защиту народа от набегов кочевников-бедуинов, от которых так страдает мирное население.

– Признаться, не по годам мудрая мысль, – задумчиво ответил император, но где найти такого человека, которому люди поверят. И сколько времени потребуется, чтобы переломить общественное мнение.

– Я думаю, – ответил юноша, – пару лет будет достаточно, а что касается человека, то одного такого я знаю. Он иудейский священник. Его имя Тобий и сейчас он здесь, в Риме. Я привез его с собой.

– Вели этому человеку прийти ко мне, Сцинна, я хочу говорить с ним.

– Когда пожелаешь, божественный.

– Сегодня же! Пусть он придет сегодня! И спасибо, юноша

за смелость и откровенность. Можешь идти. Передай Квинту, что я благодарен ему за то, что воспитал столь достойного и честного римского гражданина.

Возвратившись домой, Аврелий застал, с нетерпением ожидающего его, Мерцила.

– Ну, наконец-то! – Воскликнул управляющий. – Я привел того человека, которого обещал. – Уже в полголоса сообщил Мерцил. Его имя Простаний, он клиент одного очень высокопоставленного сенатора, и, вообще, очень ловкий человек. Он, как мне кажется, сможет оказать тебе помощь.

– Отлично, дружище! – Ответил юноша. – Где он?

– Я проводил его в алы, где он сейчас и дожидается тебя.

– Хорошо, проследи, пожалуйста, чтобы нас никто не побеспокоил, пока мы будем беседовать.

Аврелий прошел в алы, где застал совершенно лысого маленького сморщенного человечка.

– Твое имя Простаний?

– Да, господин, – сиплым голосом ответил человек.

– И ты, говорят, ловкий стряпчий?

– До сих пор, все клиенты оставались довольными моей работой.

– Тогда вот что...

Аврелий склонился к гостю и что-то начал шептать ему на ухо. Немного поразмыслив, стряпчий утвердительно кивнул головой.

– Ну, вот и прекрасно! – Воскликнул юноша. – За свою работу ты получишь десять тысяч сестерциев. Еще столько же я заплачу тебе, если все документы будут у меня не позднее завтрашнего дня, и за то, что ты будешь нем, как рыба.

– Не волнуйтесь, господин, – довольно потирая руки, просипел Простаний, – все будет исполнено в лучшем виде, или мое имя не Простаний.

– Вот, возьми, – сказал Аврелий, кидая в руки стряпчего увесистый кошелек, – это аванс. Здесь тысяча сестерциев на расходы.

Простаний поймал кошелек и, рассыпаясь в благодарностях за щедрость, раскланиваясь на ходу, покинул комнату.

Спустя несколько минут, в алы вошел Мерцил.

– Как все прошло? – спросил он Аврелия.

– Все в порядке, дружище, – задумчиво ответил юноша. Надеюсь, уже завтра Зоя и дети будут свободными людьми, но мне понадобятся деньги.

– Сколько?

– Двадцать тысяч сестерциев. Услуги и молчание стряпчего стоят того.

– Вечером ты их получишь. – Радостно ответил управляющий.

– И вот что еще, Мерцил, пока никому ни слова, в том числе и Зое.

– Могила! – Ответил управляющий, и отправился в хранилище отсчитывать нужную сумму.

– Да, еще найди Тобия. – Вслед удаляющемуся управляющему крикнул Аврелий. – Я отрекомендовал его императору, и Август хочет сегодня же видеть его и говорить с ним. Пожалуйста, проследи, чтобы иудея доставили во дворец. Пусть мои нубийцы отнесут его, когда немного передохнут и поедят, и потом доставят обратно.

– Можешь не беспокоиться! Все будет исполнено! – Ответил Мерцил.

А Аврелий, еще некоторое время, постояв в одиночестве, круто повернулся на пятках и пошел докладывать Квинту о результатах своей аудиенции с императором.

– Ты превзошел все мои ожидания, мой мальчик! – Воскликнул Квинт, складывая только что прочитанный им императорский эдикт. – О таком можно было только мечтать! Расскажи, как же тебе удалось убедить Августа, что он так расщедрился.

– Его убедил не я, профессор, а золото. Видели бы Вы, с какой жадностью и вожделением он смотрел на содержимое сундука!

– Так или иначе, Божественный здорово облегчил нашу задачу. Боевой корабль и центурия легионеров в придачу, позволит нам существенно сократить группу отбывающих в Египет, что будет способствовать продолжению нормального функционирования базы, с одной стороны, и не вызовет кривотолков среди местных аристократов, с другой.

– Кстати, по поводу путешествия! Цилия категорически возражает, по крайней мере до Вашего полного восстановления после болезни.

– Я уже это слышал. Можешь успокоить свою возлюбленную Цилию. На подготовку путешествия уйдет какое-то время, в течение которого, благодаря ей, я смогу прийти в норму. Кроме того, Цилия со своим чудо чемоданчиком поедет с нами, и, если мне вдруг снова станет хуже, всегда сможет оказать необходимую помощь.

– А кто же останется руководить базой?

– Ну, за это я вообще не беспокоюсь! Мерцил благополучно справится со всеми делами, тем более, что ему уже неоднократно приходилось этим заниматься в мое отсутствие.

– Командор, могу я обратиться к Вам с личной просьбой?

– Ну, конечно, Аврелий! Что за церемонии! Проси, что хочешь!

– Профессор, я здесь, в Риме, случайно познакомился с одной женщиной – вольноотпущенной.

– Что я слышу? А как же прекрасная Цилия?

– Нет, нет! Вы меня не так поняли. Совсем не в том смысле. Просто мне очень хотелось бы хоть чем-нибудь помочь ей и ее детям. Женщина эта родом из знатной эллинской семьи. На остров, где жила ее семья напали киликийские пираты. Они перебили все взрослое население, а женщин и детей продали в рабство. Сейчас, получив свободу, она совершенно одна в этом городе, а возвращаться на родину, где никого

из близких не осталось, ей очень больно. Вот я и подумал, что она могла бы стать помощницей Мерцила, и следить за порядком в доме, а он смог бы сосредоточиться на управление базой. И еще, женщина эта хорошо образованна, знает языки народов, населяющих ойкумену. Многие из своих знаний она передала своей дочери. Девочка, несмотря на свои одиннадцать лет, так же свободно владеет несколькими языками, умеет читать и писать на них. И мне очень хотелось бы, стать ее наставником, чтобы у нее появилась возможность преумножить свои знания.

– Что ж, хоть и просьба твоя необычна, я обещал, что выполню ее. Можешь приводить своих протеже. Пусть Мерцил приготовит для них помещения в доме для прислуги, и хорошенько проинструктирует на счет того, куда им не следует совать свой нос.

Глава 9

Ранним утром двадцатого ноября, 752 года от основания Рима, небольшой отряд, состоящий из пяти всадников, закутанных в дорожные плащи, и большой крытой повозки, запряженной двумя лошадьми, проехал через Остийские ворота Рима. Нигде не останавливаясь все двадцать миль, отделяющих Рим от своего главного порта, уже спустя четыре с половиной часа этот отряд пересек Римские ворота Остии, и, миновав город, больше похожий на большой военный лагерь, направился в порт. Здесь передвижение отряда замедлилось в виду того, что то и дело приходилось объезжать различные

портовые постройки и пропускать спящих в разные стороны рабов и вольноотпущенных, занятых на разгрузке и погрузке многочисленных, пришвартованных к берегу кораблей. Из всего многообразия судов и суденышек самой разной оснастки и происхождения, путники выбрали большую боевую трирему²⁰ с фигурой мифической Медузы Горгоны на носу. Здесь они остановились и спешили. От маленького отряда отделился один человек, передав повод своего коня, товарищу. Он подошел к перекинутым с борта на берег сходням и властным голосом окликнул легионера, охранявшего вход на корабль.

– Эй, солдат, позови своего триерарха²¹ или центуриона.

– А кто ты такой, чтобы мне приказывать, – грубо ответил легионер, продолжая неподвижно стоять, перегораживая проход на сходни.

– Я, Аврелий Лициний Сцинна, посланник нашего божественного императора Августа, и у меня приказ императора твоим командирам.

– Тулий! – Нехотя окликнул легионер своего товарища, находящегося на борту. – Зови скорее триерарха! Тут его спрашивают какие-то важные «шишки» из Рима.

Вскоре вместе с легионером к борту вышел тучный человек с одутловатым лицом, на котором, как в зеркале, отражалась тяга к чревоугодию и пьянству.

– Чего надо? – Спросил он.

– Мне нужен триерарх этого корабля.

– Ну, я триерарх! Говори!

– У меня приказ императора Августа!

– Эй, солдат, пропусти! – крикнул он часовому у сходней на берегу.

Часовой отошел в сторону, пропуская Аврелия. Тот ловко взбежал по сходням и поднялся на борт. Юноша протянул триерарху пергамент с печатью императора. Тот развернул его, внимательно перечитал несколько раз, и, откашлявшись, сказал:

– Прошу прощения, господин. Можете подняться на борт.

Юноша сбежал вниз по сходням, и, подойдя к повозке, помог спуститься из нее еще четверым своим спутникам. Затем, пятеро других, забрались в повозку и стали разгружать из нее багаж путешественников. Когда весь груз оказался выгруженным, Аврелий расплатился с возницей. Он отдал вознице приказ, немедленно возвращаться в Рим, и отвести лошадей в усадьбу Квинта Сципилиона. Пока Аврелий был занят с возницей, пятеро его верных нубийцев уже поднимали тяжелые сундуки и коробка на борт триремы. Дождавшись, когда они закончат погрузку, на борт поднялись и все остальные. В фигурах двоих спутников юного римлянина, с ног до головы закутанных в плотные дорожные палии, угадывались женщины, в двоих же других с первого взгляда можно было узнать людей уже далеко не молодых.

– Так сколько же Вас всего? – спросил триерарх у Аврелия.

– Десять человек. – Ответил тот. – Трое мужчин, две женщины и пятеро рабов.

Пожилой человек, в котором без труда угадывался знатный патриций, спросил у триерарха, едва очутившись на палубе:

– Когда мы отплываем?

– Если боги будут благосклонны к нам, завтра утром с приливом. Сейчас пошлю за центурионом, чтобы он поспешил с погрузкой своих людей. И, позволь спросить, как мне тебя называть, господин.

– Я, Квинт Сципилион Аркус, сенатор и близкий друг Божественного Августа. А как твое имя, триерарх?

– Меня зовут Демещий. – Ответил триерарх. – Позволь спросить, куда мы держим путь?

– В Египет. – Коротко ответил Квинт.

– Я гляжу, ты тут самый главный. Давай пройдем в мою каюту и обсудим, каким маршрутом нам лучше идти.

– Сначала устрой наших спутниц, а потом поговорим о делах. – Ответил Квинт.

– На корме есть несколько кают. Заняты только две – моя и центуриона Дирха. В остальных можете располагаться по своему усмотрению.

– Прекрасно! В таком случае, Демещий, пойдем, взглянем на твои карты.

Пока Аврелий осматривал каюты, выбирая наиболее подходящую для своих спутниц, Демещий любезно распахнул

перед Квинтом дверь в свою, очень скромно обставленную, но неожиданно опрятно прибранную каюту, и жестом пригласил его войти внутрь. Квинт, не заставив себя ждать, прошел в помещение. Триерарх достал большой пергаментный свиток, и, развернув его, разложил на стоящем посреди каюты столе.

– Это карта Внутреннего моря, – сказал он Квинту, – вот Остия, – добавил он, тыкнув пальцем в место на карте, – а вот Александрия Египетская, – перенеся палец в другое место, показал триерарх. – Покажи, благородный Квинт Сципилион, каким маршрутом ты хотел бы пройти этот путь.

Квинт склонился над картой, внимательно изучая ее, и, вскоре произнес.

– Предлагаю пройти на юг вдоль Итальянского полуострова, далее, с запада обогнуть Сицилию, пересечь море до Карфагена, и, двигаясь вдоль северного побережья Ливии, пройти до Александрии.

Демещий покачал головой, и скривил рот в снисходительной улыбке.

– Плохой план, сенатор. Сразу видно, что ты не мореход. С первой частью, предложенного тобою маршрута, я согласен. Мы пройдем вдоль западного берега Италии. Но вот дальше... Море в это время года неспокойно, а между Сицилией и Ливией, особенно. Но даже, если мы благополучно доберемся до Карфагена, дальше нам предстоит долгий путь вдоль пустынных и засушливых берегов Ливии. Здесь прак-

тически нет портов, удобных для стоянки, и пополнения запасов воды и продовольствия. К тому же, двигаясь на восток, нам большую часть пути придется идти на веслах, так как зимою здесь преобладают встречные ветра.

Я предлагаю поступить следующим образом. Мы проходим на юг вдоль Италии, далее проходим через пролив, отделяющий ее от Сицилии. В Мессине пополняем запасы и, обогнув Италию, идем до Брундизия. Затем пересекаем море до Эллады, огибаем ее, и продолжаем двигаться через море, усеянное густонаселенными островами до азиатского побережья. Потом, продолжаем плавание на юг вдоль Азии, где множество удобных портов, и идем до Александрии. Этот маршрут, хоть и более длинный, но наиболее безопасный. А благодаря попутным ветрам, мы сможем пройти его даже быстрее, чем в твоём случае.

– Как я вижу, ты опытный мореход, Демещий, – с уважением ответил Квинт, – и вынужден с тобой согласиться. Твое предложение разумно, и гораздо лучше моего. Мы идем твоим маршрутом.

Весь остаток дня, путники занимались обживанием своих кают, не обращая внимания на шум и топот ног грузящихся на корабль легионеров. Когда же солнце начало клонить к горизонту, все приготовления к плаванию были закончены, и на триреме воцарилась тишина. Маленькая каютка по правому борту, досталась иудею Тобию. Квинт и Аврелий заняли каюты, расположенные рядом с каютой триерарха, а смежная

с ними, досталась женщинам. Кем же были эти таинственные спутницы наших героев? Одной из них, как не трудно догадаться, была Цилия, а другой – юная Тания. Она, со слезами на глазах, уговорила родителей отпустить ее вместе с Аврелием, который объявил себя ее наставником, в это путешествие. После долгих колебаний, юноша согласился, посчитав, что девочка, владеющая несколькими языками народов, населяющих берега Внутреннего моря, может быть весьма полезной в пути, а кроме этого, сможет скрасить быт и стать младшей подругой для Цилии. Цилия, в свою очередь, внимательно присматриваясь к девочке все последнее время, с момента ее появления на вилле Квинта, все больше привязывалась к любознательному и жизнерадостному ребенку. И ей было очень приятно от того, что рядом с нею все время путешествия будет эта девочка.

Как только вечер спустился над Остией, и стихли звуки портового шума, Квинт пригласил всех своих спутников, включая нубийцев, к себе в каюту.

– Друзья мои! – Обратился он к собравшимся в каюте спутникам. – Завтра утром начнется наше долгое путешествие в Египет, которое, не буду скрывать, может быть трудным и весьма опасным! – С этими словами, Квинт открыл небольшую шкатулку из черного эбенового дерева. – Я хочу, чтобы каждый из Вас взял это.

Он извлек из шкатулки десятков медальонов в виде Римской волчицы с раскрытой пастью, сделанных из простого

серого металла.

– Никогда не расставайтесь с этой вещицей, и, если, кто-нибудь из Вас, окажется в затруднительном положении, потеряется или просто окажется в ситуации, требующей посторонней помощи, сделайте так, – Квинт взял один из медальонов, и, слегка нажал на нижнюю челюсть волчицы до характерного щелчка, – тогда мы будем знать Ваше точное местонахождение, и сможем прийти на помощь. Кроме этого, – он подошел к одному из сундуков, расставленных вдоль стен каюты, и, открыл его, – каждый раз, когда мы будем сходить на берег, одевайте это под одежду.

Квинт достал из сундука что-то, напоминающее глухой свитер с высоким горлом, сделанный из очень эластичного и невероятно тонкого и легкого материала.

– Эта вещь, хоть она и кажется легкой и непрочной, предохранит Вас от стрел лучников и ударов ножом или кинжалом в случае нападения. И последнее, – раскрывая следующий сундук, сказал Квинт, – здесь оружие: кинжалы, ножи, мечи и луки. Пусть каждый из Вас выберет то, что ему более по душе или по руке. Я очень надеюсь, что ничего из этого нам не пригодится, но предосторожности ради, это не помешает. Прошу Вас, подходите и разбирайте.

Когда все предложенные предметы были разобраны, Квинт пожелал всем спокойной ночи и счастливого плавания.

Цилия тщетно пыталась уложить в постель Танию, кото-

рая сидя на кровати, с восторгом рассматривала медальон и, доставшийся ей, кинжал с узким, трехгранным лезвием, поблескивающим своей полированной поверхностью в тусклом свете масляного светильника, подвешенного на цепи под потолком каюты.

– Довольно, Тания! – Настоятельно потребовала девушка. – Укладывайся, а то проспишь отплытие.

– Ну, еще немного, Цилия! Посмотри, какие они красивые! У меня еще никогда не было таких вещей!

– Теперь есть, и они никуда от тебя не убегут. Ложись сейчас же!

– Ладно! – нехотя ответила девочка, укладываясь в постель. – Расскажи мне о Египте, пожалуйста.

– Я никогда там не бывала, и не знаю, что тебе рассказывать.

– А правда, что мы поплывем мимо эллинских островов? – Не унималась Тания.

– Правда, правда! Давай, спи.

– Здорово, – прошептала девочка, закрывая глаза, – может быть, мы увидим остров, на котором родилась моя мама.

Тания зевнула и погрузилась в сон, в предвкушении предстоящих приключений.

Убедившись, что девочка спит, Цилия тихонько приоткрыла дверь, и выскользнула из каюты, где сразу же попала в жаркие объятия Аврелия.

– Что ты так долго? – шепотом спросил юноша, покрывая

лицо девушки поцелуями, и увлекая ее в свою каюту.

– Еле уложила твою воспитанницу. – Так же шепотом ответила девушка, обвив руками Аврелия за шею, и страстно отвечая на его поцелуи.

Глава 10

Едва небо на востоке начало светлеть, предвещая скорый восход солнца, на корабле все пришло в движение. Повинуясь четким командам триерарха, матросы убрали сходни, отвязали швартовые канаты от береговых тумб, и подняли из воды тяжелые бронзовые якоря. Прилив уже достаточно высоко поднял трирему над мелководьем. Дружно упершись длинными шестами в каменную кладку пристани, гребцы и солдаты оттолкнули корабль от берега, и, размеренными взмахами весел, вывели ее на широкую гладь Остийской гавани. Мастерски лавируя между многочисленными судами, стоящими на якорях посреди бухты, ожидающими своей очереди для подхода к пристани, длинная, узкая трирема обогнула мыс, являющийся крайней оконечностью гавани, и вышла на широкий морской простор. Деметий, стоя на носу корабля, там, где высилась голова мифического чудовища, достал кусок легкой ткани и распустил его по ветру, держа в высоко поднятой руке. Оставшись довольным направлением ветра, триерарх, неожиданно громким и четким голосом, что не совсем соответствовало его тучной фигуре, отдал приказ ставить паруса. Несколько десятков человек, отвязав закрепленную вдоль борта мачту, подняли ее, и вынесли на середи-

ну палубы, туда, где находилось, окованное металлом, широкое отверстие. Они приподняли мачту и завели ее широким концом в отверстие. Еще через несколько мгновений, с помощью канатов, мачта уже стояла вертикально. Когда же первые солнечные лучи, пробивающиеся сквозь густые низкие облака, озарили все вокруг, трирема уже неслась по волнам, подгоняемая свежим попутным ветром, заполнившим полотнище паруса с изображением гордого римского орла. Гребцы убрали весла, и только кормчий теперь управлял судном, ведя его хорошо ему известным курсом.

Вскоре на палубу вышли пассажиры, чтобы полюбоваться морским пейзажем и, едва заметной на востоке береговой линией. Не смотря на достаточно прохладную погоду, никто не собирался покинуть палубу, и, кутаясь в плотные дорожные палии, продолжали стоять, вдыхая влажный, пропитанный солью, морской воздух. Более всех вид моря вызвал восторг у юной Тании, которая никогда в жизни его не видела, и знала только по рассказам матери. Девочка радостно бегала по палубе, переходя от одного борта к другому, забегая на нос, к деревянной фигуре Медузы Горгоны, возвышающейся над мощным тараном, с шумом, рассекающим волны, и на корму, где пожилой кормчий командовал рулевыми матросами, крепко сжимающими в руках концы рулевых весел.

Заметив триерарха, стоящего на корме рядом с кормчим, Квинт направился к нему. Коротко поприветствовав Деметция, он заметил:

– Хорошо идем, триерарх! Так мы быстро доплывем до нашей конечной цели!

– Если богам будет угодно, и ветер не поменяет направления, то завтра днем будем в Помпеях. – Со знанием дела ответил Демещий.

– Мне казалось, что при такой скорости, мы смогли бы быть там уже на рассвете. – Попытался возразить Квинт.

– Могли бы, благородный Квинт, но на ночь лучше оставаться. – Укоризненно покачав головой, ответил триерарх. – Я хорошо знаю, как могут быть опасны прибрежные воды. Здесь полно подводных скал, которые и при свете дня заметить очень трудно. Так что не будем испытывать Фортуну.

Пока шел этот разговор, к триерарху и Квинту присоединились еще два человека. Один из них, настоящий гигант, поразил Квинта своим могучим телосложением. Лицо этого человека было обезображено шрамом, судя по всему, полученным от удара мечом. Другой же был невысокого роста, коренастый, с густой черной, как смоль, шевелюрой. Оба, подружески поприветствовали Демещия и, оценивающе окинули взглядами Квинта. Демещий приветливо ответил им, и уважительно посмотрев на Квинта, сказал:

– Благородный Квинт Сципилион, знакомься. Это (указал он на гиганта) – центурион Дирх, а это – гортатор (начальник гребцов) Марк. По приказу нашего Божественного Августа, Благородный Квинт Сципилион со своими спутника-

ми направляется в Египет, – сказал Демещий, уже обращаясь к вновь присоединившимся к ним, – а нам велено доставить его туда в целости и сохранности и охранять в пути от всяческих неприятностей, которые могут случиться.

Квинт вежливо ответил на приветствия центуриона и горатора.

– Давайте обходиться без церемоний и титулов. Здесь, в море, Вы хозяева, а я и мои спутники всего лишь гости на время нашего плавания. Поэтому зовите меня просто Квинт. Поверьте, это ничуть не уронит моего патрицианского происхождения.

Эти слова, произнесенные Квинтом, вызвали у морских офицеров некоторое удивление, и, в то же время, уважение. Им было лестно осознавать, что высокородный патриций предлагает быть с ним на равных.

– Ну, что ж, Квинт, – пробасил центурион, – раз так, я хотел бы познакомить тебя с боевым вооружением «Горгоны». Поверь, это поистине корабль-крепость.

– Это точно! – Добавил Демещий. – «Горона» самая быстросходная и маневренная трирема в римском флоте. Нам с Дирхом приходилось участвовать на ней ни в одном сражении. И, могу тебя заверить, Квинт, она одна стоит целой флотилии! – С гордостью за свой корабль воскликнул триерарх. – Знал бы ты, куда нас только не забрасывала судьба. Мы бывали в Галлии и Испании, проходили, даже через Геркулесовы столбы, чтобы попасть в Британию, бывали и в

Понте Эвксинском.

– Правда! – Воскликнула Тания, все это время вертевшаяся рядом с кормчим. – Мне мама рассказывала про Аргонавтов, которые плавали в Понт Эвксинский. А верно, что там скалы сдвигаются, чтобы не пускать корабли?

– Нет, конечно! – Добродушно ответил Демещий. – Это все сказки придуманные Гомером. Эллины все склонны преувеличивать. Просто там очень узкие проливы, и, кажется, что скалы сжимаются.

– Что ты имеешь против эллинов? – Вмешался в разговор кормчий. – Гомер был великим поэтом и в своих стихах передал нам историю о величайшем путешествии. В ту пору Вас, римлян, и в помине еще не было.

– Я смотрю, в тебе вскипела эллинская гордость, Диохил! – Со смехом воскликнул центурион.

– Ты же не стыдишься своего галльского происхождения, Дирх. – Парировал старик.

– Да, я галл, но воюя в римских легионах, дослужился до центуриона, и теперь я, как, впрочем, и ты, римский гражданин. – Ответил на выпад кормчего центурион.

– Так ты эллин? – С нотками уважения переспросила Тания старого кормчего. – Моя мама тоже родом из Эллады. А я умею говорить по-эллински. – Переходя, к удовольствию старика, получившего возможность поговорить на родном языке, на эллинский, сказала девочка. Между ними тут же завязалась оживленная беседа, а центурион с триерархом

предложили Квинту пройти по кораблю.

– Я смотрю, у Вас на корабле, разноплеменная команда. – Заметил Квинт, спускаясь с кормы на палубу.

– Да, верно. – Ответил Демещий. – Среди матросов и гребцов много выходцев из иных земель. Есть эллины, фракийцы, финикийцы, сирийцы, галлы. Но вот кого нет на борту – так это рабов. Все эти люди свободные.

Триерарх с центурионом наперебой рассказывали о достоинствах корабля и его вооружения. Дирх, с гордостью показал Квинту свое любимое детище – башню, на которой размещались баллисты, катапульты и онагры, представляющие из себя грозно оружие, способное метать ядра на огромное расстояние. Потом он показал расставленные вдоль бортов скорпионы и полиболы.

– Благодаря такому оружию, «Горгона» может вступать в бой с пятью – шестью кораблями, и выйти из него победителем. – Заметил Дирх. – А кроме этого у нас есть мощный бронзовый таран, способный пробить борт любого, самого крепкого корабля. Так что можешь не беспокоиться Квинт, ни за себя, ни за своих спутников. В случае нападения, мы сможем противостоять любым противникам.

А между тем, трирема, подгоняемая ветром, все дальше и дальше уходила на юг. За день удалось пройти большую часть расстояния, отделяющего Остию от Помпеи. Когда солнце стало клонить к вечеру, кормчий, отыскав знакомую ему, удобную для стоянки, бухту, направил корабль к

берегу. Здесь, неподалеку от небольшой деревушки, разбили лагерь. Солдаты быстро установили палатки, и вскоре возле них задымили костры, на которых готовился незамысловатый ужин. После ужина Аврелий заглянул в палатку Квинта. Именно сейчас, когда началось длительное плавание к берегам Египта, ему хотелось вновь задать профессору вопрос, на который до сих пор не было получено ответа.

– Простите, учитель, – произнес юноша, входя в палатку, – позвольте войти.

– Входи, конечно, что за церемонии!

– Еще раз простите меня за столь позднее вторжение, но Вы обещали объяснить, в чем причина нашего визита именно в Египет, а не в Иудею.

– Вот что, дорогой, присядь! Это давняя и очень запутанная история. Чтобы в ней разобраться, мне пришлось бы рассказать тебе очень многое о себе и о тех людях, которые в ней участвовали. Что касается лично меня, то мне нечего скрывать в своей очень длинной, ты даже не представляешь себе, насколько длинной, биографии. Но, как я уже сказал, к этой истории причастны и другие, очень близкие и дорогие мне люди. Я не могу, не имею права, без их согласия что-либо рассказывать о том, что касается не только меня. Для этого мы и отправились в Египет, чтобы полностью прояснить сложившуюся ситуацию. Я не могу этого сделать как либо иначе, кроме личной встрече. На то есть веские причины. Пока могу лишь сказать одно, если ты помнишь, пятна-

дцать лет назад я на некоторое время исчез из Рима, якобы по хозяйственным, коммерческим делам. Так вот, никаких хозяйственных дел у меня не было. Я просто воспользовался флайером, вопреки всем запретам, и вылетел для очень важной для меня встречи в Египет. Я всего лишь обратился с просьбой к одному очень уважаемому и любимому мною человеку, в оказании помощи одной, не менее дорогой мне семье землян, проживающей в Иудее. Не могу назвать тебе сейчас причину, побудившую меня на этот шаг. Тогда я получил отказ в самой категоричной форме, со ссылкой на закон, запрещающий всяческое вмешательство в дела землян.

– Как я, наверное, догадываюсь, речь шла об Анне и ее муже, о которых нам рассказывал Тобий.

– Ты совершенно правильно догадался, Аврелий. Речь шла об Анне.

– Вы просили о ребенке для этой бездетной семьи?

– Да, дорогой! Я просил об операции по искусственному оплодотворению, всего лишь, но, как я уже сказал, получил отказ в самой жесткой форме. И что же я узнаю спустя пятнадцать лет? У Анны взрослая дочь. Как это могло произойти, без постороннего вмешательства или с таковым, я и хочу выяснить. А если помощь была оказана, то почему мне было отказано и, спустя время, ничего не сказано об этом.

– Если я правильно понял, цель нашего путешествия – выяснение отношений с Вашими друзьями?

– Не только, мой мальчик! От этого, во многом зависит

судьба твоего проекта, а кроме того, и судьба этой девочки, Марии, дочери Анны. Я не могу допустить, чтобы она оказалась под ударом. Это все, что я могу тебе сказать. Наберись терпения, и жди решения, которое мы можем получить в Египте.

– Не пойму, профессор, для чего же сейчас предпринимать столь длительное и небезопасное путешествие? Вы же могли, как и пятнадцать лет назад, тайно воспользоваться флайером и не подвергать, и свою, и наши жизни, возможным опасностям, которые могут подстергать нас в пути.

– Позволь ответить тебе вопросом на вопрос, а почему ты сам, возвращаясь из Иудеи, не воспользовался флайером, а вместо этого пересек внутреннее море на римском военном корабле?

– Это совсем другое. Я находился в Иудее с официальной миссией римского сената, и, наверное, было бы странным, если бы я просто так исчез из Иудеи и, вдруг, появился в Риме. Кроме того со мною был Тобий.

– Вот ты сам и ответил на свой вопрос, дорогой мой Аврелий!

– Я все понял, учитель. Я пойду. Желаю Вам спокойной ночи.

С этими словами молодой человек покинул палатку Квинта.

Глава 11

К полудню на востоке путешественникам открылся вид

на Везувий, и уже спустя час, «Горгона» пришвартовалась к пристани в Помпеях. Несмотря на накрапывающий осенний дождь, город предстал перед глазами путников во всем своем великолепии. Квинт со своими спутниками спустился на берег и пригласил их посетить принадлежащую ему виллу. На пороге небольшого, но очень красивого и уютного дома, путешественников встретил управляющий – высокий, темноволосый мужчина атлетического телосложения с чертами лица восточного типа. Он радостно поприветствовал Квинта и тепло, по-дружески обнял его.

– Я, получив письмо, с нетерпением ждал твоего прибытия, дорогой Квинт! Все давно приготовлено. Прошу, проходите в дом. К Вашим услугам приготовлены купальни в бальнеуме. Можете помыться с дороги, а я отдам распоряжение накрыть стол в триклинии.

– Спасибо, Луций! – Воскликнул Квинт. – И познакомься с моими друзьями. Аврелий и Цилия, я надеюсь, в представлении не нуждаются, а вот это Тобий, он иудейский священник. Я тебе писал о нем. И еще вот эта юная дева по имени Тания, которая уговорила нас взять ее с собой.

Луций вежливо поздоровался с иудеем и ласково потрепал по голове девочку.

– Ну что ж, – сказал он, – друзья моих друзей – мои друзья. Добро пожаловать.

Путешественники с удовольствием воспользовались предложением управляющего, и после посещения бальне-

ума, посвежевшие и переодевшиеся в чистые одежды, собрались в триклинии. По окончании трапезы всем было предложено отдохнуть в заранее подготовленных помещениях. За столом в триклинии остались только Квинт и Луций. Как только последний из гостей покинул триклиний, между ними завязался оживленный разговор.

– Послушай, Квинт, – обратился управляющий к собеседнику, – Из письма я понял, что ты направляешься в Египет, но так и не смог для себя уяснить причину. Что тебя заставляет проделывать это весьма опасное плавание, и к чему такая спешка?

– На все есть свои причины, Луций. Ты меня очень хорошо и очень давно знаешь. Скажи, я когда-нибудь, что либо, делал беспричинно?

– Должен признать, что нет. Но меня беспокоит, что ты для своей поездки выбрал не самое удачное время года, и не самый удачный транспорт. Тебе, не хуже чем мне, известно, что римские корабли обладают очень низкой мореходностью, и даже не очень значительный шторм может привести к катастрофе. Кроме того, я мог бы закрыть глаза, если бы ты подвергал опасности только свою собственную жизнь, но с тобой еще двое наших сотрудников, и ты взял на себя ответственность не только за их жизни, но еще и потащил с собою ребенка. Я тебя не узнаю, Квинт. Думается, что ты идешь на такой риск, имея очень веские причины.

– Ты как всегда прав, Луций. Причины более чем веские.

Не думай, что это решение мне легко далось. Я долго взвешивал все «за» и «против», но, как видишь, принял единственно правильное, на мой взгляд, решение. Поверь, если бы я мог справиться с тем, что мне предстоит сделать в одиночку, я никогда бы не стал подвергать опасности своих сотрудников, и, к тому же, очень близких мне людей.

– Тогда у меня есть предложение. Здесь, неподалеку от Неаполя, у меня есть катер, способный передвигаться под водой. Давай я пойду на нем и в случае непредвиденных обстоятельств, подстрахую Вашу трирему.

– По моему, дорогой Луций, это уж слишком! – Воскликнул Квинт. – Да и что с нами может случиться? Триерарх ведет «Горгону» в прямой видимости берега, ночуем мы на суше, а в случае бури всегда сможем найти какую-нибудь бухточку, где сможем переждать ее. Так что не стоит, Луций.

– И все-таки я настаиваю. Обещаю, что во время плавания никоим образом себя не обнаружу, и как только Вы достигнете Александрии, немедленно вернусь назад с чистой совестью.

– Ну, что ж, раз ты считаешь это необходимым, поступай, как знаешь. Мы отплываем завтра на рассвете, и тебе не сложно будет нагнать нас.

– Вот и отлично. Считай, что договорились, а то я уже засиделся тут. Хоть немного развеюсь. Кстати, Александрия – это конечный пункт твоего путешествия?

– Нет. Там я пробуду недолго. Только встречу с Валта-

саром, а потом отправлюсь в Мемфис.

– Надеюсь, что все задуманное у тебя получится, и тогда ты сможешь посвятить меня в свои планы.

– Можешь не сомневаться! Даже, несмотря на десять предыдущих трансплантаций сознания, мы все те же, что и раньше, и у меня здесь нет более верного и преданного друга, чем ты.

– Вот и отлично! Расскажи мне, каким маршрутом Ваш триерарх поведет корабль.

– Мы пойдем через Мессинский пролив до Брундизия, а потом пересечем море до побережья Эллады.

– Долгий путь, но, признаться, мудрый. Сразу видно, что триерарх опытный мореход. Однако могут возникнуть сложности. По моим данным, в ближайшие дни на Внутреннее море может обрушиться мощный циклон, который будет сопровождаться сильным штормом. Я бы, на вашем месте, остался бы на несколько дней в Помпеях и переждал бы здесь непогоду.

– Это исключено, Луций. Нам нельзя терять время, да и как я смогу объяснить Демецию, что надвигается шторм. Он просто сочтет меня колдуном или кем-то в этом роде. Так что завтра мы отплываем, а если не успеем до шторма дойти до Мессины, переждем бурю где-нибудь на берегу. Но все-равно, спасибо за предупреждение. Только прошу тебя, что бы ни случилось, не вздумай обнаружить себя и свой катер.

– Обещаю, но если Вашему судну будет угрожать гибель,

я буду вынужден нарушить свое обещание, так и знай.

– Хорошо, но только в самом крайнем случае. И хватит об этом.

– Скажи, Квинт, для чего ты взял с собой Аврелия, я могу понять, но зачем с тобой Цилия...

– Тут такая история, дорогой Луций, между Аврелием и Цилией сложились отношения, и я не в праве вновь разлучать их. Но это только одна из причин. Для меня было понятно, когда с Геи шесть лет назад прислали на базу нового паромедика, но когда мне удалось поближе познакомиться с ней и с ее досье, я, к своему удивлению, обнаружил, что эта девушка не простой паромедик.

– Поясни, что значит «не простой»

– У нее очень необычная специализация. Цилия специалист по трансплантации сознания.

От неожиданности Луций даже присвистнул.

– Ничего себе! И для кого же из нас она заказана? Как будто со времени нашей с тобой последней трансплантации прошло не более полутора сотен лет. Всего-то. Остальные пока этой процедуре не подвергались.

– Да, ты прав. На Земле сейчас только шестеро, включая тебя, меня и Марцела, кому пересаживали матрицу. Еще Валтасар, Мельхиор и Гаспар, но они не наблюдатели, а сотрудники Корпуса жизни, в котором есть собственные аналогичные структуры. Кроме того и их срок еще очень далеко. Вот и напрашивается вопрос, зачем здесь Цилия.

– Выходит, что жизнь кого-то из нас находится под угрозой.

– Н-да! Это единственная мысль, которая приходит в голову. И мне кажется, что ее появление именно у меня, в Риме, совершенно не случайно. По всему видимому, интересующий Цилию объект – это я, хотя она может ничего об этом, до поры до времени, не знать. Именно поэтому я хочу встретиться с Валтасаром. Тем более, он не так давно был на Гее, и, возможно, что-нибудь знает или, хотя бы слышал.

– Думаешь, кому-то на Гее удалось, наконец, получить доступ к избирательной информации из ГИП?

– Не знаю, но такой возможности не исключаю. А если судить, что объектом стала моя скромная персона, я догадываюсь, кто бы это мог быть.

– Понимаю, кого ты имеешь в виду, и, признаться не удивлюсь, что это именно «ОН», ведь вы когда-то были очень близкими друзьями.

– Мы ими никогда не переставали быть, даже после того, известного тебе случая, только дружба эта какая-то странная. Он много раз возвращал меня к жизни, но ни разу не удосужился спросить, хочу ли я этого. Все это больше похоже на приговор к вечной жизни. Если мне угрожает смерть, в этот раз я хотел бы обойтись без трансплантации, и навсегда покинуть этот мир. Кто бы знал, как я устал! Ты даже не представляешь себе, Луций, какой это тяжкий груз, видеть, быть свидетелем, наблюдать за всей историей челове-

чества на этой планете, и ничем, ни действием, ни словом, не иметь возможности вмешаться, исправить непоправимое, не допустить гибели огромного количества ни в чем неповинных людей!

– А ты никогда не задумывался над тем, что это вовсе не приговор «вечной жизни», как ты выразился, а степень самого высокого доверия?

– Поясни! Я что-то не вполне понимаю, о каком доверии ты говоришь, Луций! Или я чего-то не знаю?

– Квинт, это всего лишь мои догадки и предположения, но посуди сам, с тех пор, как на Земле, кроме Совета Наблюдателей, появился «Корпус жизни», здесь все кардинальным образом изменилось. Нам были запрещены прямые контакты с местными жителями, запрещено их обучение и вообще всякое вмешательство в дела землян, а для сотрудников Корпуса никаких ограничений не предусматривалось. Вдумайся сам, они под видом жрецов, ученых и советников были внедрены во все структуры местных государств. Вспомни только о тех странных генетических экспериментах над животными в том же самом Египте, а чего стоил ядерный взрыв, стерший с лица Земли два густонаселенных города вместе со всеми, пусть и далеко не праведными, его обитателями. Кстати, это ведь по «Его» просьбе, ты вывел из обреченного города семью этого, если мне не изменяет память, Лота. А история с термоядерной установкой в южной полярной области, из-за аварии на которой огромная часть суши

на долгое время оказалась затопленной, тем самым уничтожив ряд только начинающих зарождаться земных цивилизаций, причем по большей части тех, кому мы ранее передавали свои знания. На мой взгляд, все это не случайно. О целях и задачах Корпуса не осведомлены даже большинство членов Высшего планетарного совета. Эта завеса сверхсекретности, лично у меня вызывает некоторые опасения. Так вот, «Он», как мне кажется, здесь, на Земле, может полагаться только на тебя, на то, что своими знаниями местной специфики, своим влиянием, только ты можешь противостоять чудовищным по своему размаху, и, бесчеловечным по сути, планам Корпуса. Отсюда и такая забота о твоей жизни.

– Может быть... Я как то об этом не задумывался... Но, если верно предположение, что «Ему» удалось получать нужную информацию из ГИП о событиях, которые могут произойти в ближайшем будущем, значит «Ему» может быть известно и о моих планах. А если «Он» прислал ко мне специалиста по трансплантации сознания, значит это мероприятие, несмотря на его опасность «Им» приветствуется, и будет использоваться в противовес планам Корпуса. Тогда мне необходимо как можно быстрее добраться до Египта. Думаю, мне удастся разговорить Валтасара. Он хоть и сотрудник Корпуса, но человек вполне разумный и дальновидный. И есть еще один, весьма авторитетный человек, который, я надеюсь, не откажет мне, и так же сможет пролить свет на эту загадку.

– Я догадываюсь, кого ты имеешь в виду. Если встретишься с «Ней», передай от меня большой привет и самое искреннее восхищение.

Глава 12

Как и предупреждал Луций, погода уже к концу третьего дня плавания начала портиться. Все усиливающийся ветер гнал с севера тяжелые свинцовые тучи, грозя порвать паруса и сломать мачту. «Горгону» швыряло из стороны в сторону на высоких волнах, поднятых ветром. То и дело все небо озаряли вспышки молний, сопровождаемые тяжелыми раскатами грома. Демещий приказал убрать паруса и мачту. Матросы тут же бросились исполнять приказ триерарха, борясь с ветром и перехлестывающими через борта солеными брызгами. Старый кормчий с тревогой вглядывался в сторону берега, подыскивая безопасное место для высадки на сушу. Даже не пытаясь перекричать разыгравшуюся стихию, он указал Демещию на какое-то место на берегу. Триерарх всмотрелся в указанном направлении и утвердительно кивнул головой. Гребцы дружно налегли на весла, и трирема, развернувшись поперек волны, избегая боковой качки, медленно направилась к берегу. Триерарху и кормчему пришлось применить все свое искусство, чтобы корабль смог пройти невредимым в узкий проход между прибрежными скалами, скрывающими спасительную бухту. Успешно выиграв борьбу с прибоем, «Горгону», как щепку выбросило на прибрежный песок. От толчка, все, находившиеся на

корабле, едва удержались на ногах, но корабль прочно увяз своим тяжелым носом в песок и остановился. Матросы, спустившиеся с помощью канатов на берег, прочно закрепили судно. Выбрав ровное место на возвышенности, легионеры, привычным образом, несмотря на шквалистый ветер и холодный дождь, установив шатры, разбили лагерь, обнесенный частоколом. Тем временем, Аврелий обследовал прибрежные скалы, где обнаружил довольно обширную и сухую пещеру, куда он привел своих спутников и спутниц. Вскоре посреди пещеры, освещая ее стены и свод, заиграл языками пламени огонь, приятно согревающий до нитки промокших путников. Согревшись и просушив одежду, поужинали, приготовленной старым Диохилом, похлебкой. После ужина, Квинт, устроившись на импровизированном ложе, устроенном им у огня, прилег отдохнуть. Цилия с Аврелием уединились в дальнем конце пещеры, а оставшиеся сидеть у огня Диохол, Тания и Тобий завели оживленную беседу. Странно было наблюдать за этой необычной компанией, которая непостижимым образом нашла общий язык. Девочка без устали упрашивала старого элина рассказать о его Родине. Старик долго отнекивался, но, наконец, сдался.

– Ну, что ж, стрекоза, – добродушно усмехнувшись, сказал старый кормчий, – раз ты настаиваешь, я расскажу тебе о странствиях хитроумного царя Итаки Одиссея.

Диохил выпрямил спину и торжественно, нараспев произнося звучные элинские слова, стал пересказывать, дав-

ным – давно сочиненную слепым Гомером историю о приключениях Одиссея. Он оказался на редкость хорошим рассказчиком. И юная Тания, и пожилой Иудей, слушали элина затаив дыхание. Когда же Диохил закончил эту историю, девочка в восторге от услышанного, стала упрашивать его рассказать что-нибудь еще. Немного передохнув и отхлебнув из кубка немного вина, Диохил стал рассказывать истории об эллинских богах и героях. Вскоре, к ним присоединились Аврелий и Цилия, присевшие рядом. Так и не сумев заснуть, Квинт так же стал прислушиваться к рассказу старика. Лежа с закрытыми глазами, он вслушивался в каждое слово. При упоминании имен Эллинских богов, ему вдруг вспомнилось невообразимо далекое время, когда он и другие его товарищи впервые вступили на эту землю, которую тогда именовали Пангеей. Зевс, Артемис, Афродита, Гефест... – эти имена, как песня звучали в его сознании. Удивительное дело, столько лет минуло с той поры, столько самых разных событий произошло на Земле, но эти, самые первые годы и та, первая команда Геян, прочно закрепились в памяти, так, как будто все происходило только вчера. Квинт вспомнил в мельчайших деталях это счастливое время. Вспомнил он и горечь утрат.

– Зара, милая Зара, – будто острым лезвием полосонуло по его сердцу. Горький комок подкатил к горлу, не давая вздохнуть, горячая слеза покатилась по щеке, а изо рта раздался тяжелый, протяжный стон.

– Что с Вами, Квинт? – Встревожено воскликнула Цилия, прерывая рассказ элина. – Вам плохо? Что, опять сердце?

– Нет, нет, успокойся, – ответил Квинт, повернувшись к спутникам, – со мною все в порядке! Не обращайтесь внимания, и, прошу тебя, Диохил, продолжай.

– Но Вы так стонали! – Не унималась девушка. – Я должна Вас осмотреть.

– Я же сказал, со мною все хорошо! Эта совсем другая боль, которая тебе, Цилия, не подвластна.

– Вас что-то разволновало из рассказов Диохила? – Осторожно спросил Аврелий.

– Просто навеяло воспоминания, такие далекие, и, одновременно такие близкие. – С горечью в голосе ответил Квинт.

– Так расскажите нам! – попросила Тания.

– Обязательно расскажу, девочка, обещаю, но не сейчас. – Все так же печально ответил Квинт.

Он встал со своего ложа и отошел к выходу из пещеры, где продолжал завывать ветер. Цилия было рванулась за ним, но ее удержал Аврелий.

– Не надо, дорогая, не мешай! Видишь, он хочет побыть один!

Квинт продолжал стоять, жадно вдыхая, пропитанный влагой воздух. Воспоминания не отпускали его. Внезапно шум и крики людей снаружи, оторвали Квинта от тяжелых дум. В пещеру вбежал, до нитки промокший, явно чем-то

испуганный, Демещий, который указывая в сторону бушевавшего в темноте моря, непрерывно повторял:

– Там! Там....

Все сидевшие вокруг костра, и стоящий в стороне Квинт, рванулись со своих мест. Они обступили триерарха и стали засыпать его вопросами. Квинт, подняв вверх правую руку, попросил всех успокоиться и замолчать. Он обнял Демещия за плечи и усадил его на ложе у костра. Диохил, не произнеся ни единого слова, налил чашу вина и подал ее триерарху. Тот, залпом осушил ее до дна.

– Теперь рассказывай, что случилось? – обратился Квинт к Демещию. – Что так взволновало тебя?

– Там, на дне бухты, чудовище! – воскликнул триерарх.

– Какое еще чудовище? Рассказывай все по порядку!

– Часовые, оставшиеся на борту «Горгоны», увидели, как в бухту заплыло огромное чудовище, – продолжил Демещий, – оно доплыло до середины бухты, а затем опустилось на дно. А потом, потом, вода вспыхнула ярким огнем. Она и сейчас светится! Наверное, сам морской бог, Нептун, приплыл верхом на морском чудище!

– Постой, ты сам видел его?

– Нет, сам я не видел. Когда один из часовых прибежал ко мне, оно уже погрузилось в море.

– Что говорят часовые? Какое оно? Можешь позвать этих солдат сюда? Пусть они расскажут, что видели.

– Да, конечно! Я сейчас!

Демещий подал пустую чашу Диохилу, показывая, чтобы тот наполнил ее. Эллин налил в чашу вина и вернул ее триерарху. Тот вновь залпом осушил ее, встал и вышел из пещеры. Спустя какое-то время, он вернулся в сопровождении центуриона и двух легионеров. Квинт пригласил их к огню. Когда все расселись вокруг полыхающего костра, он обратился к солдатам:

– Рассказывайте, что Вы видели!

– Мы с Гаем стояли в карауле на корме корабля, благородный господин. – Начал один из солдат. – Было очень холодно, и мы решили спрятаться под кормовым навесом, а чтобы дождь не захлестывал под навес, взяли кусок парусины, и стали привязывать ее с подветренной стороны. Вот тогда мы его и заметили. Еще не совсем стемнело, и мы отчетливо видели, как в бухту заплыло это чудовище. Оно доплыло почти до середины и остановилось. Затем вода вокруг него забурлила, и чудовище стало погружаться.

– Да, да, – воскликнул второй легионер, – оно стало погружаться, а вода вокруг, вдруг осветилась ярким светом. Море на этом месте и сейчас светится, господин. Можешь сам убедиться.

– Мы обязательно посмотрим, только пока расскажите, какое оно было, это чудовище, на что похоже?

– Его полностью видно не было, но над водой возвышался огромный горб.

– Так может быть это кит? Демещий, ты же был за Гер-

кулесовыми столбами? Неужели никогда не видел китов? – Спросил Квинт, обращаясь к триерарху.

– Китов я видел, благородный Квинт, но ни один из них не светился в темноте.

– Откуда тебе знать, если Вы всегда ночуете на берегу?

– Не всегда! По пути в Британию, мы шли и по ночам, и китов видели в тех водах. Они не светились. Только выбрасывали в воздух фонтаны воды.

– Это сам Нептун, или кто-то из его сыновей! – В суеверном страхе шептали оба солдата.

– Пойдемте, посмотрим на Ваше чудовище, тогда и сделаем выводы, кто это или что это. – Властным голосом прервал всех Квинт.

Он накинул свой палий и жестом указал следовать за ним. Все присутствующие последовали примеру патриция и двинулись из пещеры к берегу, где едва различалась темная громада «Горгоны». Поднявшись на борт, все прошли на корму. Вдалеке, посреди бухты действительно вода была подсвечена в радиусе нескольких десятков метров, и это свечение не менялось в зависимости от сильного волнения на поверхности, что свидетельствовало о том, что источник света действительно находился глубоко под водой, возможно даже на дне. Квинт, о чем-то задумавшись, укоризненно покачал головой, и, не произнеся ни единого слова, покинул корабль. Остальные последовали за ним, бросая вслед патрицию недоуменные взгляды. Очутившись вновь в пещере, Квинт сбросил

намокший палий, и, опустив руку на плечо Аврелию, отвел его в сторону.

– Я знаю, что это такое, мой юный друг, но боюсь, не смогу этим людям сказать правду.

– Так что же это, профессор? – Шепотом, чтобы никто не услышал, спросил юноша.

– Это катер Луция. Ведь я просил его никак себя не проявлять! Ну что за неосторожность! Кто просил его включать наружное освещение!

– Луций сопровождает нас? Почему Вы не сказали об этом?

– Я был против, но он настоял, и мне пришлось согласиться, с условием, что он окажет нам помощь лишь в том случае, если нашим жизням будет что-нибудь угрожать. Только прошу тебя, Аврелий, никому ни слова, даже Цилии. Я свяжусь с Луцием и сделаю ему выговор.

Квинт вновь накинул палий и вышел из пещеры в темноту ночи. Он осмотрелся по сторонам, и осторожно ступая по мокрым камням скал, протиснулся в узкую расщелину, скрывающую его от посторонних взоров. Здесь он извлек из-под палия крошечную коробочку коммуникатора и коснулся сенсора вызова. Через несколько мгновений в воздухе возникло слабое свечение, в дымке которого, можно было разглядеть часть рубки катера и сонное лицо Луция.

– Квинт! – Удивленно воскликнул Луций. – Что случилось?

– Это я у тебя должен спросить! Чем ты думал, когда включал освещение? И почему зашел в бухту в надводном положении? Я же просил тебя!

– Я... Прости, виноват, я не мог пройти под водой. Там подводные скалы. Я вынужден был подняться на поверхность...

– А свет зачем? Тебя засекали часовые! Как прикажешь им объяснять!

– Я не подумал, прости! Просто при погружении наружное освещение включается автоматически. Сейчас перейду на ручной режим.

Квинт выглянул из-за скалы, где видна была, как на ладони вся бухта, посреди которой хорошо было различимо светлое пятно. Спустя несколько мгновений свечение погасло.

– Все, я сделал! – сказал Луций.

– Вижу. И прошу тебя, впредь будь осторожней. Римляне приняли твой катер за морское чудовище или за морского бога, или еще черт знает за кого! Пусть продолжают так думать, но чтобы впредь подобное больше не повторялось, или я запрещаю тебе следовать за нами! Ты все понял, Луций!

– Да, командор, я все понял, и обещаю, больше подобные проколы не повторятся.

– Хорошо! Я отключаюсь! Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, Квинт!

Квинт вновь дотронулся до сенсора. Свечение вместе с Луцием исчезло. Квинт спрятал коммуникатор и, двигаясь в

темноте на ощупь, вернулся в пещеру.

Следующий день никаких изменений в погоде не принес. Все тот же пронизывающий до костей холодный северный ветер, сопровождающийся въедливым дождем. О продолжении плавания не могло быть и речи. Путникам, застигнутым непогодой, ничего не оставалось делать, как коротать время, сидя у огня в пещере, развлекая друг друга различными историями. Старый Диохил, казалось, был неисчерпаем. Он рассказывал одну историю за другой, а остальные внимательно слушали его, особенно юная Тания. В сознании девочки возникали образы Геракла и Одиссея, Ахилла и прекрасной Елены, всемогущих Олимпийских богов. Когда Диохил закончил очередной рассказ, Тания восхищенно стала его упрашивать:

– Еще, пожалуйста, еще! Расскажи еще что-нибудь!

– Дай передохнуть, ягода, – добродушно ответил старик, – у меня горло пересохло и язык отваливается.

– А давайте я Вам расскажу притчи моего народа. – Неожиданно предложил Тобий.

– Давай, рассказывай! Мы с удовольствием послушаем твои истории! – С восторгом ответила девочка.

Иудей придвинулся ближе к огню, и, в свойственной ему мягкой манере начал рассказ о сотворении мира.

– Всего за шесть дней! – удивленно воскликнула Тания, оглядывая все вокруг себя. – Быть такого не может! Создать все-все, и небо, и землю, и звезды, и Солнце с Луной, и жи-

вотных с растениями, и людей, и все это он один! Никогда не поверю!

– Ну, почему же один! – Возразил ей иудей. – У Всевышнего множество помощников.

– Каких таких помощников? – Воскликнула девочка. – Ты же сам сказал, что все вокруг сущее и не сущее, создал он один.

– Он все задумал, а создавать все ему помогали его верные помощники, ангелы.

– Это еще кто такие? – Не унималась девочка.

– Ангелы – это бесплотные существа, очень похожие на людей, только с крыльями, как у птиц. И, главное, лишённые всех человеческих пороков.

Услышав упоминание об ангелах, Квинт не смог удержаться от улыбки и легкого смешка.

– Что тебя так рассмешило, уважаемый Квинт Сципилион? – Обиженным тоном спросил Тобий.

– Вот что, друзья, давайте я Вам расскажу историю, причем не придуманную людьми, а ту, что происходила на самом деле, только очень, очень давно. – Вместо ответа предложил Квинт. – Тем более, что я Вам обещал кое-что рассказать.

– Рассказывайте поскорее! – радостно закричала Тания, хлопая в ладоши.

– Ну, что ж, слушайте. – Начал Квинт. – Давно это было, так давно, что даже представить себе трудно. В те далекие

времена люди еще не умели строить каменные жилища, не знали ни железа, ни бронзы, ни даже меди. Они кочевали по Земле, переходя с одного места на другое в поисках пропитания. Жили охотой на зверей, ловлей рыбы и собирательством съедобных плодов. Оружие свое изготавливали из костей животных и твердых камней.

В одном многолюдном племени, обитающем на берегу великой реки, которую теперь называют Евфрат, жила девочка по имени Лея. Было ей тогда лет пятнадцать. Однажды Лея сбежала из дому и попала в священное для ее народа место, которое именовалось «Падающая вода». Людям было запрещено ходить туда, потому что, по их поверью в тех местах обитал лесной Дух в образе огромного тигра. Был ли это Дух, не знаю, но огромный тигр действительно напал на девочку, и, когда казалось, спасенья не будет, с неба на землю спустился на крыльях юноша, который убил тигра молнией и спас Лею. Девочка была ранена, и юноша отнес ее к своим друзьям, которые ее вылечили. Лея и юноша, которого звали Гор, очень подружились, а потом и полюбили друг друга.

– Это был ангел? – Не удержалась от вопроса Тания. – Тобий говорил, что у ангелов есть крылья.

– Не совсем так. – Весело ответил Квинт. – Этот юноша был обычным человеком, но прилетел он вместе со своими друзьями с далекой звезды по имени Гея. Лея часто задавала Гору вопрос, как у него из спины вырастают крылья, но он пытался объяснить ей, что крылья не растут у него из спины,

а это всего лишь устройство, ну если хотите, механизм, наподобие метательных машин, сделанный человеческими руками, чтобы помогать людям летать по воздуху, словно птицам. Он сказал, что устройство это называется антигравиплан. Девочке очень трудно было выговорить столь длинное слово, и она сократила его до «ангел». Так и повелось с тех пор – ангел, это крылатый помощник.

– Но позволь, Квинт, – воскликнул иудей, – Гор – это ведь Египетский бог?

– Совершенно верно, уважаемый Тобий, но в тоже время, он человек, и, причем один из первых фараонов Та-Кемет.

– А Лея, что стало с ней? – Нетерпеливо спросила Тания.

– Она стала женой Гора, и у них родился сын, которого они назвали Ра. В последствии, и он стал фараоном и верховным божеством Кеми. Разные народы называли Лею по – своему. Вот Вы, эллины, – обращаясь к кормчему, сказал Квинт, – звали ее Афиной, потому, что ее бабушку звали Финной.

– Но Афина – дочь Зевса! – Попытался возразить Диохил.

– Как видишь, она не совсем его дочь, – ответил Квинт, – она жена сына Зевса, потому что Гор – его родной сын. Просто с веками люди несколько исказили реальность, но по сути все верно. Лея стала для Зевса столь же родной, как и его родная дочь, Афродита.

– Откуда тебе это известно, уважаемый Квинт? – Осторожно спросил иудей. – Ты говоришь так, будто сам был

близко знаком со всеми богами.

– Как знать, уважаемый Тобий, – задумчиво ответил Квинт, – возможно, твои слова не так уж и далеки от истины.

– А что было дальше, что произошло потом? – Не унималась Тания. – Ну, пожалуйста, расскажите!

– Как-нибудь в другой раз, – ответил Квинт.

– Когда? – Не унималась девочка.

– Когда придет время, когда Вы все будете готовы услышать продолжение. – Еще более задумчиво ответил Квинт. – Обещаю, что расскажу всю эту историю до конца, а еще, Тания, расскажу тебе о тебе самой, то чего ты сама о себе и не подозреваешь. Только наберись терпения и жди.

Глава 13

Буря бушевала целых пять дней. Только на шестой день ветер стих и море успокоилось. Наконец развеяло тучи, и выглянуло солнце. Все это время Квинт старался избегать новых расспросов со стороны своих спутников, проводя большую часть времени в уединении. Как только погода позволила продолжить плавание, триерарх и центурион вывели людей на берег, чтобы столкнуть увязшую в нанесенном песке трирему в море. Задача эта оказалась далеко не из простых. Волны выбросили корабль слишком далеко на берег. Солдатам и матросам пришлось долго его обкапывать, но, перелопатив целые горы песка, так и не удалось сдвинуть тяжелую трирему ни на дюйм. Диохил предложил сплести все имеющиеся канаты и попытаться оттянуть корабль

с помощью блоков, закрепленных на двух противоположенных выступах скал. Все легионеры, матросы, гребцы, и даже пассажиры, дружно взялись за канаты, напрягая мускулы до предела. В какой-то момент, трирема качнулась и сдвинулась на несколько метров, но затем вновь остановилась. Ни со второй, ни с третьей попытки, больше сдвинуть ее не удалось. Выбившиеся из сил люди опустили канаты, чтобы передохнув, вновь попытаться столкнуть корабль в море. Вдруг, непостижимым образом, «Горгона» выпрямилась и медленно сама покатила в море. Она остановилась лишь тогда, когда закачалась на волнах. Не веря своим глазам, триерарх и матросы вплавь добрались до корабля. Поднявшись на борт, Демещий отправился на кормовую площадку, где обычно располагались кормчий и рулевые матросы. Он, кинув взгляд на воду за кормой, вдруг заметил, что вода сзади корабля вздыбилась и протянулась чем-то напоминающее дорогу. Приглядевшись, он смог различить, что на небольшой глубине, от корабля стремительно удаляется какой-то крупный предмет. Суеверный ужас охватил бывалого триерарха. Он, указывая вслед этому предмету, закричал истошным голосом:

– Чудовище! Там морское чудовище! Это оно стащило «Горгону» с мели!

На крик своего командира сбежались матросы, но к этому времени «чудовище» уже окончательно скрылось под водой, на которой не осталось никаких следов его недавнего пребы-

вания.

– Клянусь Юпитером! – продолжал Демещий. – Оно было там! Я сам его видел.

Среди моряков пробежал ропот. Раздавались голоса людей, воздающие хвалы Нептуну, который, как они считали, прислал свое чудище, чтобы оберегать и помогать «Горгоне» и ее экипажу в этом плавание. Кто-то из матросов сказал, что нужно принести жертву Нептуну в качестве благодарности за его заботу о моряках. Триерарх приказал опустить в море амфору с самым лучшим вином, что и было немедленно, торжественно выполнено. Только трое пассажиров корабля не разделяли религиозный экстаз, поразивший римлян, а двое из них абсолютно точно знали, что за сила помогла стащить трирему с берега на воду, но никакого вида не подали окружающим.

Вскоре временный лагерь на берегу был разобран, и спустя какой-то час «Горгона» продолжила прерванное плавание. К вечеру, миновав пролив, разделяющий Италию и Сицилию, «Горгона» бросила якорь в порту Мессины, где пополнила запасы воды и продовольствия, и на утро следующего дня продолжила свой путь. Дальнейшее плавание проходило без каких-либо существенных происшествий и шло по заранее намеченному маршруту. Благополучно миновали Брундизий, а затем, двигаясь через Адриатическое море, достигли берегов Эллады, обогнув которую, Демещий несколько изменил маршрут. Поскольку погода благоприятствовала

и дул легкий попутный ветер, он вместо того, чтобы направить корабль к берегам Азии, повел его в сторону Крита, существенно сокращая при этом путь. Правда, не у всех пассажиров это вызвало одобрение. Тания, так мечтавшая увидеть острова, на одном из которых родилась ее мать, была крайне разочарованна таким изменением маршрута, и Аврелию пришлось пообещать девочке, что на обратном пути, когда они закончат свою египетскую миссию, обязательно посетят родину Зои. Благополучно достигнув северного берега Крита, Демещий направил "Горогону" на восток вдоль критского побережья. Великолепный вид острова вновь вдохновил Диофила на продолжение рассказов о богах и героях своего народа. Старик поманил пальцем вечно спящую по палубе Танию, и пригласив ее присесть рядом начал с вопроса:

– Знаешь ли ты, юная дева, что это за остров?

– Аврелий сказал мне, что он называется Крит. – Ответила девочка, устраиваясь поудобней рядом с кормчим.

– Да, Тания, это Крит! А ты знаешь, чем этот остров знаменит? – продолжил задавать вопросы старик.

– Не знаю, – ответила Тания, – по моему, остров, как остров.

– Нет, дорогая, это не просто остров! С Критом связано множество замечательных историй! – Торжественным тоном сказал Диохил. – Хочешь послушать?

– Ты еще спрашиваешь! Давай скорее рассказывай!

– Что ж, слушай!

Диохил неторопливо начал повествовать историю острова. Увидев, что старик что-то рассказывает девочке, постоянно показывая рукой на скалистые берега Крита, у Тобия, стоящего неподалеку у борта корабля, разыгралось любопытство. Он сначала стал прислушиваться к тому, что говорил старый эллин, а потом, заинтересовавшись, подошел поближе и присел рядом.

– Знаешь ли ты, Тания, – между тем продолжал Диохил, – что там, среди скал, есть пещера в которой родился сам вождь богов Зевс?

Девочка не успела открыть рот, чтобы ответить, как ее опередил иудей.

– Прошу прощения, уважаемый, – вкрадчивым голосом попытался возразить Тобий, – но то, что ты говоришь, не может быть правдой.

– Это почему еще? – Возмутился эллин.

– Ну, посуди сам, если Зевс, как ты говоришь, твой верховный бог, то, как он мог родиться на Земле. Кто же тогда сотворил саму Землю и весь окружающий нас мир? Если, как ты утверждаешь, твой Зевс родился на этом острове, тогда он вовсе не бог, ведь бог единый создал Землю и небо и все сущее вокруг, и этот остров тоже.

– Да что ты, иудей, можешь знать о наших богах? – Вскипел Диохил. – Каждый знает, что Зевс – это великий Олимпийский бог, который правит всем миром с вершины горы Олимп, где находится его дворец, и дворцы других богов!

Беседующий с триерархом Квинт, заметил, что между стариками разгорелся нешуточный спор, который вот-вот мог перерасти в драку. Тогда он, извинившись перед Демещием, решил, что пора вмешаться в спор, и успокоить неугомонных стариков.

– О чем это Вы тут так шумно спорите? – Спросил он, приближаясь к спорщикам.

– Вот, кстати, – воскликнул эллин, – рассуди нас, благородный Квинт Сципилион! Я рассказывал юной Тании о том, что на Крите есть пещера, в которой родился отец богов Зевс, а уважаемый Тобий утверждает, что бог не мог быть рожден на Земле, поскольку сами боги эту самую Землю и создали.

– Да, да, – подтвердил Тобий, – именно так! Бог создал саму Землю и все, что есть на ней, в том числе и этот остров! И никогда, никаких богов не было на твоём Олимпе. Когда Бог спускается с небес на Землю, он живет в саду Эдемском, в который смертным дорога заказана, а вовсе не на твоём, старик, Олимпе! – В сердцах воскликнул иудей.

– Успокойтесь друзья! – Смеясь от души, воскликнул Квинт. – И послушайте меня. Прости, Диохил, но я лично дважды поднимался на вершину Олимпа, и на самом деле, ничего, что свидетельствовало бы о пребывании там богов, не обнаружил. Это, правда, но это вовсе не означает, что их там не было когда-то, очень давно. Что же касается пещеры, в которой, как гласит легенда, родился Зевс, то, поверь мне,

это всего лишь легенда, плод воображения людей. На самом деле, Зевс родился далеко-далеко на небе, а точнее на звезде по имени Гея. Так, кстати, на эллинском языке, называется и наша Земля. Не правда ли, Диохил? Это Вы, эллины, когда-то в древности, когда боги часто спускались на Землю и жили среди людей, переняли у них это название, да и многие другие. В Вашем языке очень много слов, позаимствованных у богов. И, хоть на вершине Олимпа и нет ничего, напоминающего о богах, это тоже не говорит о том, что они там никогда не бывали. На самом деле, боги бывали на Олимпе, и даже подолгу там жили, но когда навсегда покидали это место, то уничтожили все, что могло свидетельствовать об этом факте. Как видишь, Тобий в чем-то прав, в частности в том, что на самом деле, боги, спускаясь на Землю, бывали в разных местах, в том числе и на Олимпе, но постоянно жили на Земле в Эдемском саду, спрятанном от людей среди неприступных гор далеко на востоке.

– Но ты, уважаемый Квинт, говоришь о многих богах, – осторожно заметил иудей, – а ведь бог один!

– Но это, как посмотреть! – Ничуть не смутившись вопросом Тобия, ответил Квинт. – Смотри сам, ты утверждаешь, что бог один, но сам же говоришь, что у него есть целая армия помощников – ангелов, каждый из которых отвечает за определенный вид деятельности. Так ведь?

Иудей утвердительно качнул головой.

– А ты, Диохил, утверждаешь, что богов много, и что каж-

дый из них так же отвечает за определенный вид деятельности. Так?

– Да так! – Подтвердил кормчий.

– Вот и подумайте, не об одних и тех же богах или ангелах, как хотите, вы сейчас говорите?

Оба старика задумались, стараясь осмыслить сказанное Квинтом.

– И еще, – продолжил Квинт, – ты, Диохил, говоришь, что имя верховного бога – Зевс. А как имя твоего бога, Тобий?

– У Бога тысячи имен, столько, сколько их есть на Земле! – Воскликнул Иудей.

– Понятно, понятно! – Не отставал Квинт. – Но не может же у него не быть имени собственного, отличного от других? Если, как ты говоришь, Бог создал людей по образу и подобию своему, и наделил каждого из них именами собственными, то и у него самого должно быть такое имя.

– Ты прав, Квинт, у Бога есть такое имя, но мы не произносим его вслух. – Ответил Тобий.

– Тогда, позволь мне назвать его, – сказал Квинт. – Ведь Вы, иудеи, зовете его Яхве, так? Или по другому – Савоаф, так?

Иудей утвердительно кивнул, широко открыв рот от удивления, что римлянин знает тайные имена Всевышнего.

– А Вы оба не допускаете, что ведете речь об одном и том же человеке или Боге, или, назовите его, как хотите, высшем существе, обладающим сверхъестественными способностями.

ми. А что если и Зевс, и Саваоф – это его собственные имена. Точнее Зевс – это имя, а Саваоф – родовое имя, или, как называем мы, римляне, фамилия. Вот я, к примеру, Квинт Сципилион Аркус, где Квинт – имя собственное, а Сципилион Аркус – родовые имена по отцовской и материнской линиям.

– В твоих словах есть логика. – Задумавшись, произнес Диохил. – Но как же тогда все эти истории, которые передавались из поколения в поколение?

– Людям свойственно приукрашивать реальные события или перекраивать их на свой лад. – С легкой иронией в голосе ответил Квинт. – Вот, к примеру, твой любимый Гомер. Разве он не добавил в свои рассказы вымышленных персонажей, разве не приукрасил их мифическими существами. Ведь ты говорил, что бывал в Понте Эвксинском, значит проходил проливы, отделяющие его от Внутреннего моря. Ну и что, видел ли ты чудовищ Сциллу и Харибду, которые якобы не пускают корабли? Их придумал твой слепой поэт, чтобы показать, насколько узкие и опасные для мореходов эти проливы. Это всего лишь художественное преувеличение.

– Но позволь, уважаемый сенатор, – перебил Квинта иудей, – Если, по твоему, все эллинские боги спустились на Землю с небес, а их вождь Зевс и Всевышний одно и то же лицо, то кто же тогда создал все вокруг?

– Ты ведь ученый человек, мой друг, – ответил Квинт, – ты прочел множество книг, и, наверное, читал труды Ари-

стотеля, в которых он рассуждает о мироздании вселенной. Сей мудрый эллин пришел к выводу, что все вокруг создано наивысшей силой – матерью природой. И, кстати, здесь нет большого расхождения с твоей религией. Ты утверждаешь, что Бог создал вселенную, и что Бог, хоть и создал людей по образу и подобию своему, но сам не обладает плотью. Ты называешь его Бог, а я называю Вселенским разумом, который знает все обо всех и во все времена, и в прошлом, и в будущем. Он подчиняет все единым законам вселенной, которые незыблемы для всего живого и неживого. Он и есть природа!

Оба старика задумались, не зная, что ответить Квинту. Сложившейся паузой воспользовалась Тания.

– Ну, что Вы все спорите и спорите! – Обиженно воскликнула девочка. – Мне вот, совершенно все -равно кто кого создал. Я хотела послушать древние истории, а Вы все испортили. И какая разница, жили герои этих историй на самом деле, или их придумали люди. От этого они не стали менее интересными. Диохил, прошу тебя, – обратилась Тания к кормчему, – продолжай!

Квинт не сдержал улыбки. Он ласково обнял девочку, и сказал, обращаясь к собеседникам.

– В самом деле, друзья, что это мы спорим! Это с нашей стороны явное неуважение к нашей юной спутнице. Давайте продолжим нашу беседу как-нибудь в другой раз, а сейчас, Диохил, если не возражаешь, продолжи свое повествование о Крите для Тании, тем более, что многое, что описывается в

твоих легендах когда-то происходило на самом деле, и персонажи их жили в древности на Земле.

Диохил смущенно откашлялся и, улыбнувшись девочке, продолжил рассказ. Квинт отошел в сторону, и задумался, стоя опершись на ограждение борта корабля. До него доносились только редкие отдельные обрывки фраз Диохила.

– Вот к этому берегу приставали эллинские корабли, на которых привозили самых красивых юношей и девушек, чтобы принести их в жертву страшному чудовищу Минотавру, который находился в лабиринте из которого не возможно было найти выход. – Повествовал старый кормчий.

Услышав упоминание о Минотавре, этом монстре полу-быке – получеловеке, Квинт невольно содрогнулся. В его памяти всплыли события, происходившие в седой древности, тогда, когда на планете впервые появились представители Корпуса жизни, которые очень быстро переложили на себя большинство функций Наблюдательного Совета. Представители корпуса заняли наиболее ключевые должности в различных государствах Земли. Они стали советниками царей, верховными жрецами многочисленных храмов, различными оракулами и предсказателями. Вся деятельность Корпуса Жизни была окутана завесой тайны. Даже большинство членов Высшего Совета, а зачастую даже сам председатель, не были посвящены в деятельность этой организации, которая постепенно усиливала свое влияние не только на вновь открытых населенных планетах, но и на самой

Гее. Не имея возможности покинуть Землю, Квинт находился в полнейшем неведении о происходящем на далекой Родине, но то, чем занимались сотрудники Корпуса, вызывало у него крайнее неприятие и возмущение. Эти нелепые, бесчеловечные генетические эксперименты по созданию монстров в виде полузверей – полулюдей выводили его и многих других наблюдателей из себя. В Высший Совет отправлялись многочисленные протесты против такого рода деятельности, но все они оставались без ответа, а Корпус продолжал плодить ужасных монстров, никому не объясняя причин и целей, побудивших к такого рода деятельности. Только одному человеку удалось противостоять этой безумной организации. Благодаря своему влиянию и авторитету, ему удалось добиться от Высшего совета полного запрета экспериментов генной инженерии, связанных с человеческими существами. О нем Квинт вспоминал с теплотой, как о лучшем и самом преданном друге, и, одновременно с горечью. Ведь именно из-за него он, Квинт, был приговорен к вечному изгнанию на Землю без права покидать ее пределы. От воспоминаний к горлу подкатил горький комок, и ноющей болью отозвалось сердце.

Глава 14

Плавание “Горгоны” неумолимо приближалось к завершению. Обогнув Крит, триерарх направил корабль вдоль островов к азиатскому берегу. Пополнив запасы на Родосе, путешественники взяли курс на Кипр, двигаясь вдоль азиат-

ского берега. Море в этих местах было весьма оживленным. То и дело по пути встречались купеческие суда, держащие курс из Египта на север и обратно. По мере приближения к Кипрскому побережью, все прибрежные воды оказались заполнены многочисленными рыбацкими лодками. Изредка мимо “Горгоны” проплывали римские боевые либурны, патрулирующие здешние воды. Именно из-за такого обилия различных судов и суденышек, никто не придал значение пяти кораблям, двигавшимся наперерез “Горогоне” со стороны Киликийского берега. Но чем ближе они подходили, тем становилось понятнее, что эта небольшая флотилия не намеренна изменять курс, и преследует цель догнать “Горогону”.

– Послушай, Демещий! – Обратился Квинт к триерарху, заметив тень тревоги на его лице. – Что это за корабли и почему они пытаются нас преследовать?

– Пока не знаю, уважаемый сенатор! – Ответил триерарх. – Пусть подойдут поближе, тогда попробуем разобраться, кто они и кому принадлежат.

– Стоит ли ждать, – ответил Квинт, подавая Демещию бронзовую подзорную трубу, – посмотри в эту трубку и ты сможешь сейчас же определить, что это за незванные гости.

Демещий с удивлением взял странный предмет из рук Квинта и прильнул правым глазом к указанному патрицием концу трубы. Изумлению его не было предела, когда он смог не только рассмотреть ближайший к ним корабль, но и рассмотреть отдельных людей на его борту. Выражение тревоги

на его лице еще более усилилось.

– Что там? – Спросил Квинт.

– Киликийцы! – Коротко ответил триерарх. – Проклятие! – В сердцах воскликнул он. – Вот и верь нашему “Боже-ственному”, который уверял, что покончил с киликийскими пиратами во Внутреннем море!

– И что ты собираешься делать? – Вновь задал вопрос Квинт.

– Как это что? Приму бой! Я разметаю этих разбойников и вскормлю их рыбам!

– Но у них пять кораблей. – Возразил Квинт. – Силы явно не равные.

– Это мы еще посмотрим! – Почти весело ответил Деметрий, жестом подзывая к себе центуриона и гортатора.

На корабле все пришло в движение. Матросы убрали паруса и мачту. Все гребцы заняли свои места, а легионеры укрепили щиты вдоль бортов и подготовили к бою метательные машины и снаряды к ним. Квинт поспешил к своим спутникам. Он потребовал, чтобы все надели защитные костюмы и не высывались на палубу. Когда передовой корабль пиратов подошел достаточно близко, триерарх отдал приказ кормчему на крутой разворот. Киликийцы не успели сообразить, что произошло, а «Горгона» вместо того, чтобы подставить левый борт под удар пиратского корабля, развернулась таким образом, что правый борт киликийца оказался прямо по курсу триремы. Гребцы, повинувшись приказу

гортатора, налегли на весла, и трирема, как на крыльях, двинулась на таран. Когда на борту неприятельского судна, наконец, осознали смысл маневра римлян, было уже поздно. Как не пытался киликийский триерарх отвести свой корабль из-под удара, ничего он сделать уже не успел. «Горгона на полном ходу врезалась в правый борт киликийского корабля. Раздался страшный треск ломающихся досок обшивки, перемешанный с криками ужаса пиратской команды. Спустя несколько мгновений после удара, гребцы усиленно заработали веслами в обратном направлении, освобождая таран. Как только это удалось, трирема начала маневр очередного разворота, при этом осыпая огненными стрелами команду пиратского корабля. Неприятельское судно накренилось, медленно погружаясь в море, а на палубе его вспыхнул пожар. Люди в панике прыгали за борт, торопясь покинуть гибнущее судно, но здесь их достигали стрелы, выпущенные римскими легионерами. Тем временем на помощь гибнущему кораблю подошли еще два пиратских судна, с бортов которых на «Горгону» посыпался рой стрел. К счастью, никакого вреда ни кораблю, ни команде они не принесли, так как расстояние между ними и триремой было еще очень велико. За то, в ответ, римляне привели в действие катапульты и баллисты, осыпая вражеские корабли, предварительно облитыми горючей жидкостью, горящими ядрами. Вскоре на одном, а чуть позже и на другом неприятельском корабле вспыхнули пожары. Пираты, застигнутые врасплох неожиданным

маневром римского судна, не успели убрать паруса, которые вспыхнули от брызг горячей жидкости, разбрасываемой ядрами, и от которых, как солома, загорелись мачты и палубные доски. Больше не обращая внимания на горящие корабли, Деметрий направил свое судно навстречу двум оставшимся кораблям противника. Видя, что произошло с тремя другими кораблями, киликийцы поспешили развернуться и спастись бегством в сторону Киликийского берега. Неожиданно для всех, один из кораблей, как бы замер на месте, будто удерживаемый какой-то неведаной силой. Затем он начал раскачиваться с борта на борт, пока не зачерпнул воды. Несмотря на сильный крен, он еще продолжал держаться на воде. Вдруг страшный грохот буквально оглушил всех, находящихся на борту «Горгоны», одновременно киликийский корабль на их глазах разорвало на части. Отдельные доски даже долетели до «Горгоны». Вся команда римской триремы замерла в благоговейном ужасе. Вокруг воцарилась тишина, нарушаемая криками тонущих пиратов и треском догорающих вдали кораблей. Деметрий хотел было продолжить погоню за последним пиратским кораблем, но Квинт поспешил остановить его.

– Пусть уходят, триерарх! Их рассказы о сегодняшнем морском сражении отобьют у других любителей легкой наживы всякое желание нападать на римские корабли.

– Наверное, ты прав, благородный Квинт! Пусть уходят, а мы продолжим свой путь! Только не пойму, что случилось с

последним кораблем. Его, как-будто, разорвало изнутри.

– Это месть богов! – Ответил подошедший к триерарху и Квинту центурион. – Боги, с самого начала этого плавания, охраняют и защищают нас!

На это высказывание Дирха, Квинт только ухмыльнулся. Уж ему-то хорошо было известно, кто постарался столь эффективным образом пустить пирата на дно.

– Ах, Луций! – Подумал он. – Все-таки не удержался! Ловко он использовал вакуумную торпеду. Корабль разнесло от ее взрыва буквально в щепки.

Тем временем Демещий отдал приказ ставить мачту и разворачиваться на прежний курс. Он потянулся правой рукой, чтобы привычным движением снять с головы, покрывающий ее шлем, и только сейчас обнаружил, что все это время он сжимал в руке бронзовую трубку Квинта.

– Позволь вернуть тебе это, патриций, – пробормотал он, протягивая трубу Квинту.

– Оставь себе! – Ответил тот, отстраняя руку Демещия. – Тебе она пригодится больше, чем мне.

Благодарю тебя, Квинт Сципилион, но я недостоин такого дорогого подарка!

– Что за вздор? Бери, говорю! После того, что ты показал в этом бою, могу признаться, ты, Демещий, лучший триерарх, которого я встречал в своей жизни, и будь моя воля, я бы сделал тебя верховным навархом Римского флота. Так что бери и знай, что это всего лишь малая толика того, что ты

заслуживаешь по праву.

– Да что я, это благодаря этой волшебной трубе у меня было достаточно времени, чтобы подготовиться к бою. Иначе я не знаю, каков был бы его исход.

– Тем более, эта вещь должна принадлежать тебе.

– Что ж, раз такова твоя воля, я с благодарностью принимаю твой дар! Только скажи, откуда она у тебя, и что за волшебная сила заключена в ней!

– Мне ее, когда-то давным-давно, подарил один Вавилонский мудрец, в благодарность за его спасение, – неуверенным тоном ответил Квинт, – и поверь, никакого волшебства в этом предмете нет. Просто стекла, вставленные в бронзовую трубу, обработаны особым способом, так, что способны приближать предметы, находящиеся на большом расстоянии. Здесь скорее, волшебство умелых рук мастера, изготовившего ее. Поверь, на востоке можно встретить и не такое.

Демещий бережно уложил драгоценный подарок в свою походную сумку, висевшую у него на боку, и, наконец, снял шлем, вытерев концом плаща пот со лба. Трудно было представить, что этот добродушный толстяк всего несколько минут назад командовал смертельной схваткой с пиратским флотом. Между тем на палубе показались Аврелий с Цилией и Тания. Они окинули взглядами акваторию, где догорали неприятельские корабли. Проплывая мимо одного из них, было видно, что море усеяно людьми, пытающимися на подручных средствах спастись с тонущего корабля. Одному из

них даже удалось подплыть к «Горгоне» и ухватиться за свисающий конец якорного каната. Он что-то кричал на своем языке, как видно умоляя спасти его. Тания, перегнувшись через борт, закричала, обращаясь к триерарху:

– Там человек, он тонет! Мы должны ему помочь!

Демещий подошел к борту и взглянул вниз.

– Юная госпожа желает спасти это Киликийское отродь? – Сказал он, укоризненно покачав головой. – Уж он-то, поверь мне, и пальцем не пошевелил бы, окажись кто-либо из нас на его месте, но если госпоже угодно...

Лицо девочки перекосилось от злобы и ужаса. Неожиданно для всех, она, вдруг, подбежала к одному из легионеров, стоящему у борта и выхватила из его рук тяжелый боевой лук. Почти не целясь, Тания натянула тугую тетиву и, с криком на незнакомом языке, выпустила стрелу в несчастного, цеплявшегося за канат. Стрела пронзила шею пирата. Он захрипел и, выпустив канат из слабеющих рук, пошел ко дну. Сцена эта длилась всего несколько мгновений. Окаменевшая от ужаса Цилия, выхватила лук из рук девочки и бросила его на палубу.

– Что ты наделала! Ты же только что хотела его спасти! Тания, что с тобой? Ты убила человека! Как ты могла?

– Он был Киликийцем! – Жестко ответила девочка. – Я всего лишь отомстила за мать, за ее родителей, за всех тех, кого эти пираты лишили жизни и свободы.

Зря! – Пробормотал Демещий. – Жаль стрелу. Он все-рав-

но пошел бы ко дну. Да что сделано, то сделано. К Эребу всех Киликийцев!

Квинт подошел к Тание, обнял ее за плечи и, ласково прижав к себе, сказал:

– Ты достойная дочь своего народа. Твоя мама может гордиться тобой. А где ты научилась так метко стрелять?

Девочка подняла глаза вверх, и, глядя Квинту прямо в глаза, ответила:

– Я не знаю, как-то само собой получилось, господин.

– Поразительно! – Улыбнувшись, ответил Квинт. – В этот момент ты была необыкновенно похожа на богиню Артемис.

– Откуда тебе знать, как выглядит Артемис? – Смущенно спросила Тания. – Не хочешь ли ты сказать, господин, что встречался с нею и с другими богами?

– Давняя это история, но если хочешь, я расскажу ее тебе.

– Хочу, очень хочу!

– Тогда усаживайся поудобнее и слушай. Хочешь верь, хочешь нет, в далекие-далекие времена на Землю со звезд спустились самые первые боги. Главным конечно был Зевс, а вместе с ним были Изида, Афродита, Посейдон, Артемис, Гефест, Гор, Ника и другие.

– Но ты назвал и эллинских и египетских богов. – Встала Тания.

– Совершенно верно, девочка. Часть из них стали покровительствовать эллинам, часть египтянам, часть другим народам. В разных местах люди их называли по-своему. К при-

меру, вы, греки, верховного бога звали Зевсом, римляне – Юпитером, а вот в далеких северных странах – Одином. А Посейдона в Риме зовут Нептуном, а Афродиту – Венерой, ну и так далее, но все это были одни и те же люди.

– Ты сказал люди. Так это были люди или боги?

– Как тебе сказать? Они были и людьми и богами одновременно. Я понимаю, что это трудно представить, но все это было именно так.

– Откуда тебе это знать, господин? Ведь это было так давно!

– Да, давно, ты права. Видишь ли, я был среди них, хоть в это и трудно поверить. Тогда я носил другое имя.

– Ты хочешь сказать, что был богом? – Широко раскрыв глаза, переспросила Тания.

– И да, и нет, дорогая. Я был среди них, но богом не стал, не захотел.

– Как так не захотел? Разве можно захотеть стать богом?

– Выходит, что можно.

– А отчего ты не захотел стать богом?

– Я полюбил земную женщину, и захотел навсегда остаться с ней и с нашими детьми на Земле.

– И за это боги прогнали тебя?

– Нет, не за это, но, в общем, это послужило началом для изгнания.

– А где же эта женщина, где Ваши дети?

– Ее нет! Уже очень давно нет. Не спрашивай меня ни о

ком из них.

– Хорошо, не буду. Ты сказал, что я похожа на Артемис. Расскажи тогда мне о ней.

– Об Артемис, ну хорошо. С чего бы начать. Ты и вправду очень на нее похожа. Когда я впервые тебя увидел, мне сразу показалось, что ты мне кого-то напоминаешь, но не мог вспомнить, кого именно. А вот сегодня, увидев тебя с луком в руках, с такой решимостью и отвагой на лице, сразу вспомнил.

– Какая она была?

– Была, почему была? Она и есть, только сейчас, наверное, где-то очень далеко. Она смелая, решительная, немного взбалмошная, своевольная, но в то же время, очень верная, очень преданная и невероятно добрая. И, похоже, все эти качества есть и в тебе.

– Правда? Мне очень хотелось бы быть такой, как Артемис. Знаешь, господин, иногда мне снятся странные сны, будто я – это вовсе не я, а какая-то другая, совсем взрослая. И еще ко мне иногда приходят знания, о которых мне никто никогда ничего не рассказывал.

– Какие знания?

– Ну не знаю. Всякие. Сейчас и не припомню. Ну вот, к примеру, я вдруг начинаю говорить на совершенно мне незнакомом языке и главное, я точно знаю, что именно я говорю.

– Ну-ка, скажи что-нибудь.

Девочка наморщила лоб и вдруг заговорила на Геянском. От неожиданности у Квинта дрожь пробежала по всему телу. Он взял Танию за руку и обращаясь так же по-геянски, сказал:

– Давай ненадолго прервемся. Мне нужно уладить кое-какие дела.

– Хорошо! – Весело, опять же по-геянски, ответила девочка.

– Странно, очень странно и, главное, неожиданно. – Размышлял Квинт, удаляясь в свою каюту.

Глава 15

С момента памятного морского сражения у берегов Кипра, Квинт уединился в своей каюте, которую покидал ненадолго только во время стоянок на берегу. Он отказывал в общении даже Аврелию и Цилии. Взгляд его был задумчивым и каким-то отсутствующим. Глаза Квинта слегка оживали лишь тогда, когда поблизости оказывалась Тания. В такие моменты все внимание Квинта сосредотачивалось на девочке. Он пристально вглядывался в ее лицо, пытаясь найти новые черты ее поразительного сходства с Темис.

– Как такое могло случиться? – Сам себе задавал вопрос Квинт. – Она ведь чистокровная Землянка, а как известно, никто из Землян после Великого потопа не подвергался процедуре трансплантации сознания.

Квинт напрягал свою память, пытаясь вспомнить, когда он в последний раз встречался с Темис или хотя бы, что ли-

бо, слышал о ней. Но тщетно. Он помнил только то, что с появлением на Земле Корпуса жизни, Темис вместе с сыном Осирисом, бесследно исчезла с планеты, и более о ее дальнейшей судьбе ему ничего не было известно. А ведь именно ей пришельцы были обязаны открытием Египта или, как его называют местные жители, Та-Кемет и сопредельных с Египтом земель.

– Случайное совпадение или чье-то направленное действие в том, что эта девочка появилась в его, Квинта, жизни именно сейчас, когда ему так необходимо вновь посетить Египет. – Думал Квинт. – А главное, кто может за всем этим стоять?

На эти и другие вопросы, ради которых он предпринял это путешествие, Квинт надеялся в скором времени получить исчерпывающие ответы.

– Маяк!!! – Раздался с палубы крик вперед смотрящего.

Квинт отвлекся от своих размышлений и, поднявшись с ложа, вышел из каюты. На палубе уже собрались все его спутники и члены команды, чтобы полюбоваться величественным Александрийским маяком на острове Фарос. Вид маяка означал скорое окончание этого длительного плавания. Никогда раньше, за время путешествия, Квинт не ждал с таким нетерпением схода на берег. Во время остановки в Антиохии, ему пришлось нанести визит наместнику Сирии Квиринию, что оставило далеко не самое приятное воспоминание от общения с этим грубым и заносчивым человеком из со-

словия всадников. Если бы не личное послание императора, которое Квинт пообещал Августу передать, он с большим удовольствием поручил бы эту встречу Аврелию, но ничего поделать было нельзя, поскольку слово было дано, и он отправился во дворец наместника в сопровождении Аврелия. Другой сход на берег был достаточно кратковременным и печальным. Это было в порту Яффы, где пришлось попрощаться с Тобием, направляющимся оттуда в родной Иерусалим. На прощание Квинт вручил ему свиток со своими наставлениями и пообещал, что пройдет совсем немного времени, когда они вновь увидятся. Он отвел старика в сторону и долго пояснял ему суть возложенной на него миссии. Также, на всякий случай, рассказал, где Тобий сможет найти друзей в лице Мельхиора и его соратников, которые смогут оказать помощь и предоставить защиту, хотя охранная грамота, выданная самим императором, итак являлась самой лучшей защитой от возможных неприятностей. И вот, наконец, Александрия!

Появление Квинта после длительного затворничества на палубе «Горгоны» вызвало некоторое изумление у присутствующих. Аврелий нерешительно подошел к наставнику и, указав рукой в сторону берега, сказал:

– Это Александрийский маяк. Через час – другой мы будем на месте.

– Вот и отлично, – похлопав юношу по плечу, весело ответил Квинт, причем так, как будто не было его многоднев-

ного затворничества, – нас ждет большая работа и, как мне думается, приятное путешествие вверх по Нилу.

– Как? Александрия не конечная цель нашего путешествия? – В один голос воскликнули Аврелий и Цилия.

– Нет, друзья, – ответил Квинт, – здесь мы сделаем кратковременную остановку. Я должен встретиться с Валтасаром, и навести кое-какие справки, а далее мы отправимся в Мемфис.

– В Мемфис? А что нам делать в Мемфисе? – Удивленно спросил Аврелий.

– Всему свое время! Скоро Вы все узнаете.

– Надеюсь Мемфис – это конечный пункт нашей поездки? – Снова спросил юноша.

– Этого я не знаю, – ответил Квинт, – но хочется думать, что нет. Да что с Вами, со всеми? Когда еще подвернется случай увидеть чудеса одной из древнейших цивилизаций Земли и красоты Нила. Наслаждайтесь! Только прошу об одном, перед тем, как мы сойдем на берег, наденьте под одежду защитные рубашки и не снимайте их. Кто знает, какие неожиданности могут подстергать нас в этой стране.

– Нам может грозить какая-то опасность? – Встревожено спросила Цилия.

– Надеюсь, что нет, но предосторожность не помешает. Аврелий, я попрошу тебя, как только мы прибудем в Александрию, найми на берегу повозку с возницей и расспроси у местных, где нам отыскать чародея и мага Валтасара.

– Хорошо, – ответил юноша, – я все сделаю, как Вы просите.

– И еще одно! – уже вполголоса сказал Квинт. – На берегу ни шагу без оружия. Это касается всех. Старайтесь держаться вместе и быть всегда начеку.

Услышав упоминание об оружии, Тания подошла к Квинту и, дернув его за край тоги, спросила.

– Господин, а можно мне взять еще другое оружие, кроме кинжала?

Улыбнувшись, Квинт ответил:

– И что бы ты хотела получить, юная амазонка?

– Я хочу лук и стрелы! – Совершенно серьезно, насупившись, ответила девочка. – Ты же сам говорил, что с луком в руках, я похожа на Артемис. Ну, пожалуйста! – умоляющим голосом, чуть не плача, просила девочка.

– Что ж, пойдем ко мне, подберем тебе лук по руке. – Уже совершенно серьезно ответил Квинт. Он обнял Танию за плечи и повел в каюту. Как раз в этот момент, «Горгона» обогнула Фарос и вошла в обширную Александрийскую бухту. Весь город открылся перед взорами путешественников, как на ладони, во всем своем великолепии.

Квинт открыл сундук с оружием и предложил Тание самой выбрать лук, а сам отошел в сторону и стал пристально наблюдать за девочкой. Тания подошла к сундуку и, деловито перебирая сложенные в нем луки разного размера, наконец, выбрала то, что, как ей показалось, наилучшим обра-

зом соответствует ее росту и силе. Девочка уверенным движением натянула тетиву на лук и, достав из колчана стрелу, не менее отточенным движением, уложила ее на ложе, при этом молниеносно, двумя пальцами, одновременно до конца натянула тетиву в боевое положение. Ни одно из этих движений не ускользнуло от внимательного взгляда Квинта, у которого пропали все сомнения относительно своих догадок по поводу того, кто эта девочка на самом деле, или, точнее, кем она станет через несколько лет, когда окончательно повзрослеет.

– Я возьму этот! – показывая Квинту выбранный лук, заявила Тания. – А еще, если можно, вот этот колчан и стрелы.

– Хороший выбор! – ответил Квинт. – Можешь взять все, что тебе приглянулось.

Девочка горячо поблагодарила Квинта и, перекинув через плечо ремень колчана, радостно выбежала из каюты, держа в руке заветный лук. Квинт закрыл сундук и с задумчивым взглядом вышел вслед за девочкой. Когда он вновь оказался на палубе, «Горгона» уже подплывала к причалу, медленно лавируя между многочисленных кораблей и лодок, заполнивших обширную Александрийскую бухту.

– Профессор, что-нибудь случилось? – Обратился к Квинту Аврелий, обративший внимание на сосредоточенное выражение лица своего патрона.

– Похоже, что да! – Задумчиво ответил Квинт. – Давай отойдем в сторону от лишних ушей и поговорим.

Аврелий наклонился к Цилии, и что-то прошептал ей на ухо, направился вслед за Квинтом в сторону кормы, где в данный момент никого не было.

– Скажи, Аврелий, – резко повернувшись к юноше, спросил Квинт, – как ты думаешь, мог ли кто-нибудь из наших подвергнуть кого либо из землян процедуре трансплантации сознания?

– Нет, конечно! – Ответил юноша. – Да Вы и сами это прекрасно знаете. А почему Вы вдруг спрашиваете об этом?

– Видишь ли, Аврелий, я некоторое время сомневался, думал, что мне это только показалось, а сегодня окончательно убедился...

– В чем, профессор?

– Нашей Тании, кто-то трансплантировал сознание Темис. Если, конечно, ты знаешь, кто это такая?

– Безусловно, я знаю, кто такая Темис, точнее, кем она была. Но с чего Вы взяли, что у девочки ее сознание?

– Я долго наблюдал за Танией. Ее манера разговора, ее внешность, ее движения и жесты – все, как это делала Темис.

– Но это еще ни о чем не говорит, профессор!

– Я тоже так считал, дорогой Аврелий. Если бы ты видел, как она только что выбирала себе лук, все эти совершенно отточенные долгой практикой движения... А ведь Тания сказала, что впервые взяла в руки лук тогда, после морского сражения.

– Это тоже может быть совпадением. Просто Вам очень

хочется увидеть в этой девочке свою старую знакомую.

– Нет, мой мальчик, нет! А что ты скажешь на то, что эта девочка свободно владеет Геянским языком?

– Но это невозможно, шеф!

– Представь себе, она со мною разговаривала на нашем родном языке, причем без какого либо акцента, как на своем собственном.

– Я не знаю... Не понимаю... Выходит в Танию трансплантировано сознание богини Артемис! Невозможно!

– Невозможно, но это так. Лично я не припомню случая, чтобы за последние две-три тысячи лет, кому-нибудь из Землян проводилась трансплантация сознания. Да и за все наше пребывание на планете таких случаев было всего несколько. Меньше десятка – это точно.

Тут пришла очередь задуматься Аврелию. После некоторой паузы он сказал:

– Она не чистокровная Землянка, профессор!

– Что ты этим хочешь сказать! Что ты и ее мать...

– Нет, нет, что Вы! Вы меня неправильно поняли, но я виноват. Виноват перед Вами в том, что утаил правду о Зое и ее детях.

– Какую правду? Да говори же!

– Все было не так, как я Вам представил. Я не встречал случайно Зою в Риме. Я встретился с нею на Вашей Римской вилле, где она жила со своими детьми.

– У меня на вилле! Да ты в своем уме, Аврелий!

– Прошу Вас, выслушайте меня!

– Хорошо, говори!

Аврелий в подробностях рассказал Квинту о своей случайной встрече с Танией, о визите в домик в конце сада, где Мерцил прятал свою семью, о махинациях с купчими и вольными. Короче все.

– Выходит Тания дочь Мерцила?

– Выходит так, профессор, и значит она полукровка, и, значит, вполне могла быть подвергнута процедуре на вполне законных основаниях. Только, не пойму, кому это было нужно!

– Кажется, я знаю, – ответил пораженный признанием юноши Квинт, – и очень надеюсь в скором времени получить тому подтверждение. Но почему Мерцил скрывал от меня, что у него есть семья?

– У него на это были основания, зная Ваше отрицательное отношение к смешанным бракам.

– Что да, то да. Теперь я понимаю, насколько был неправ. Моя трагическая история, точнее история моей любви, никак не отражает общий характер взаимоотношений между нашими соотечественниками и Землянами. Она, скорее, исключение, чем правило. Ну что ж, я постараюсь все исправить, по крайней мере, в отношении Мерцила и Зои. Что же касается Тании, прошу тебя, Аврелий, прикажи своим нубийцам охранять ее, как зеницу ока, чтобы ни один волос не упал с ее головы.

– Хорошо, я все сделаю. Они будут неотступно везде сопровождать девочку.

Легкий толчок прервал разговор. Это «Горгона» пришвартовалась к Александрийской пристани. Вскоре были спущены сходни на берег. Морская часть путешествия в Египет закончилась.

Глава 16

Первыми на берег спустились два манипула солдат, которые оттеснив портовых зевак, освободили достаточно большую площадь перед пристанью для разгрузки багажа пассажиров. Перед тем, как направиться по трапу на берег, Квинт подошел к Демецию и Дирху, стоящим у борта чуть поодаль. Квинт тепло, по-дружески обнял триерарха.

– Ну, вот, Демеций, пришла пора прощаться. Благодарю тебя за это плавание. Ты лучший из всех триерархов, с которыми мне доводилось встречаться, и я обещаю тебе, если боги будут благосклонны ко мне, и мне удастся живым и невредимым вернуться в Рим, я лично буду ходатайствовать перед императором о назначении тебя навархом одной из Римских эскадр. Что касается тебя, храбрый центурион, – переходя к Дирху продолжил Квинт, – я так же буду просить Августа о назначении тебя начальником одного из легионов с выделением тебе земельного надела, куда ты сможешь вернуться по окончании службы и завести семью, чтобы встретить старость в кругу близких в достатке и благоденствии.

– Благодарю тебя, благородный Квинт Сципилион, – от-

ветил Дирх, – но, как я понял, тебе предстоит опасное и непредсказуемое путешествие по этой стране. Позволь мне с моими солдатами сопровождать тебя для обеспечения безопасности, а то я сойду с ума от безделья, ожидая твоего возвращения в Александрию.

– Во-первых, нет никакой необходимости дожидаться меня тут. Вы можете возвращаться в Рим, а во-вторых, мне хотелось, чтобы мое путешествие по Египту не привлекало постороннего внимания. Это даже невозможно себе представить в случае, если мы с моими спутниками будем передвигаться по Египту в сопровождении целой центурии солдат. К тому же все они живые люди, которых нужно обеспечивать в дороге всем необходимым, а мои ресурсы на этот счет весьма ограничены. Благодарю тебя за заботу, но нам для охраны достаточно будет наших рабов. Все они храбрые воины и способны защитить нас в случае внезапного нападения, да и мы с Аврелием сами неплохо владеем и мечом, и копьем, и луком.

– В любом случае «Горгона» будет ждать твоего возвращения, благородный Квинт. – Сказал Демещий. – Я не позволю никакому другому триерарху отобрать у меня честь доставить тебя и твоих друзей обратно в Рим.

– Благодарю Вас, друзья, – растроганно ответил Квинт и направился к трапу.

Каково же было его удивление, когда среди толпы портовых зевак, сдерживаемых солдатами, он увидел улыбающееся-

ся лицо Луция.

– Что ты здесь делаешь? – Удивленно спросил Квинт, подходя к Луцию, и приказав солдатам пропустить его.

– Квинт, ты как будто не рад мне! – Со смехом ответил Луций, обнимая патриция. – Я тут подумал, что тебе и твоим спутникам понадобится транспорт, чтобы погрузить твоё добро, и крыша над головой, где Вы сможете провести ночь в полной безопасности и комфорте, вот и решил, немного опередив твой корабль, прибыть заранее в Александрию и обо всем этом позаботиться. В твоём распоряжении повозка, запряженная двумя ослами, верховые лошади и павильон в Царских садах, который я снял для тебя.

– Все это, несомненно, кстати, – обнимая старого друга, ответил Квинт, но с твоей стороны крайне неосмотрительно. Как ты сможешь объяснить свое присутствие здесь? – и уже вполголоса добавил, – Куда ты дел свой катер?

– Кто я такой, чтобы у кого бы то ни было возникли вопросы относительно моей скромной персоны? Для всех здесь я твой управляющий, а твои спутники, надеюсь, не очень удивятся, увидев меня здесь, да и объяснений не потребуют. А насчет катера не беспокойся, – понижая голос, сказал Луций, – он надежно спрятан неподалеку, кстати, от того места, где сейчас проживает Валтасар, с которым, помнится, ты хотел встретиться. Как видишь, дорогой друг, я предусмотрительно избавил тебя и от бытовых хлопот, и поисков нужного тебе человека.

Между тем на берег сошли остальные пассажиры «Горгоны». Каково же было их удивление, когда они обнаружили своего патрона, беседующего с Луцием, который, по мнению большинства (за исключением Аврелия), считали, что Луций в данное время находится на вилле Квинта в Помпее. Тания, не удержавшись, прямо с трапа подбежала к Квинту и Луцию, и, прервав их беседу, задала вопрос, который не решалась задать Цилия.

– Луций, здравствуйте! Вы в Александрии? Но как Вам удалось прибыть сюда вперед нас?

– Здравствуй Тания! – Весело ответил Луций, кинув извиняющий взгляд на Квинта. – Как видишь, это я собственной персоной.

– Вижу, что это Вы, но никак не пойму, все-таки, как Вы сюда добрались так быстро.

– Ничего удивительного, юная дева, – все также шутливо ответил Луций, – просто у меня выросли крылья, и я прилетел на них, словно птица.

– Да ну Вас! – сердито надув губы, буркнула Тания. – Я серьезно спрашиваю, а Вы мне рассказываете сказки. Я уже не маленькая, чтобы верить в подобные выдумки.

– Ну, ну, не обижайся, – примирительно произнес Луций, – просто мне повезло с более быстроходным кораблем. А что касается крыльев, извини, я неудачно пошутил, хотя, возможно, это вовсе и не моя выдумка. Ты же знаешь легенду об Икаре?

– Знаю! Но это всего лишь легенда, которую придумали такие же шутники, вроде Вас.

– Поосторожнее, девочка! А вдруг я смогу однажды доказать тебе, что это вовсе не выдумка, и приглашу тебя полетать вместе со мной? Что ты тогда на это скажешь?

– Да ничего не скажу, потому что Вы все шутите! – Не на шутку обидевшись, выпалила Тания, и, отвернувшись, зашагала к Цилии и Аврелию.

– Зачем ты дразнишь девчонку? – Одернул, расхохотавшегося Луция, Квинт. – Смотри, как бы не пожалеть потом. Девочка эта не простая. Очень скоро в ней проснется ее строптивый дух, и она задаст тебе такую взбучку, какая тебе и не снилась!

– Хорошо, хорошо! – Продолжая смеяться, ответил Луций. – А до того, как это случится, позволь мне проводить Вас в павильон, где Вас ждет теплая ванна и сытный обед.

Луций повернулся в сторону толпы, и, сделав кому-то жест, попросил Квинта отдать приказ солдатам пропустить повозку, которой правил темноволосый, смуглокожий египтянин. Солдаты расступились, пропуская повозку, запряженную двумя ослами, за которой на привязи послушно шли пять статных лошадей в богатой сбруе.

– Как видишь, все, как и обещал! – Самодовольно воскликнул Луций. – Эй, Аврелий, прикажи своим рабам грузить вещи, а то мы рискуем тем, что наш обед совсем остынет, пока мы соизволим добраться до дома!

Но и без этого призыва, по пояс обнаженные нубийцы уже сносили на берег тяжелые сундуки и аккуратно укладывали их в повозку. Как только последний из них был погружен, все пятеро темнокожих рабов вернулись на корабль, а спустя некоторое время вновь спустились на берег, но уже одетые в длинные белые балахоны, какие обычно носили жители знойной пустыни. Если внимательно приглядеться, то под балахонами отчетливо угадывались оттопыривающие одежду короткие римские мечи. Квинт подошел к лошадям, оценил каждую из них, и, выбрав невысокую вороную кобылу, взяв ее за повод, подвел к Тание.

– Как наша юная амазонка относится к верховой езде? – Спросил он у девочки, бросая многозначительный взгляд на Аврелия.

– Я, честно говоря, еще никогда в жизни не ездила верхом. – Смущенно ответила Тания.

– Что ж, все когда-нибудь бывает в первый раз. – Ответил Квинт. – Давай, пробуй!

Девочка нерешительно подошла к лошади, и вдруг, к изумлению окружающих, уверенным движением запрыгнула в седло, затем, слегка натянув повод, шлепнула лошадь пятками, и та повинувшись уверенным движениям девочки, пошла, грациозно перебирая ногами.

– Ну что, убедился? – Обращаясь к Аврелию, промолвил Квинт.

– Похоже Вы правы. – Задумчиво ответил юноша.

– Эй, о чем это Вы? – Не выдержав, спросила Цилия.

– Это ведь ты у нас специалист по трансплантации сознания, дорогая. – Полушепотом ответил Аврелий. – Скорее уместнее этот вопрос прозвучал бы от нас с патроном к тебе.

– Ничего не понимаю, – растерянно ответила девушка, – причем здесь лошадь, Тания, и какое это имеет отношение к моей специализации?

– Оставь, Аврелий! – Произнес Квинт. – Цилия здесь совершенно не причем. Я абсолютно в этом уверен. Это дело рук кое-кого повыше. А ты, Цилия, прости Аврелия за этот его бестактный выпад. Клянусь, сегодня же вечером мы обо всем тебе расскажем. А сейчас разбирайте лошадей и в путь. Давай, Луций, веди нас в свой дворец.

Двое нубийцев сели в повозку сзади возницы, двое других встали справа и слева от нее, а еще один, самый рослый, по имени Селим, встал рядом с сидевшей верхом на лошади Танией. Солдаты по приказу Квинта расступились, пропуская процессию, которая направилась от пристани в сторону Царских садов.

Глава 17

Квинт проводил взглядом удаляющегося из арендованной Луцием усадьбы, торговца лошадьми, уносящего в своем непомерно объемном кармане, увесистый кошель с золотом, только что полученном от него в качестве оплаты за лошадью и большую крытую повозку. Как только торговец со своими рабами скрылся за воротами, Квинт повернулся к толь-

ко что приобретенным лошадям, которые не отличались изяществом и грациозностью, как те, которых купил для него и его спутников Луций, но, в то же время, в которых угадывалась сила и выносливость.

– Не пойму, зачем тебе понадобились еще лошади? – Спросил стоящий неподалеку Луций.

– Что непонятного? Нам предстоит довольно длительное путешествие вглубь страны. Мне хотелось бы, чтобы наше передвижение было как можно быстрее. В скорости движения во многом наша безопасность. А как бы нам удалось двигаться достаточно быстро, если наши нубийцы вынуждены передвигаться пешком? Да и повозка, которую ты нанял, не отвечает необходимым требованиям путешествия. Она, во-первых, открытая, а во-вторых, ослы слишком медлительны.

– Как я понял, ты собираешься усадить рабов верхом на лошадей?

– Ну и что?

– Как что? Это может вызвать нездоровую реакцию в обществе!

– Вот что, Луций, в данном случае мне совершенно безразлично, какая реакция может быть в этом рабовладельческом обществе. На карту поставлено нечто несоизмеримо большее. И, в конце-то концов, это мои рабы, и я поступаю с ними, как мне заблагорассудится. Могут же у знатного патриция быть свои причуды?

– Да, конечно, но все же...

– Никаких но! Лучше скажи, когда я смогу навестить Валтасара?

– Завтра на закате солнца, когда в храмах не будет паломников, Валтасар будет ждать тебя.

Вечером следующего дня, когда стих городской шум, со стороны Царских садов в сторону Лохидской косы промчались пять вооруженных всадников, одетых в формы римских легионеров. Они остановились у развилки, где дорога разделялась на два направления – налево, в сторону царского дворца, направо – в сторону храмового комплекса. Передний всадник, осадив коня, указал своим спутникам рукой направление направо, где всего в полулиге находились два храма – храм Изиды и храм Артемис. Всадники остановились у придорожной таверны для паломников около храма Артемис и спешились.

– Дальше я пойду один, – сказал Квинт своим спутникам, – Вы же ждите меня здесь столько времени, сколько потребуется. Луций, покажи, где я могу найти Валтасара.

– Тебя на пороге храма встретит жрица и проводит к нему.

– Отлично! Ну, я пошел.

Неожиданно к Квинту обратилась Тания.

– Господин, позволь мне, пока ты будешь отсутствовать, осмотреть храм Артемис.

– Не стоит тебе ходить туда одной, – озабоченно ответил Квинт.

– Не беспокойтесь, патрон, – вставила Цилия, – я пойду

с ней, а Аврелий с Луцием тем временем посторожат наших лошадей.

– Что ж, пусть будет так, – ответил Квинт, и, повернувшись, быстрым шагом направился к храму Изиды.

Здесь, на верхней ступени лестницы, ведущей в храм, его уже ожидала жрица. Квинт поклонился ей и уже открыл рот, чтобы представиться, но жрица, опередив его, жестом пригласила следовать за ней. Женщина, легкой походкой проскользнула в приоткрытую дверь. Квинт двинулся вслед. Оказавшись внутри храма, Квинт невольно остановился, чтобы дать глазам привыкнуть к темноте, царящей внутри помещения. Его невольное оцепенение нарушила жрица, которая зажгла факел от тусклого светильника на стене. Она взяла Квинта за руку и увлекла за собой по темному лабиринту коридоров. Квинт потерял счет времени, путляя в темноте, но вдруг, впереди идущая жрица остановилась перед низкой массивной дверью. Она стукнула несколько раз в дверь, после чего та раскрылась. Жрица отошла в сторону, давая Квинту пройти. Как только Квинт вошел, дверь закрылась. Очутившись внутри, он огляделся по сторонам, пытаясь в полумраке обнаружить Валтасара. Валтасара в помещении не оказалось. Комната, посреди которой остановился Квинт, имела несколько шагов в длину и столько же в ширину. Над головой нависал низкий сводчатый потолок, в центре которого имелось узкое отверстие, через которое сюда поступал наружный воздух и слабый свет уходя-

щего дня. В противоположенной стене Квинт различил еще одну дверь, которая спустя несколько мгновений бесшумно раскрылась. За этой дверью он обнаружил ярко освещенную галерею, наподобие той, что была в его собственном Римском доме. Квинт, не задумываясь, прошел в эту дверь и, преодолев короткую галерею, оказался в залитом ярким светом зале. Посреди зала стоял стол и два кресла, в одном из которых сидел человек лет шестидесяти, с густой длинной седой бородой. Увидев вошедшего Квинта, он поднялся и двинулся ему навстречу.

– Аркус, ты ли это?

– Как видишь, это я собственной персоной.

– Весьма рад тебя видеть в полном здравии, дорогой Аркус. Присаживайся, прошу тебя, и рассказывай, чем я обязан столь неожиданным визитом.

– Я так же очень рад видеть тебя, – опускаясь в кресло, ответил Квинт.

– Сколько же мы не виделись? Лет двадцать?

– Пятнадцать, – уточнил Квинт.

– Да, да! Время летит неумолимо! Так что же тебя привело в Египет?

Квинт, поудобнее расположившись в кресле, рассказал о цели своего визита и о плане, который был предложен Аврелием и им поддержанном.

– Что же ты хочешь от меня? – Спросил Валтасар, выслушав Квинта. – Тебе ведь не хуже, чем мне известно, что нам

запрещено всякого рода вмешательство во внутренние дела Землян.

– Я не прошу тебя вмешиваться. – Ответил Квинт. – Тебе, Мельхиору и Гаспару нужно лишь засвидетельствовать рождение истинного царя Иудеи. Все остальное сделают сами местные жители.

Некоторое время просидев молча в раздумье, Валтасар ответил:

– Хорошо, я сделаю это и уговорю Гаспара и Мельхиора. Скажи только, как скоро это нужно сделать, и где?

– Чтобы ответить на эти вопросы, мне нужно кое с кем переговорить. И здесь мне так же потребуется твоя помощь.

– Что же ты еще хочешь от меня?

– Мне потребуется код для канала внутригалактической связи.

– Аркус, ты просишь невозможного! – Воскликнул старик, вздрогнув от неожиданной просьбы.

– Пойми же, мне крайне необходимо переговорить с Изидой! От этого зависит исход всего нашего плана! Кроме того, у меня к Изе есть еще и дело личного характера. Умоляю тебя, дай мне возможность поговорить с ней. Всего десять минут связи.

– Надеюсь, ты понимаешь, чем мне это может грозить? Корпус не прощает подобного.

– Ты, наверное, не понял! Я прошу код от закрытого, секретного канала, того, который создал когда-то давно, наш об-

щий друг, и о котором в Корпусе могут и не догадываться. Я ни в коей мере не хочу подвергать тебя неприятностям с начальством.

– Как тебе известно, у меня довольно сложные взаимоотношения с руководством Корпуса, да и попал я в него, чего греха таить, не по своей воле. Если помнишь, указ Высшего совета о передачи в Корпус жизни из Наблюдательного совета всех сотрудников, обладающих телепатическими способностями. Мои возражения в расчет не брались. Ладно, Аркус, ты уж прости, что обращаюсь к тебе по фамилии, просто я запутался в твоих многочисленных именах, я дам тебе код. Где находится узел связи, ты знаешь, только прошу, постарайся быть краток, чтобы тебя не успели запеленговать.

– Квинт, Квинт Сципилион – так меня теперь зовут и огромное тебе спасибо. Другого ответа я и не ожидал. Обещаю не использовать канал более десяти минут.

– Вот, возьми! – Валтасар достал из ниши в столе небольшой металлический предмет, напоминающий две опрокинутые тарелки, скрепленные широкими плоскостями между собой, и протянул его Квинту.

Квинт спрятал предмет в карман, скрытый под одеждой и еще раз горячо поблагодарил Валтасара.

– Иди, Аркус, и пусть тебе сопутствует удача!

Квинт встал и направился к двери, но вдруг, неожиданно повернулся.

– Еще одно... Это касается твоих телепатических способ-

ностей. Со мной тут одна девочка. Не мог бы ты заглянуть в ее голову?

– Это еще зачем?

– У меня есть предположение, что ее подвергли трансплантации сознания при рождении. Я хотел бы получить подтверждение относительно ее истинной личности.

– Куда же от тебя деться, Аркус. Можешь привести ее.

– Она здесь поблизости, в храме Артемис, только мне хотелось бы, чтобы ни она, ни остальные мои спутники не видели тебя. Так будет безопасней.

– Говоришь, она в храме? Тогда следуй за мной.

Валтасар нажал невидимую кнопку на столе. Рядом в полу с характерным скрежетом раскрылся люк. Валтасар спустился в люк. Квинт последовал его примеру. В подземелье оказалась каменная лестница, состоящая из десятка ступеней, а дальше шел длинный извилистый и очень узкий коридор. Пройдя несколько сот метров по коридору, оканчивающемуся такой же лестницей, как и на противоположном конце, они поднялись по ней, и очутились на небольшой площадке перед глухой стеной. Валтасар указал на несколько отверстий в стене. Оба прильнули глазами к отверстиям. Перед ними открылся обширный зал со статуей богини Артемис. Посреди зала, прямо напротив статуи богини, стояли две женщины, переодетые в мужское платье, с интересом рассматривающие внутреннее убранство храма.

– Которая из них? – Шепотом спросил Валтасар.

– Та, которая поменьше, – так же шепотом ответил Квинт.

Валтасар понимающе кивнул головой и вновь прильнул глазами к отверстиям в стене. Так он простоял неподвижно несколько долгих минут, а затем, резко отпрянув от стены, схватил Квинта за руку и потащил его назад в проход между двумя храмами.

– Что? Что ты узнал? Говори скорее!

Но Валтасар молчал и только, громко дыша, будто ему не хватает воздуха, продолжал быстрым шагом идти по коридору. Только очутившись в зале и опустившись в кресло, он выпалил.

– Это же Темис! Как Вам это удалось? Аркус, ты понимаешь, что ты наделал? Если об этом узнают в Корпусе, мне даже страшно представить, что тебя может ожидать!

– Да причем же здесь я? Я сам узнал об этом совершенно случайно только на корабле, который доставил меня сюда!

– Тогда эта, другая. Ведь она трансплантатор, не так ли?

– Поверь мне, Цилия так же не имеет к этому ни малейшего отношения, да и ее еще не было на Земле, когда родилась Тания. Она появилась здесь значительно позже.

– Кто же тогда?

– Есть только один человек, способный на такое.

– Ты имеешь ввиду...

– Да, именно его.

– Но его нет! Уже очень давно нет!

– Как нет? Поясни!

– Я думал, ты знаешь. Его нет уже очень много лет.

– Но, возможно, трансплантация...

– Нет, однозначно нет! Как только не пытались получить доступ к его матрице, это никому сделать не удалось. Судя по всему, он позаботился каким-то образом, чтобы больше никому и никогда не удалось трансплантировать его сознание в новое тело. О причинах такого его решения можно только догадываться.

– Кто же тогда? И, главное, зачем?

– Понятия не имею! Если будешь говорить с Изидой, попробуй расспросить ее. Она, как говорят, была рядом с ним до самого конца, и, возможно он посвятил ее в эту тайну перед своим уходом.

– Я приложу максимум усилий, чтобы раскрыть эту тайну, и, если мне что-либо удастся узнать, немедленно сообщу тебе. Прости, мне пора!

С этими словами Квинт, пожав руку Валтасару, покинул его тайное убежище.

Глава 18

Юная жрица, судя по всему, совсем недавно отданная в храм Артемис, занимающаяся уборкой главного помещения храма, с удивлением посмотрела на двоих только что вошедших людей, решивших в столь поздний час посетить храм. И беглого взгляда хватило девушке, чтобы разглядеть в незнакомцах переодетых в мужское платье молодых женщин. Жрица спряталась за одной из многочисленных ко-

лонн, поддерживающих потолок, и стала с любопытством наблюдать за посетительницами. Между тем обе женщины подошли к чаше для пожертвований и опустили в нее по монете. Даже при тусклом освещении, девушка разглядела золотые ауреи, и столь щедрые жертвования разыграли в ней еще большее любопытство. Женщины прошли вглубь зала, внимательно рассматривая в тусклом свете масляных светильников многочисленные барельефы с изображениями сцен с богиней Артемис и другими богами, при этом вполголоса переговариваясь между собой на незнакомом жрице языке. Судя по голосам, одна из незнакомок была совсем взрослой женщиной, а другая, ростом пониже, еще совсем ребенок. Закончив осмотр барельефов и фресок, обе посетительницы подошли к статуе Артемис, возвышающейся в нише за алтарем. Девочка что-то сказала своей спутнице, показывая на статую, а та, улыбнувшись, лишь махнула рукой. Девочка вновь повернулась к статуе и стала внимательно вглядываться в лицо богини, после чего, вдруг замерла на месте, будто сама превратилась в статую. Ее спутница пыталась привести девочку в чувство, но все ее попытки оказались тщетными. Она и уговаривала, и плакала, и становилась на колени, и трясла девочку за плечи. Все напрасно. Так продолжалось довольно долго. Юная жрица уже было собралась выйти из своего убежища, чтобы оказать женщине хоть какую-нибудь помощь, но девочка, вдруг неожиданно зашевелилась, будто отходя от тяжелого сна, и обхватив руками

голову, присела прямо на пол. Женщина присела перед ней, что-то говоря, а девочка лишь отрицательно вертела головой. Тогда женщина подняла девочку на ноги, и, обняв за плечи, вывела ее из храма.

Едва Квинт скрылся за поворотом дороги, ведущей к храму Изиды, Цилия с Танией отдав все свое оружие Аврелию, направились в храм Артемис. Время было позднее и ни в самом храме, ни около него не было ни души, но двери храма еще были открыты.

– Ну, что, ты не передумала? – спросила Цилия.

Тания отрицательно мотнула головой.

– Тогда пошли!

Они вошли в тускло освещенный несколькими масляными светильниками главный зал храма.

– Нужно принести жертву богине, – вполголоса сказала Цилия, – таков обычай. На, возьми аурею и опусти вон в ту чашу.

Тания подошла к жертвенной чаше и опустила в нее золотую монету, вслед за ней эту же процедуру повторила Цилия. Затем они стали с интересом рассматривать барельефы и фрески, рассказывающие истории, связанные с Артемис. Тания постоянно задавала вопросы, на которые у Цилии не было ответов, что-то комментировала о той или иной картине или скульптуре. В общем, вела себя более чем активно. Наконец, они подошли к огромной мраморной статуе Ар-

темис. Тания с любопытством стала ее рассматривать, при этом вспоминая все то, что ей рассказывал о богине Квинт.

– Знаешь, Цилия, это вовсе не Артемис. Она на нее совсем не похожа.

– Ну, что ты, девочка! С чего ты это взяла?

– Я это знаю, совершенно точно знаю! Артемис совсем другая, а эту статую, наверное, ваял скульптор, подглядывая за соседской девушкой или за кем-нибудь еще. Но то, что это не богиня – это точно.

– Тания, дорогая, просто ты придумала себе образ Артемис, и представляешь ее так, как бы тебе хотелось, а художник, ваявший эту статую, представлял ее именно такой. Посмотри на нее еще раз. Разве она не прекрасна? – Махнув рукой в сторону статуи, сказала Цилия, при этом ласково улыбаясь.

Девочка вновь повернулась к статуе и стала внимательно рассматривать черты ее лица. Она уже собралась выпалить словесный поток с утверждением, что это все-таки не настоящая Артемис, как вдруг резкая боль, словно игла, поразила ее в голову.

– Наверное, Артемис разозлилась на меня за то, что я так плохо говорила о ней в ее же храме, – промелькнуло в голове девочки.

Она хотела попросить у богини прощения, но не смогла ни повернуться, ни шевельнуться, ни произнести ни единого слова, словно какая-то неведомая сила сковала все ее члены.

Затем сознание помутилось, и девочка словно провалилась в небытие.

Видя, что происходит со спутницей, Цилия всеми силами пыталась привести ее в чувство. Она просила, умоляла, трясла за плечи, била ладонями по щекам. Все напрасно. От собственного бессилия (а в большей степени от того, что под рукой нет ее заветного чемоданчика), Цилия зарыдала.

– Что я теперь скажу профессору? – думала она, продолжая всхлипывать.

Она вновь потрясла Танию, схватив ее за плечи, но девочка по-прежнему не шевелилась. В какое-то мгновение, Цилие показалось, что девочка не дышит, и что сердце ее остановилось, но нет, Тания вдруг глубоко вздохнула, будто зевая после продолжительного сна, закашлялась, и, обхватив свою голову обеими руками, со стоном опустилась на мраморную плиту, покрывающую пол храма. Цилия присела напротив и, взяв девочку за руки, глядя ей прямо в глаза, стала засыпать ее вопросами.

– Что с тобой? Как ты себя чувствуешь? С тобой раньше бывало что-нибудь подобное?

– Нет, Цилия, со стоном ответила девочка, – никогда ничего такого со мною не было. Очень болит голова и все вокруг будто кружится.

– Давай я помогу тебе встать, и пойдём на воздух. Там тебе станет полегче.

Цилия взяла девочку подмышки и подняла на ноги.

– Тания, обопрись на меня и пошли.

Девочка, поддерживаемая старшей подругой за плечи, едва передвигая ногами, вместе с ней добралась до выхода из храма. Оказавшись на воздухе, она сделала несколько глубоких вдохов, пропитанного запахом моря, вперемежку с ароматом цветов, растущих в цветниках вокруг храма, и, действительно почувствовала некоторое облегчение. Девочка почувствовала, как силы постепенно возвращаются к ней. Она еще раз глубоко вздохнула, и уже гораздо увереннее пошла по дорожке, посыпанной мелким гравием, шуршащим под ногами, в сторону таверны, где их ожидали друзья.

Перед Квинтом вновь бесшумно распахнулась дверь, за которой с факелом в руках его ожидала та же самая жрица, которая привела его сюда. Он шагнул в проем двери, которая тотчас захлопнулась за его спиной. Жрица двинулась по коридору в обратную сторону. Квинт последовал за ней. Оказавшись за пределами храма, он с удивлением обнаружил, что вокруг совсем стемнело, и только тонкий серп Луны и яркие бусинки звезд освещали окрестности. С моря дул легкий ветерок, неся ночную прохладу на выжженную днем под палящим солнцем, землю. С удовольствием вдохнув ночной воздух, Квинт бодро зашагал к таверне, над дверью которой горел единственный на всю округу фонарь. У коновязи тихонько заржала лошадь. Около нее Квинт различил человеческую фигуру и направился напрямик туда. Там он обнаружил Аврелия, беспокойно вглядывающегося в темноту в

сторону храма Артемис. Услышав шаги, юноша повернулся на звук и инстинктивно сжал рукой рукоятку меча, висевшего у него на боку.

– И с кем это ты собираешься биться на мечах, Аврелий Лициний Сцинна? – Весело спросил Квинт, выходя на освещенное место.

– А! Это Вы, профессор?

– Конечно, я! А кого ты еще здесь хотел увидеть?

– Девушки до сих пор не вернулись, и я очень беспокоюсь за них. Они ушли уже довольно давно, причем, уходя, оставили все оружие здесь. Вдруг с ними что-то случилось.

– Давай пойдем им навстречу. Пойди, возьми у хозяина таверны какой-нибудь факел.

Аврелий со всех ног бросился в таверну, но, едва добежав до двери, резко остановился, прислушавшись. Где-то, совсем недалеко, слышались шаги и еще звуки, похожие на стоны. Аврелий побежал на звук. В нескольких сотнях шагов от таверны, он чуть не столкнулся с Цилией, поддерживающей, еле бредущую Танию.

– Что случилось? На Вас кто-то напал? Что с девочкой?

– Никто на нас не нападал! – Ответила Цилия. – Чем задавать вопросы, лучше помоги. Ей очень плохо!

Аврелий подхватил Танию на руки, и, дав Цилие немного отдышаться, понес девочку к таверне.

– Так что же произошло? – повторил юноша свой вопрос.

– Если бы я знала! Ее вдруг, будто парализовало. Я не

знаю из-за чего, и ничем не могу ей помочь. Мой чемоданчик остался в павильоне в городе.

Навстречу из темноты выплыла грузная фигура Квинта.

– Что тут у Вас? – отдышавшись от быстрой ходьбы, спросил он у молодых людей.

– Девочке стало плохо. – Ответила Цилия. – Мне нужно срочно доставить ее домой для осмотра.

– Подожди, расскажи все по-порядку.

Продолжая идти к таверне, Цилия повторила свой рассказ Квинту.

– Похоже, Валтасар перестарался, – подумал Квинт, – не нужно было проводить ему глубокое сканирование мозга девочки. Хвала небу, что все обошлось. – А вслух произнес, – Успокойся, Цилия! Ей сейчас нужен покой, а до Царских садов слишком далеко. Тания не сможет ехать верхом. Давайте заночуем в таверне, а утром, если ей не станет лучше, найдем повозку и отвезем девочку в город.

– А если ей станет хуже? – Выпалила Цилия.

– Что-то мне подсказывает, что утром девочка будет совершенно здорова, но, если ты настаиваешь, Аврелий или Луций могут сейчас поехать в город и привезти твой чемоданчик.

– Я готов! – Тяжело дыша, ответил юноша.

– Вот и прекрасно! Донесешь девочку до таверны, и можешь отправляться в путь. А где, кстати, Луций? Что-то я его не вижу!

– Он в таверне, ждет нас к ужину. – Ответил Аврелий.

– Замечательно! Честно говоря, я изрядно проголодался, – открывая дверь в таверну, и пропуская вперед Аврелия с девочкой на руках, произнес Квинт.

Цилия постелила на одну из скамей свой плащ, и Аврелий осторожно уложил на него Танию. Девочка вся дрожала, как в лихорадке. К ней подошел Луций.

– Ого, да похоже, она подцепила какую-то местную заразу! – Воскликнул он.

– Успокойся, Луций! – ответил с порога Квинт. – Это не заразная болезнь. У девочки нет жара. Это совсем другое.

– Тебе-то откуда знать? – Сорвался Луций. – Ты что, врач?

– Нет, друг, я не врач, – спокойно ответил Квинт, – но если я говорю, значит, знаю, о чем говорю. Все, давайте ужинать! Завтра мы отправляемся в Мемфис, и нам нужно хорошенько отдохнуть. Эй, хозяин! – позвал Квинт суетящегося у очага хозяина таверны. – Найдутся в твоей таверне несколько комнат для усталых путников?

– Найдутся, благородный господин! – Ответил тот.

– Прекрасно, приготовь их для нас, – с деланным высокомерием ответил Квинт, бросая на стол горсть серебряных монет.

После ужина, Аврелий отнес Танию в одну из комнат, после чего отвел Квинта в сторону, и, переходя на шепот спросил:

– Так что же с девочкой, профессор?

– Валтасар просканировал ее. Я не думал, что могут быть такие последствия. Утром она будет совершенно здорова, и тебе нет никакой необходимости мчаться сейчас в город.

– Что сказал Валтасар?

– Это Темис, без всякого сомнения. У нее начинается мутация сознания. По себе знаю, насколько неприятный и болезненный этот процесс, но это не смертельно, и очень быстро проходит. Так что, готовьтесь. Завтра ничто нам не помешает отправиться в Мемфис. А сейчас, проследи, чтобы трактирщик покормил и напоил лошадей и иди спать.

Едва странные посетительницы покинули храм, жрица вышла из своего убежища за колонной. Она до сих пор не могла прийти в себя от только что разыгравшейся перед ее глазами сцены, не понимая, чем же так прогневила Артемис юная чужестранка. Девушка приблизилась к статуе богини и, опустившись перед ней на колени, стала шептать молитвы, восхваляющие силу, могущество и великодушие Артемис. В религиозном экстазе, юная жрица прильнула к холодному мрамору статуи, целуя ноги изваянию. Затем девушка поднялась на ноги, и, поспешно закончив уборку и затворив двери, удалилась в спальное помещение, чтобы с наступлением рассвета рассказать другим жрицам о чуде, которое ей довелось увидеть этим вечером.

Солнечный луч пробился через щель в ставне, закрывающем маленькое окошко, и скользнул по лицу Тании. Девочка потянулась и открыла глаза. Она с удивлением стала рас-

смаатривать незнакомое помещение, силясь вспомнить, как она здесь очутилась. Рядом, на соседнем ложе, накрывшись покрывалом, спала Цилия. Тания напрягла память, и перед ней начали всплывать странные события минувшего вечера. Она поднялась с постели, и тихонько, чтобы не разбудить подругу, вышла из тесной комнаты в общий зал таверны, где обнаружила Квинта, сидящего за столом, завтракавшего ароматным, только что испеченным хлебом с сыром, и запивая это сладким греческим вином, слегка разбавленным водой. Увидев Танию, он приветливо кивнул ей, приглашая присоединиться к нему. Девочка присела рядом, а Квинт, кликнув трактирщика, потребовал, чтобы тот принес для юной госпожи хлеба с сыром и молока. Вдохнув запах теплого хлеба, Тания почувствовала, что очень голодна, и с жадностью стала поглощать съестное, запивая парным молоком. Дав девочка поесть, Квинт поинтересовался ее самочувствием.

– Спасибо, господин, ответила Тания, – я себя чувствую очень хорошо. Вот только... , – девочка запнулась на полуслове, не решаясь продолжить.

– Что только? – Переспросил Квинт, ласково поглаживая Танию по голове. Не бойся, расскажи мне, что тебя беспокоит.

– Я не знаю, не понимаю, – сбивчиво ответила девочка, – там, в храме, я вдруг, будто растворилась в густом тумане, а потом... Это было, как во сне, но это был не сон. Я видела...

– Что ты видела?

– Разное! И не просто видела, я ощущала запахи, прикосновения, слышала звуки. Все, как наяву. Люди, очень странные люди, одетые в одежды, сшитые из звериных шкур... Со всем черное небо и огромный шар в голубой дымке внизу... Удивительные дома, упирающиеся в небо со сверкающими стенами. Много домов... Станный зал похожий на театр, в каком дают представления актеры, но под прозрачной высокой крышей, и много, много молодых людей, юношей и девушек, и, будто я среди них. Все они внимательно слушают седовласого человека, стоящего посреди площадки внизу... Плита. Огромная черная плита, испещренная странными значками... Еще лошади. Много лошадей. Они мчатся по широкой равнине... Я верхом на черной лошади, а рядом со мной скачет необыкновенно красивая, белокурая женщина, которая называет меня подругой... Еще красивый смуглокожий юноша. Он рядом. Пытается меня обнять и поцеловать... Еще женщина. Другая. Темноволосая. С золотым обручем на голове. Тоже очень красивая, но очень строгая. Она что-то говорит мне... Маленький мальчик. Он тянет ко мне руки, и, почему-то называет меня мамой. Еще многое другое... Будто я лечу, словно птица, а подо мною река, земля, горы... А потом вновь туман, сильная боль вот тут. (Тания прикоснулась указательным пальцем ко лбу) и все пропало. Я вновь очутилась в храме перед статуей Артемис. Что это? Ты можешь мне объяснить?

– Ничего страшного, дорогая, – тихим голосом ответил

Квинт, – просто ты взростеешь. Этого не надо бояться. Теперь подобные видения часто будут приходить к тебе. А когда ты станешь совсем взрослой, эти видения исчезнут. Останутся лишь воспоминания, много разных воспоминаний. Вот тогда я смогу сдержать свое обещание, и рассказать тебе о тебе самой то, о чем ты даже не подозреваешь.

Глава 19

С первыми лучами солнца, небольшой отряд всадников пересек Врата Солнца и, покинув Александрию, двинулся на юг, в сторону Мемфиса. Повозка стучала окованными железом колесами по булыжниковому тракту.

– Хотите знать, за что я уважаю римлян? – Обратился к спутникам Квинт.

– Ну и за что же? – Вопросом на вопрос ответил Луций.

– А вот за что! – В тон ему ответил Квинт. – Все их заслуги меркнут перед одной единственной. Везде, где бы не появлялись закованные в доспехи римские легионеры, гордо несущие своих непобедимых орлов, вслед за ними приходили строители дорог и крепостей. Римские дороги – вот предмет моего восхищения! Только представьте себе, на сколько медленнее и труднодоступнее была бы эта дорога от Александрии до Мемфиса, если бы римские фортификаторы не построили этот тракт. Расстояние примерно в сто пятьдесят римских миль между этими великими городами нам удастся покрыть не более, чем за двое суток, если конечно в пути не произойдет ничего непредвиденного. Очень надеюсь, что

нас не поджидают какие-либо сюрпризы. В общем, прогулка обещает быть комфортной.

– Я бы не разделяла такого оптимизма! – откликнулась Цилия, которой, судя по всему, верховая езда доставляла мало удовольствия. – Что за радость трястись двое суток в седле! Мы еще не проехали и десяти миль, а мне кажется, что я не покидала седла целые сутки. А что же будет дальше?

– Если тебе столь неприятно путешествие в седле, – сочувственно заметил Аврелий, старавшийся держаться рядом с девушкой, – ты вполне могла бы пересесть в повозку.

– Ну, уж нет! – Обиженно ответила Цилия. Так я рискую растереть до крови только ноги, а в повозке растрясет все мое тело. Я предпочитаю первое.

– Как будет угодно. Мое дело предложить. – Уже более веселым тоном ответил Аврелий.

В отличие от Цилии, Тания была довольна абсолютно всем. Она то и дело обгоняла процессию, пуская лошадь в галоп, то немного отставала. Ее хрупкая фигурка уверенно держалась в седле, будто она всю свою жизнь только тем и занималась, что ездила верхом.

Как и предполагал Квинт, дорога оказалась вполне комфортной, и не доставила неприятностей путешественникам. Уже на закате второго дня пути, вдалеке на западе, путники увидели очертания странных гигантских сооружений в виде пирамид.

– Что это? – указав рукой в их сторону, спросила Тания.

– Это Гиза, город мертвых. – Ответил Квинт.

– А что это за холмы? – не унималась девочка.

– Это не холмы, дорогая. Это каменные пирамиды. Их построили люди. Тысячи рабов долгие годы возводили их по прихоти фараонов.

И зачем они нужны? – настойчиво продолжала Тания.

– Эти сооружения служат усыпальницами для египетских царей.

– Не понимаю, – задумчиво произнесла девочка, – и зачем же для могилы одного человека строить такие громадины.

– Этим египетские владыки пытались показать собственное величие. Но если честно сказать, то ни один из них даже не подозревал об истинном назначении этих величественных сооружений.

– То есть, ты хочешь сказать, что это не только могилы царей, а что-то еще? Что же?

– Я обязательно расскажу тебе об этом, но не сейчас.

– Почему не сейчас? Ты каждый раз так говоришь, когда я спрашиваю о чем-нибудь!

– Прости, Тания, но ты еще не готова!

– К чему я не готова? Объясни!

– Я же сказал, позже, когда придет время. Потерпи, ждать осталось недолго. Темнеет. – Меняя тему, сказал Квинт, – нужно найти какую-нибудь харчевню, где мы сможем спокойно переночевать. Если судить по римской карте, которую раздобыл наш вездесущий Луций, где-то поблизости долж-

на быть деревушка, в которой мы сможем найти временный приют.

Действительно, через несколько стадий, путники набрали на убогое селение и грязную харчевню у дороги, в которой и остановились на ночлег. Наспех поужинав, все расположились на ночь. Едва стихли голоса людей, и стало слышно лишь равномерное дыхание спящих, Квинт осторожно растолкал Аврелия, и жестом приказал ему следовать за собой. Заспанный юноша, аккуратно освободился от руки своей подруги, и бесшумно скрылся в темноте вслед за Квинтом.

– Что случилось, профессор? – шепотом спросил он.

– Ничего, друг мой, – так же шепотом ответил Квинт, – отвяжи лошадей. Я все расскажу тебе по дороге.

Аврелий отвязал двух лошадей и вывел их на дорогу, ведя за повод. Оказавшись на почтительном расстоянии от харчевни, оба человека вскочили в седло и, прищпорив лошадей, пустили их в галоп.

– Куда мы направляемся, учитель? – Вновь спросил Аврелий.

– К пирамидам, мой друг! – ответил Квинт. – Я же говорил, что эти сооружения имеют еще и отличные от гробниц свойства, одним из которых является секретный узел связи. Им мы и должны воспользоваться этой ночью.

После почти двухчасовой бешеной скачки, всадники остановили лошадей у подножья самой большой пирамиды, возвышавшейся над окружающей пустыней почти на полторас-

та метров, и сверкающая в лунном свете полированными до блеска плитами, которыми она была облицована. На небольшой высоте от земли зиял чернотой главный вход в усыпальницу, но, к удивлению Аврелия, Квинт направился к противоположенной стене пирамиды, на которой не было намека на какой-либо вход вовнутрь. Вокруг стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь редкими завываниями шакалов где-то вдали, как бы оправдывая название этого странного города. Всадники спешили. Квинт извлек карманный фонарь, и, присвечивая им, стал что-то искать.

– Похоже это здесь. – Произнес он, расчищая песок с каменной плиты. Очистив небольшой участок, он с силой навалился на плиту, которая к удивлению Аврелия, с легкостью подалась, открывая узкий проход вовнутрь пирамиды.

– Жди меня здесь. – Коротко сказал Квинт, протискиваясь в проход.

– Можно мне с Вами?

– Я же сказал, жди здесь, и позаботься о лошадях. В пустыне полно львов и шакалов, а нам лошади еще понадобятся, чтобы к рассвету вернуться к нашим друзьям. Я быстро. – Сказал Квинт, исчезая в темном проходе.

За проходом оказался длинный узкий коридор, ведущий куда-то вниз. Квинт с фонарем в руках уверенно зашагал по коридору. Он внимательно рассматривал символы, которые кое где были нанесены на стенах коридора. Обнаружив нужный символ в виде извивающейся змеи, он остановился

и стал сантиметр за сантиметром ощупывать стену, пока не обнаружил каменный выступ. Он с силой нажал на него. Та часть стены, на которую был нанесен символ, пришла в движение, опускаясь вниз, и открывая проход в небольшое помещение, воздух в котором был затхлый и спертый, отчего стало очень трудно дышать. Судя по всему, сюда уже давно никто не заходил. Дождавшись, когда помещение немного проветрится наружным воздухом, Квинт вошел в него. Стена вновь пришла в движение, закрывая проход. Стены помещения были облицованы небольшими каменными плитками, которые так же, как и стены коридора были испещрены различными символами. Отыскав известный ему символ, Квинт нажал на плитку, на которой он был изображен. В глубине подземелья что-то загудело, а спустя минуту комната осветилась мягким светом. Откуда-то сверху повеяло свежим воздухом. Дышать стало намного легче. Оглядевшись, Квинт поочередно нажал на несколько других плит, после чего в стене открылись несколько ниш. В одной из них он обнаружил удобное мягкое кресло на колесиках, а в другой, стол из толстого темного стекла, на столешнице которого были равномерно нанесены очередные символы, а в центре находилось небольшое углубление круглой формы. Квинт придвинул кресло к столу и сел в него. Затем он извлек из-под одежды металлический предмет, полученный от Валтасара, и вставил его в углубление. Тут же стеклянная столешница вспыхнула яркими цветными огнями, подсвечивающими

символы на ней. Квинт коснулся символа с такой же извивающейся змеей. Внутренняя часть стены ниши позади стола засветилась, превратившись в большой дисплей, на котором высветился ряд цифр. Затем раздался щелчок и вся гигантская пирамида, как бы, содрогнулась. Раздался низкочастотный все нарастающий гул. Цифры на экране сменились надписью "Система активирована". Когда гул достиг максимума, при котором стало закладывать уши, вдруг все стихло, и через несколько секунд, вместо гула Квинт услышал хорошо знакомый женский голос.

– Изида Ривис слушает. Ответьте, кто на связи?

– Ну, здравствуй, Иза. Узнала?

– Ты Аркус? – Удивленно ответила женщина. – Признаться не ожидала! Что тебе нужно от меня?

– У меня мало времени, Иза! Поэтому сразу к делу. Во-первых, я требую объяснений по поводу нашего предыдущего разговора, тогда, помнишь, пятнадцать лет назад.

– Ты об Анне?

– Да, о ней, но не только! Я хотел бы узнать то, над чем работал Зейвс, до своего ухода. Ведь ты была последней, кто видел его живым.

– Прошу тебя, замолчи! Ты даже не представляешь себе, какой опасности подвергаешь и себя и меня, затрагивая эту тему. Из-за этого я вынуждена была бежать с Геи и скрываться от агентов Корпуса в Темном пространстве.

– Ты боишься, что этот канал могут прослушивать? И что

это за Темное пространство?

– Я ни в чем не могу быть уверена. А темное пространство, это то место, которое мы тщетно пытались найти в течение тысяч лет. Ты понял, о чем я говорю?

– Так она все-таки существует? Невероятно! Но как тебе удалось ее обнаружить?

– Долгая история, которую я не могу доверить внутригалактической связи. По той же причине, я тогда ответила тебе категорическим отказом. Просто я боялась, что наш разговор может стать достоянием Корпуса.

– Тогда я прошу тебя о личной встрече.

– Ты сошел с ума! Ты даже не представляешь, как я далеко сейчас от Земли! Чтобы добраться туда, даже через супергиперпространственный переход, мне потребуется не менее двух недель. И где гарантия, что появившись я на Земле, меня тут же не схватят агенты Корпуса?

– Об этом разговоре знают кроме нас с тобой лишь три человека: тот, кто дал мне код, Луций, которого ты хорошо знаешь и мой ученик, Аврелий. Все эти люди абсолютно надежные. Так что, Иза?

– Я не уверена...

– Послушай, есть еще кое-что, ради чего я решился на этот разговор. Мы тут кое-что затеяли, что может не понравиться Корпусу, и нам необходима твоя помощь. Без нее мы бессильны. Да, и еще девочка.

– Девочка? Какая девочка?

– С трансплантированным сознанием Темис.

– Что? Как ты сказал?

– Ровно так, как ты слышала! Тот, кто дал мне код про-сканировал ее. Ошибки нет. Это она.

– Это меняет дело! Я согласна! Встретимся там, где она все начала. Надеюсь, помнишь?

– Помню, конечно! Когда?

– Максимум через месяц. Жди меня с полуночи в течение часа каждую ночь.

– Спасибо, Иза! Я сегодня же отправляюсь в путь. До встречи!

Квинт вновь коснулся символа со змеей и вытащил из углубления металлический предмет. Экран погас. Затем он поставил на место кресло и, нажав на каменный выступ, вернул все в первоначальное положение. После этого плита, закрывающая вход пришла в движение, открывая проход. Обратно по коридору Квинт буквально бежал, пока не оказался снаружи, где его дождался Аврелий.

Если в эту лунную ночь, кто-либо страдал бессонницей, или, как наш друг Аврелий, дождался бы дорогого для себя человека, то, кинув взгляд в сторону Великих пирамид, он мог бы увидеть странное явление. Сначала над вершиной самой большой пирамиды появилось яркое свечение, потом вся земля в Городе мертвых задрожала, как во время землетрясения, а потом с вершины одна за другой сорвались мол-

нии, только не как при грозе, падающие с неба на землю, а уходящие от земли в темное ночное небо. Так продолжалось в течение нескольких минут, а затем все исчезло, и долина вновь погрузилась в ночную тишину и мрак.

Глава 20

Небо на востоке едва начало светлеть, когда усталые всадники вновь оказались возле харчевни, в которой оставили своих спутников. Осадив взмыленных от стремительной скачки лошадей, они спешили, и повели лошадей за повод, чтобы не нарушить сон спящих в харчевне. У коновязи Аврелий напоил усталых скакунов, разбудил Селима, приказав ему привести лошадей в порядок, и вместе с Квинтом отправился спать. Всю дорогу от пирамид, он не решался спросить у патрона о результатах ночной поездки, и только сейчас, нерешительно помявшись, спросил:

– Вам все удалось, профессор?

– Да, Аврелий. Я получил все, что хотел.

– И что мы будем делать дальше? Вернемся в Александрию?

– Ну, уж, нет. Нам предстоит дальний путь вверх по реке в город Уасет или Но-Амон, как он называется в Библие, или Фивы, как его называют греки. Там Вам предстоит кое с кем познакомиться. Но об этом потом. Иди, отдыхай. Все приготовления к предстоящей поездке я поручу Луцию. У него хорошо получается улаживать дела подобного толка.

Утром, наспех позавтракав, отряд выдвинулся в сторону

Мемфиса, куда немногим раньше выехал Луций, в сопровождении нубийца по имени Нулу. Въехав в город, процессия проследовала к пристани, минуя многочисленные постоянные дворы и гостиницы, приветливо зазывавшие богатых путешественников. Квинт окинул взглядом немногочисленные корабли и лодки, пришвартованные к пристани, и свернул в сторону самого большого, двухмачтового корабля. И на этот раз интуиция его не подвела. Около широкого трапа, как и предполагал Квинт, он увидел Луция, о чем-то оживленно беседующего с невысоким, тучным человеком, одетым на восточный манер, в расшитый золотом и серебром шелковый халат. Подъехав поближе, Квинт спешился и подошел к беседующим. Он почтительно поприветствовал незнакомца, и, повернувшись к Луцию, спросил:

– Надеюсь, ты обо всем договорился?

– Ну, не совсем, патрон, – ответил Луций.

– Что значит не совсем? Поясни.

– Дело в том, что хозяин корабля, уважаемый Линар, запросил непомерную плату за то, чтобы доставить нас в Фивы. А его корабль единственный из всех, которые сейчас есть в Мемфисе, способный принять на борт нас всех вместе с повозкой и лошадьми.

– Сколько же Вы хотите, уважаемый? – Спросил Квинт, обращаясь к хозяину корабля.

– Тысячу динарий, благородный патриций, всего одну тысячу. Я бедный купец, и для того, чтобы выполнить твою

просьбу, уважаемый, мне придется оставить здесь большую часть товаров. А это убытки, огромные убытки, грозящие мне разорением.

– Ну, если судить по твоей непомерно богатой одежде, разорение тебе не грозит, – насмешливо ответил Квинт.

– Внешность обманчива, уважаемый. Все это напускное, чтобы богатые клиенты не отворачивались от меня, а на самом деле, я беднее самого бедного нищего, – жалобно запричитал купец.

– Ладно, не ной! Ты получишь свою тысячу, и еще пятьсот на покрытие твоих "убытков", если доставишь нас и все наше имущество в целости и сохранности в Фивы не позднее чем через две недели. Слово римлянина!

– Хорошо, хорошо, – расплываясь в улыбке, ответил купец, – можешь располагать мною, моим кораблем и его командой, уважаемый. Только вот... – Купец застенчиво замялся.

– Что еще!

– Не сочти за дерзость, благородный Квинт из рода Аркусов, но нельзя ли получить небольшой задаток, а то, мало ли, что может случиться в пути...

– Луций, заплати ему! – властным голосом приказал Квинт, и проследи за погрузкой.

Луций, с покорным выражением лица, достал увесистый кошель и кинул его в руки купца. Тот ловко поймал его и раскрыл, чтобы убедиться в его содержимом. Он почтительней-

шим образом поклонился Квинту и, сладким голосом "пропел".

– Можешь располагать мною и моим кораблем, как своим собственным, благородный Квинт из рода Аркусов. Мои рабы помогут погрузить твоё имущество, а рабыни проводят в самые удобные каюты.

С этими словами, купец сделал жест, приглашающий проследовать на борт. Затем он дважды хлопнул в ладоши, и тотчас к нему подбежал юркий человек, который согнулся перед купцом в покорном поклоне.

– Что прикажешь, хозяин! – Спросил он, не поднимая головы.

– Гони рабов на погрузку! Делай все, что прикажет мой дорогой гость! И смотри, чтобы ничего не пропало, и не было испорчено!

– Слушаюсь, мой господин. – Ответил человек, и, сорвавшись с места, поспешил выполнять приказ хозяина.

Как только все вещи путешественников были погружены на корабль, лошади размещены в стойлах в огромном трюме корабля, на борт поднялись пассажиры, каждого из которых подобострастно приветствовал хозяин. Он не жалел комплиментов благородным господам, но с опаской посмотрел на, до зубов вооруженных, темнокожих рабов. Когда же очередь пришла приветствовать Цилию, он остановил на ней жадный, похотливый взгляд, который не остался незамеченным Аврелием. Тот, в свою очередь, многозначительно об-

хватил рукоять меча, висевшего у него на боку, и наполовину обнажив лезвие, бросил ответный, не предвещавший ничего хорошего, взгляд на купца, что заставило его отвести глаза от Цилии. Чуть позднее, выбрав момент, когда поблизости никого не было, Аврелий подошел к купцу, и, ухватив его за шиворот, прошептал:

– Смотри, Линар, если еще хоть раз посмеешь так взглянуть на Цилию, я отправлю тебя на корм крокодилам, которых, как я слышал, полным полно в Ниле. Ты хорошо понял меня?

В ответ, купец лишь испуганно утвердительно затряс головой. Удовлетворившись эффектом от предупреждения, Аврелий отпустил купца, и пренебрежительно оттолкнул его.

Линар тут же постарался ретироваться и скрыться с глаз разгневанного римлянина, но в душе затаил злобу на молодого человека. Он зашагал на корму, где столкнулся со своим приказчиком, от глаз которого не скрылось раздражение хозяина.

Иди за мной, Шари! – приказал он ему, направляясь в свою каюту.

Оставшись наедине, купец обернулся к приказчику и прошипел:

– Ты видел девчонку? За такую можно получить на невольничьем рынке в десять раз больше, чем мне пообещал римлянин за это плавание. Когда будет удобный момент, я

скажу тебе, и ты украдешь ее для меня. Понял?

– Да, хозяин! – Хихикнув, ответил приказчик. – Сделаю все, как ты прикажешь, можешь не сомневаться.

– Вот и отлично, а пока иди, и прислуживай им, как ни в чем не бывало! Ну, марш с глаз моих.

Шари, не разгибаясь, выскочил из каюты, а Линар, надев на лицо подобострастную маску, направился к Квинту, чтобы справиться, насколько удобно устроились гости.

Квинт холодно встретил Линара, и, оборвав его на полуслове, спросил:

– Когда мы отплываем?

– Как только закончится погрузка моих товаров, уважаемый, тут же и отчалим. – Все так же заискивающе, ответил купец.

– Хорошо, но поторопись и помни, что я обещал тебе.

– Я помню, высокородный Квинт, – не переставая кланяться, удаляясь, ответил Линар.

– Неприятный тип. – Сквозь зубы произнес Квинт, входящему в каюту Аврелию.

– Да, патрон, весьма мерзкий. Вы видели, как он смотрел на Цилию? Будто раздевал ее глазами.

– Прикажи Селиму и днем и ночью охранять девушек, ни на мгновение не выпуская их из виду. Если хоть кто-нибудь попытается посягнуть на них, пусть он и его соотечественники не стесняются в средствах. Еще передай темнокожим, что как только мы прибудем в Но-Амон, я Квинт Сципили-

он, обещаю отпустить их домой к их семьям, и, кроме этого, щедро награжу всех пятерых, если они будут верно служить нам в этом путешествии.

Аврелий понимающе кивнул головой, и вышел из каюты, чтобы выполнить это поручение патрона.

Спустя пару часов, закончив погрузку, корабль отчалил от берега. Гребцы дружно налегли на весла, заставляя тяжелое судно начать движение вверх по течению Нила. Дул легкий попутный ветер, что позволило поднять паруса и увеличить скорость корабля.

Плавание проходило спокойно. Корабль неспешно скользил вверх по течению, позволяя пассажирам рассматривать живописные берега, на которых то там, то здесь располагались большие и совсем маленькие поселения. Время от времени Линар приказывал приставать к берегу у какой-либо деревни, для ведения торговли и пополнения припасов. Больше ни разу он не посмел поднять глаза на Цилию, а при встрече с Аврелием, покорно склонялся, отводя взгляд в сторону. Мало по малу это успокоило Аврелия. Ночевали, как правило, причалив к берегу у какого-нибудь селения, изредка проводили ночь на берегу, если находился более или менее приличный постоялый двор. В некоторых крупных селениях располагались римские гарнизоны, расквартированные в недавно отстроенных крепостях. Узнав, что на борту соотечественники, командиры гарнизонов спешили засвидетельствовать свое почтение и узнать свежие новости из мет-

рополии. Так проходил день за днем. В начале второй недели пути, корабль приблизился к городу Абидос – последнему крупному городу на пути к Фивам. В Абидосе, как и других больших поселениях, стоял римский гарнизон. Линар подошел к Квинту, сидевшему на корме под балдахинном и потягивающему из кубка золотистое вино, закусывая экзотическими фруктами, которые на серебряных блюдах подавали ему смуглокожие рабыни Линара.

– Мы скоро прибудем в Абидос, уважаемые Квинт, – сообщил купец, – это большой город, где я намерен задержаться на пару дней. Уж очень много товара я привез для его жителей. За день мне никак не управиться. Но ты можешь не беспокоиться! Отсюда до Фив рукой подать.

– Хорошо, хорошо! Поступай, как считаешь нужным! До сих пор ты точно выполняешь взятое на себя обязательство. Да и нам тоже пора немного размяться на берегу. – Ответил Квинт.

Не успел корабль причалить к пристани, как около него появился римский Легат в сопровождении десятка легионеров. Узнав, что на борту находится римский сенатор, особо приближенный к "божественному" Августу, легат поспешил пригласить Квинта посетить крепость, где пообещал устроить в его честь пышный прием. Квинт с достоинством, присущим римскому сенатору, принял приглашение и пообещал прибыть вечером вместе со своими спутниками. За разговором между Квинтом и легатом пристально следил Линар,

при этом совершенно не показывая вида, что это ему хоть на малую долю интересно. Проводив взглядом Квинта, отправившегося в свою каюту, он жестом подозвал приказчика.

– Сегодня ночью.

Приказчик утвердительно кивнул головой.

Узнав, что в Абидосе предстоит провести два дня, Цилия и Тания изъявили желание посетить город, и провести там ночь, на что Квинт дал свое согласие. Он поручил Луцию подыскать для девушек приличную гостиницу, а Селиму и Нулу неотступно следовать за ними и охранять. Тем временем Линар развернул на берегу бойкую торговлю. Рабы не успевали подносить товары в шатер, в котором он торговал. Чего только здесь не было: сирийские чеканные блюда и кувшины, персидские ковры, сладкие греческие вина, оливковое масло, ткани из тончайшего шелка, привезенные из далекой Индии, различные бронзовые и железные инструменты, домашняя утварь, женские украшения, и многое – многое другое.

Оставив купца с его заботами на берегу, и поручив трим нубийцам охранять на борту корабля принадлежащее пассажирам имущество, сами они отправились в город, где нашли весьма неплохую гостиницу. Ближе к вечеру Квинт, Аврелий и Луций, отправились в крепость к легату, а девушки, утомленные долгой прогулкой по городу, остались в гостинице под охраной Селима и Нулу. После ужина Цилия и Тания удалились в свою комнату, а оба нубийца расположи-

лись у двери, ведущей в спальню девушек в общем зале гостиницы. Темнело. Селим предложил Нулу дежурить по очереди. Нулу расстелил на полу под дверью подстилку и улегся спать, а Селим зажег факел, укрепил его на стене, и уселся рядом с напарником, скрестив ноги с обнаженным мечем в руках. Улицы города опустели, и вскоре мрак окутал спящий Абидос. Где-то вдалеке прозвучал звук колокола или гонга, возвещающего о полуночи. Селим запомнил его, чтобы после третьего колокола разбудить Нулу, который должен был сменить его. Томительно долго тянулись минуты, но вот прозвучал второй колокол, а это значило, что с минуты на минуту должны вернуться из крепости хозяева. Селим зевнул и переменял позу. Вдруг он услышал из спальни девушек какой-то звук, похожий толи на вопль, толи на вскрик. Мгновенно нубиец вскочил на ноги. Он постучал в дверь и спросил, что там случилось. Ответа не последовало. Селим постучал еще раз, но уже гораздо громче. В ответ опять тишина. Тогда он попытался открыть дверь, продолжая окликать девушек. Дверь оказалась заперта изнутри, и оттуда опять никто не отозвался. Селим растолкал спящего Нулу, и, коротко рассказал ему о случившемся. Оба нубийца навалились на дверь, которая после второго удара распахнулась. Комната была пуста, и только занавеска колыхалась у распахнутого настежь окна. Оба нубийца ринулись на улицу, где чуть не столкнулись с возвращающимися из крепости хозяевами. На ходу рассказав им о случившемся, они стали

внимательно при свете факелов рассматривать следы под окном.

– Я знаю, чьих рук это дело!– разъяренно воскликнул Аврелий. – Это ублюдок Линар. Я выпотрошу это отродье Эреба.

– Успокойся, Аврелий!– Попытался утихомирить воинственный пыл юноши Квинт. – Сначала нам нужно найти наших спутниц и освободить их, а расправиться с купцом, если, как ты говоришь, это его рук дело, мы всегда успеем. Ну что, Селим?

– Их было трое или четверо. Столько же лошадей. Они направились на запад, в пустыню.

– Нулу! Беги на корабль приведи лошадей, и захвати наше оружие. – Приказал Квинт. Мы отправляемся в погоню. И еще, скажи своим друзьям, чтобы они присмотрели за купцом. За каждым его шагом. Если он вздумает бежать, пусть схватят его. Он мне нужен живым, но не обязательно невредимым.

Нулу, со всех ног помчался на корабль. Спустя полчаса, не более, он вернулся с оседланными лошадьми. Все пятеро вскочили в седла и помчались вслед за Селимом, который уверенно вел маленький отряд.

– Куда ты ведешь нас? – Спросил Квинт.

– В оазис! Больше им некуда скрыться из города. Вокруг пустыня, а там, на западе есть оазис на берегу большого озера. Там обитает племя кочевников, занимающихся набегам

на селения. Они крадут людей, чтобы потом продать их в рабство. Верь мне, хозяин! Я точно знаю, что делаю!

– Откуда тебе это известно?

– Я сам был продан в рабство, и несколько лет жил в этих местах, пока меня не увезли на север, где меня и Нулу купил твой юный друг, Аврелий.

– Хорошо, веди нас, Селим!

Глава 21

Сознание постепенно возвращалось. Цилия с трудом открыла глаза. Все тело ее ныло. Рассмотреть что либо вокруг мешала прядь волос, прилипшая к покрытому капельками пота лбу. Девушка попыталась поднять руку, чтобы смахнуть волосы, но ей это не удалось. Руки оказались связанными за спиной, а сама она сидела привязанной спиной к одному из деревянных столбов, подпиравших полотнище шатра. Тогда она решила сдуть мешающие волосы. После нескольких попыток ей это удалось. Девушка огляделась по сторонам. В полумраке шатра, в нескольких метрах от себя, у другого столба, она увидела Танию, привязанную к нему в таком же положении, как и она сама. Девочка отчаянно дергалась, пытаясь освободиться.

– Тания, где мы? Как мы здесь оказались? – прошептала Цилия.

– Понятия не имею! – Так же шепотом ответила девочка. – Цилия, сиди тихо! Я попытаюсь освободиться и развязать тебя.

Девушка сама попыталась пошевелить связанными руками, но веревка крепко удерживала их.

– Боюсь, ничего у тебя не выйдет, – сокрушенно ответила Цилия.

– Еще как выйдет. Мне осталось совсем немного, и я смогу освободиться от веревки.

Снаружи послышались приближающиеся голоса.

– Тания, тихо. Кто-то идет. Давай не показывать, что мы пришли в себя, и подслушаем разговор.

– Хорошо.

Девушки притворились находящимися без сознания. Полы шатра распахнулись и в него вошли двое мужчин. Цилия сквозь ресницы пыталась рассмотреть их. Один из вошедших был высокий человек могучего телосложения с густой черной бородой, наполовину скрывавшей его лицо, одетый в черный балахон, какие носят жители пустыни, и с повязанным куском черной материей вокруг головы. Другого Цилия узнала сразу. Это был приказчик Линара, Шари. Мужчины громко о чем-то спорили, но войдя в шатер, умолкли. Бородатый подошел к Цилие, и, подняв голову девушки за подбородок указательным пальцем, удовлетворительно шелкнул языком.

– Хороша! Этот цветок достоин украшать мой шатер! – сказал он, и с силой рванул платье, обнажая груди девушки.

Жадно сжав одну из грудей, бородатый заметил, висевший на шнурке между ними медальон. Он дернул за шнурок,

оборвав его, и стал разглядывать медальон.

– Римлянка, а носит простую железяку!– Презрительно воскликнул он, и бросил медальон на землю. – Она моя!

– Но, уважаемый Хуфу, возразил Шари, мы договаривались, что ты выкрадешь ее для моего господина. Мы и о цене договорились, и задаток ты получил.

– Плевал я на этот договор. Эта девка стоит во много раз больше, чем пообещал мне за нее Линар. Она останется здесь! А ты можешь забрать ту, другую!

– Мне не нужна девчонка! Мне нужна только эта! И вообще, зачем ты притащил еще и девчонку?

– Она стала визжать. Пришлось брать обеих. Так что, берешь?

– Нет! Ты должен отдать мне эту, и я доставлю ее хозяину.

– Я уже сказал, она останется здесь, а если девчонка тебе не нужна, можешь прикончить ее. За нее мне достаточно и того задатка, который я уже получил.

По всему телу Цилии пробежала дрожь, но она собрала все свое самообладание, чтобы не выдать себя, и продолжала претворяться бесчувственной.

– Шари стоял в растерянности, не зная, как ему поступить дальше.

– Уважаемый Хуфу, – обратился он к бородатому, – давай не спешить с решениями. Ты ведь много лет связан с моим хозяином, и он ни разу не обманул тебя. Хозяин всегда хорошо платил тебе за рабов, которых ты поставлял ему, и за

другие услуги, которые ты ему оказывал. Давай договоримся. Назови сумму, которая бы тебя устроила. Пойми, я не могу вернуться к хозяину с пустыми руками. Он просто убьет меня, а без меня тебе сложно будет поддерживать с ним торговлю.

– Договориться, говоришь? Ну, что ж, давай попробуем, если, конечно, у Линара хватит денег. Пойдем в мой шатер и поговорим за столом, а то у меня что-то во рту пересохло. Вернемся, когда девки очнутся.

– Ты все слышала, Тания? – прошептала Цилия, когда мужчины покинули шатер. – Они могут тебя убить.

– Это мы еще посмотрим! – Злобно ответила девочка. – Мне бы только руки освободить, и я сама выпущу кишки этому Шари.

– О чем ты говоришь? Даже если тебе удастся освободиться, что ты сможешь сделать одна, без оружия. Здесь, наверняка, есть и другие, и они убьют тебя.

– Послушай, Цилия, они не могли увезти нас далеко от города. Похоже, мы где-то в пустыне. Снаружи не слышно ни детских, ни женских голосов, а это значит, что мы не в стойбище кочевников, а на временном привале.

– Ну, и что это меняет?

– А то, что их не может быть много. Не стали бы они привлекать внимание римлян своим многочисленным появлением в Абидосе. Я уже почти освободила правую руку, а эти олухи даже не удосужились обыскать меня. Со мной мой

кинжал.

Девочка продолжала отчаянно дергать руками.

– Есть!– Вытаскивая правую руку, радостно вскрикнула Тания.

Она вся изогнулась, запустив руку под одежду, и через мгновение в ней сверкнуло лезвие клинка. Еще через несколько мгновений, Тания освободила левую руку и разрезала веревку, связывающую ноги. Размяв затекшие руки и ноги, она подбежала к Цилии, и одним движением перерезала путы на ее руках. Когда же девочка наклонилась, чтобы освободить ноги подруги, снаружи вновь послышались приближающиеся к шатру шаги.

– Тания, медальон!– прошептала Цилия.

Девочка подняла медальон, подала его Цилии, и, прощмыгнув к столбу, уселась спиной к нему, продолжая сжимать в руке кинжал, а Цилия судорожным движением нажала на челюсти волчицы, сомкнув их, и, обвив руки вокруг столба, стала ждать.

В шатер снова вошли бородатый, Шари и еще двое мужчин, вооруженных луками.

– А, очнулись, голубки! – Удовлетворенно воскликнул Хуфу. Он прошел мимо Тании, не обращая на нее никакого внимания, и подойдя к Цилии, присел на корточки, похотливо разглядывая ее лицо и груди и дыша винными парами прямо в лицо девушки.

– А знаешь, Шари, я снова передумал! Не нужны мне

деньги. Что значит золото по сравнению с таким цветочком. Она станет моею, прямо сейчас! – Сквозь зубы прохрипел Хуфу, протягивая руки, чтобы задрать подол платья Цилии.

Неожиданно девушка плюнула ему прямо в лицо, и, схватив руками за бороду, резко рванула голову разбойника в сторону, отчего у него хрустнула шея, и, захрипев еще сильнее, он повалился на бок. Одновременно, Тания, с ловкостью дикой кошки, прыгнула на спину Шари, и обхватив одной рукой его за шею, другой, твердо сжимающей кинжал, перерезала ему горло.

Хуфу, вялявшийся в пыли на полу, крикнул воинам, стоящим у входа в шатер:

– Что стоите! Стреляйте в девчонку! Убейте ее! А ты, дрянь, – обращаясь к Цилии, – еще пожалеешь!

Один из воинов выпустил стрелу в Танию, продолжающую висеть на спине истекающего кровью Шари, но, к его изумлению, стрела, отскочила от спины девочки, не причинив ей никакого вреда.

У Тании от сильного удара в спину перехватило дыхание. Она невольно ослабила хватку и сползла на землю. Вслед за ней рядом упал умирающий Шари. Воины, отбросив в сторону луки, достали длинные ножи и кинулись на Танию. К этому мгновению, она смогла справиться с временным оцепенением, и, откатившись в сторону, вскочила на ноги, выставив вперед окровавленный кинжал, готовая драться насмерть. Цилия же, не давая Хуфу подняться, с силой била его

ногами по лицу и в пах. Судя по тому, что на шум и крики больше никто не прибежал, Тания была права. Больше здесь не было никого. Оба воина сделали выпады в сторону девочки. Она ловко уклонилась от ударов, но следующий выпад одного из нападавших достиг цели. Клинок ножа полосонул девочку поперек груди, но и на этот раз не причинил ей никакого вреда, кроме разрезанного платья, под которым белел чудо-свитер. От сильного удара, Тания упала, и, когда один из воинов занес над ней лезвие ножа, она увидела, как в шатер ворвались двое темнокожих с обнаженными мечами. В следующий момент, оба нападавших на девочку разбойника, обмякнув, сраженные свалились на землю. Покончив с ними, темнокожие переключили свое внимание на, пытающегося подняться на ноги, Хуфу. Одним ударом кулака Селим повалил его на землю, и, заломив руки за спину, уселся на него верхом. Подоспевший Нулу, подобрал валявшуюся на полу веревку, которой совсем недавно была привязана к столбу Тания, и крепким узлом связал руки бандиту. Все произошедшее заняло несколько коротких мгновений. Когда все было кончено, в шатер вошли Квинт, Аврелий и Луций. Увидев Цилию, прикрывающую руками разорванное платье, Аврелий бросился к ней и заключил ее в объятия. Девушка, оказавшись в руках любимого, вдруг растеряла все самообладание и лишилась чувств.

– Кажется мы вовремя!– Воскликнул Квинт, оглядывая окровавленные трупы.

Тания, поднимаясь на ноги с усмешкой ответила:

– Ни к чему было спешить, господин, я и сама бы справилась! – При этом девочка тщательно вытерла кинжал об одежду Шари и опустила его в ножны, спрятанные под одеждой.

– Нисколько не сомневаюсь, Тания, улыбаясь ответил Квинт, ведь в тебе проснулся Ее дух, но, согласишься, наша помощь оказалась далеко не лишней.

– В общем, да! – Согласилась девочка. – Вот этот верзила чуть не прикончил меня, и не знаю, если бы не Селим, смогли бы мы сейчас с Вами разговаривать. А о чем это духе Вы сейчас сказали?

– А ты сама не догадываешься?

– Артемис! Ты говоришь об Артемис?

– Да дорогая! я говорю об Артемис! Ты и есть она!

– Что значит "ты и есть она"?

– Потерпи еще немного, и ты все поймешь. Ну, хвала богам, все закончилось благополучно, и нам пора возвращаться на корабль.

– А что делать с этим, хозяин? – спросил Селим, указывая на связанного Хуфу.

– Этого доставим легату. Пусть Римское право решит его участь. Только сначала пораспроси-ка его, куда и кому он собирался отвезти Цилию и Танию. Хотя это и так понятно.

– Ему нужна была только я! – Воскликнула, пришедшая в себя Цилия, а Танию они с Шари хотели убить. Меня же

Шари должен был отвезти к Линару, но, к счастью, они не смогли договориться сначала о цене, а потом вот этот и вовсе решил оставить меня себе. Благодаря их раздору, мы смогли выиграть немного времени, а Тания смогла освободиться и освободить меня. Остальное Вы видели сами.

– Ладно! Селим, Нулу, привяжите его к лошади и в путь. Нам нужно еще навестить любезного Линара, и сполна отплатить ему за его "доброту". А ты, Луций, обыщи трупы и осмотри другой шатер. Забери все ценности. Судя по всему, Шари вез значительную сумму денег, чтобы заплатить за похищение Цилии. Пусть эти деньги будут нашим маленьким подарком легату Марку.

Спустя несколько минут, маленький отряд двинулся в путь, оставляя убитых на растерзание шакалам.

– Послушай, Аврелий, – обратилась Цилия к ехавшему рядом юноше, – скажи, как Вам удалось так быстро найти нас с Танией?

– Спасибо Селиму, – ответил юноша, – он точно определил направление, куда Вас увезли разбойники, а потом он и Нулу обнаружили следы в пустыне, по которым мы и двигались. Мы отставали от Вас всего на пару часов, а когда профессор поймал сигнал, поданный кем-то из Вас, то уже безошибочно вышли на лагерь воров. И кажется, как раз вовремя.

– Что да, то да! Я так испугалась за Танию. Ведь она, маленькая девочка, была одна против четверых вооруженных

мужчин.

– Почему же одна? А себя ты не считаешь?

– Чем я могла ей помочь без оружия?

– Хотя бы тем, что отвлекла этого Хуфу, и дала возможность Тание расправиться с Шари.

– Должна сказать, что Тания – молодец. Никогда бы не подумала, что девочка способна на такое.

– Знала бы ты, что это за девчонка, так бы не говорила.

– О чем ты, Аврелий? Чего такого я еще не знаю о Тание?

– Если хочешь узнать, то дай мне слово, что никому ничего не расскажешь, хотя бы до поры до времени.

– Ты что не доверишь мне? – Обиженно воскликнула девушка.

– Ну что ты! Просто это не моя тайна, и я поклялся пока не разглашать ее. Только сегодняшний случай все меняет. Цилия, ты ведь видела все своими глазами. Видела, как девочка владеет оружием, так, как опытный, закаленный в боях воин. Не правда ли?

– Да, признаться, я была просто поражена ее хладнокровием и выдержкой.

– А как ты думаешь, Зоя или Мерцил стали бы обучать свою дочь столь изощренным приемам боя?

– Наверяд ли! Ведь девочки не рождаются для того, чтобы становиться воинами.

– Тогда, подумай сама, откуда вдруг у нее могли появиться такие, совсем не женские, навыки?

– Я слышала что-то об амазонках, но это ведь всего лишь легенды.

– Амазонки здесь не причем, дорогая! Давай, подумай, без мистики и сказок.

– Что, неужели трансплантация? Но ведь это невозможно! Она же Землянка!

– Как видишь, возможно! Да и не совсем эта девочка Землянка. В ней Геянской крови больше, чем земной.

– И кто же донор?

– Не удивляйся. Ее донор – богиня Артемис, храм которой Вы с Танией недавно навещали, или, просто Темис, известнейший в прошлом на Гее ученый историк, кстати, родоначальница Египетской цивилизации и самой первой династии фараонов. Вот, кто такая наша Тания!

– Невероятно! Тания – Артемис. Если бы кто другой мне сказал такое, я бы решила, что у этого человека психические отклонения.

– Теперь ты все знаешь, но помни, что пообещала мне.

– Можешь не беспокоиться об этом! Скажи только, а она сама-то знает, кто она на самом деле?

– Профессор ей намекал, но она пока этого не понимает. Личность Темис только – только начинает в ней проявляться, и, знаешь, тебе, как специалисту, все карты в руки.

– Такого в моей практике еще не было. Лично наблюдать за пробуждением матрицы.

– И не просто наблюдать, но и направлять в нужное русло.

Солнце начало клонить к закату, когда усталые путники, наконец, достигли стен Абидоса. Первым делом Квинт направился в крепость к легату, где передал ему пленника и деньги, изъятые у похитителей, а спустя десять-пятнадцать минут, отряд, но уже в сопровождении манипула легионеров во главе с самим легатом, направился в сторону пристани, где они намеревались сначала покончить с лживым и коварным купцом, а потом поесть и лечь спать.

Глава 22

Суд над преступниками был скоротечен. Связанных, полюбощаженных Линара и Хуфу легионеры вывели на главную площадь Абидоса. Вокруг собрались многочисленные жители города. Под звуки боевых римских труб, вперед выступил легат, призвавший жестом правой руки народ к тишине. Когда смолкли голоса толпы, он развернул свиток, и громким голосом огласил приговор.

– Именем Божественного Августа и Римской республики, чью власть я представляю в Абидосе, приговариваю купца по имени Линар и бедуина по имени Хуфу, за посягательство на жизнь и свободу граждан Римской республики, к публичной казни. Оба они получают по пятьдесят плетей, а затем будут распяты у западных ворот города, в назидание тем, кто осмелится поднять руку на Римского гражданина. Все же имущество вышеупомянутого купца, включая товары, ценности, рабов и корабль, будет конфисковано в пользу государственной казны.

Легат свернул свиток и отошел назад, уступая место ликторам, которым было поручено привести приговор в исполнение. Перепуганный Линар, с разбитым в кровь лицом, упал на колени, и, валяясь в пыли, стал просить о пощаде, взывая к милосердию великого императора, и суля богатый выкуп за свою жизнь. Но легат не внял его мольбам, и приказал ликторам приступить к казни. Стоявший рядом с легатом Квинт, обратился к нему с просьбой, увести с судилища своих спутниц.

– Прошу тебя, Марк, избавить женщин от этого зрелища. Пусть они и являлись жертвами нападения этих мерзавцев, но я полагаю, что с них довольно и тех переживаний, которые выпали на их долю.

– Ты, благородный Квинт Сципилион, волен поступать, как считаешь нужным. Можешь увести своих спутниц. – Ответил легат.

Квинт дал знак Аврелию, чтобы тот увел Цилию и Танию.

– И еще, Марк, – вновь обратился Квинт к легату, – я, вместе с моими спутниками не просто праздно путешествую по Египту. На меня нашим "Божественным" возложена очень важная миссия. Поэтому, прошу тебя, оставить мне корабль со всей командой до ее завершения. Что же касается всего содержимого этого корабля, то оно останется у тебя, под твоей охраной, и в полном твоём распоряжении.

– Конечно, сенатор. Я и не предполагал иного. Корабль с командой и рабами полностью в твоём распоряжении. Мо-

жешь делать с ними, все, что тебе угодно. Думаю, подобный раздел имущества преступника вполне справедлив. Ты можешь продолжить свой путь, хоть сейчас.

– Что ж, я очень рад, что мы поняли друг друга! – многозначительно ответил Квинт. – И, с твоего позволения, сразу после окончания казни, мы отбудем из твоего гостеприимного города. Очень надеюсь вновь посетить тебя на обратном пути, а по возвращению в Рим, непременно расскажу Августу о твоей ревностной службе на благо Великого Рима.

Между тем, посреди площади ликторы приступили к казни. С несчастных приговоренных были сорваны остатки одежды. Оба они были повалены на заранее приготовленные деревянные помосты. В воздухе раздался свист плетей, перемежающийся с воплями осужденных. Ликторы методично, раз за разом, взмахивали тяжелыми плетьюми и с силой опускали их на спины преступников. По окончании порки, четверо легионеров волоком потащили окровавленные, чуть живые тела к западным воротам, где осужденных ждали приготовленные деревянные кресты. Бедняг привязали к крестам, которые были подняты с обеих сторон от ворот, и оставили умирать под палящими лучами африканского солнца.

Квинт не стал дожидаться окончания казни, и в сопровождении Луция поспешил вернуться на корабль, где их уже ждали остальные спутники. Он собрал всю команду корабля, включая троих надсмотрщиков и рабов.

– С этой минуты я, Ваш новый хозяин. Обещаю, что по

окончанию этого плавания, позволю всем Вам беспрепятственно покинуть корабль и вернуться в свои родные места. Женщины и надсмотрщики могут покинуть судно прямо сейчас. Остальных же я попрошу пока продолжить выполнять свои обязанности. Для всех Вас будет втрое увеличен ежедневный паек. Каждый получит новую чистую одежду. Всем все понятно? Если да, то все по местам. Мы отчаливаем немедленно! Эй, Вы! – обратился Квинт к трем угрюмым надсмотрщикам. – Прежде, чем Вы покинете судно, снимите с гребцов оковы, чтобы они не мешали их движениям. Как закончите, можете проваливать на все четыре стороны.

Надсмотрщики, бормоча проклятия в адрес патриция, принялись выполнять его распоряжение, громко стуча тяжелыми молотками по железным оковам, которые были на руках и ногах гребцов. Пока продолжалась эта работа, остальные члены команды стали готовить корабль к отплытию. Квинт, оставшись удовлетворенным результатами своих распоряжений, направился в свою каюту, чтобы отдохнуть, укрывшись в прохладном помещении от нестерпимого зноя. Прямо у дверей, ведущих в каюту, его дожидались смуглокожие рабыни Линара. Девушки обратились к Квинту с просьбой не прогонять их, потому что, по их словам, им некуда было идти и не на что жить. Поразмыслив, Квинт позволил им остаться в распоряжение Цилии и Тании. А тем временем корабль вырулил на середину Нила, и, подняв паруса, продолжил путь вверх по реке.

Вечером, когда пылающий бог Солнца Ра спешил спрятать свою огненную колесницу за горизонтом на западе, за ужином, на который собрались путешественники прямо на палубе под балдахином, Квинт, неожиданно для спутников, обратился к ним со словами:

– Друзья мои, близится к окончанию наш долгий путь по Египту. Очень скоро мы прибудем в Но-Амон – город, откуда началась вся история Египетского государства, и, я полагаю, пришло время мне выполнить данное Вам обещание, рассказать все, что я Вам обещал, и о себе, и об истинной цели нашего путешествия, и о том, что нас ждет в Но-Амоне, и о тебе, Тания, – ласково обняв девочку, с некоторой грустью в голосе, сказал Квинт. – Если Вы готовы выслушать меня, то позвольте мне приступить.

От неожиданности все, сидевшие за столом, внезапно смолкли в ожидании столь долго ожидаемого повествования.

– Как Вам известно, более пяти тысяч лет назад, впервые Геяне вступили на Землю или, как мы ее тогда называли, Пангею. Земля была первой из планет "Пояса жизни", которую нам удалось найти на просторах нашей галактики. Здесь нами было обнаружено местное население – раса людей, подобных нам. Как выяснилось уже гораздо позже, и мы, и Земляне, являемся двумя ветвями третьей, гораздо более древней галактической расы, которая, как бы это сказать, создала и нас и их, только с той разницей, что наша цивилизация,

начала развиваться на несколько тысячелетий раньше, чем земная. Прибыв на Пангею, мы обнаружили людей, находившихся на самой ранней стадии развития общества. Так уж случилось, что мне посчастливилось быть в числе первопроходцев. В первой галактической экспедиции на меня была возложена миссия обеспечения ее энергетикой для поддержания жизнедеятельности, поскольку в те времена я являлся сотрудником института Высоких Энергий в Боррее. Тогда я носил имя Грифт Аркус. Всю свою жизнь до Пангеи я посвятил науке, и был, как меня считали мои коллеги и друзья, убежденным холостяком. Так уж случилось, что здесь, на Земле, в первобытном племени, я встретил женщину, которая стала моей первой и единственной любовью.

Я отказался от предлагаемой мне на Гее высокой должности и решил навсегда остаться на Земле со своей избранницей. Спустя некоторое время у нас родился сын, которому Зара (так звали мою жену) дала имя Адам. Чуть позже, у правительницы племени, с которым мы установили контакт (которую, кстати, звали Гера), родилась дочь Ева. При этом рождение этой девочки было окутано тайной для соплеменников Геры. Дело в том, что старшая дочь Геры – Лея, вышла замуж за сына командора нашей экспедиции, и собиралась вместе с мужем покинуть Землю. Гера дала согласие на этот брак при условии, что боги (а они нас принимали именно за богов, спустившихся с неба) подарят ей другую дочь, которая по обычаю племени должна стать правитель-

ницей после смерти Геры. Жена нашего командора пообещала Гере выполнить ее условие и провела операцию по искусственному оплодотворению, в которой использовала своего мужа в качестве донора. Так получилось, что на Земле у двух женщин родились дети-полукровки. Еще позднее, уже на Гее у Леи и Гора так же рождается сын, но родившись на Гее, в отличие от тех детей, он, так же являясь полукровкой, получает все права гражданина содружества Геи. Этот мальчик, которого назвали Ра, вместе с родителями, в составе второй экспедиции прилетает на Землю, где знакомится с Адамом и Евой, с которыми очень подружился. Но, после достижения пятилетнего возраста, ему приходится вернуться на Гею, поскольку, как Вам известно, в пять лет дети начинают первую ступень обучения. Поскольку Адам и Ева не являлись гражданами Содружества, то они не могли обучаться в наших учебных заведениях, а, согласно закона, принятого Высшим Советом, мы не имели права вмешиваться в естественный ход развития общества Землян, и не в праве были их обучать и передавать наши технологии. Шло время. У нас с Зарой родилась дочь Лили. Я, как и многие другие члены экспедиции периодически вылетал на Гею. Во время одной из таких, довольно длительных отлучек, случилось непоправимое. На город, где жила моя жена с нашими детьми, (кстати, это был самый первый город на Земле) напали кочевники, пришедшие с востока. Слава о городе Врата Богов, и о его богатстве разлетелась далеко по Земле. Полудикские кочевни-

ки разграбили и сожгли город, а его жителей, по большей части уничтожили. Лишь немногим удалось спастись. Геру, Адама и Еву, наш командор, сам рискуя жизнью, сумел вывезти из горящего города, а Зару и Лили, находившихся на другом конце города, не успел. До сих пор мне не известно, как погибли мои близкие. Адам и Ева поселились на нашей базе в Эдеме. Дети росли и все больше привязывались друг к другу. Невооруженным взглядом было понятно, во что вскоре может перерасти эта дружба. Лишившись жены и дочери, все свои помыслы я обратил на сына. Я не мог смириться с тем, что мой сын не сможет получить достойного образования, и стать продолжателем моего дела, и, поэтому, тайком, я начал обучать его, а, поскольку они с Евой были неразлучны, то и ее. Не взирая на все запреты, я научил их, и позволил пользоваться базой данных центрального компьютера Эдема, в памяти которого были сосредоточены основные знания и открытия Геян за последние тысячу лет. Так продолжалось несколько лет. Дети делали поразительные успехи в учебе, но все тайное рано или поздно становится явным. Зейвсу (так звали командора) стало известно о наших тайных занятиях. Разразился жуткий скандал, и, несмотря на протесты Геры и Изиды (жены командора), он принял решение изгнать детей из Эдема и поселить их в отдаленной местности. Я же должен был предстать перед Высшим судом, но Зейвс, с которым нас связывала давняя дружба, решил не отправлять меня на Гею, а оставить на Земле в ка-

честве вечного изгнанника. Мне категорически запрещалось видеться с сыном. Правда, уже гораздо позднее, командор смягчился, и позволил мне издалека следить за жизнью Адама и Евы (все-таки она де-факто была его дочерью) и незримо оберегать их от различных невзгод. С тех самых пор я и стал своего рода изгоем, а спустя время, Иудеи, несколько перефразировав эту историю, услышанную от наших детей, стали звать меня Змеем-искусителем. Вот такая невеселая история. Уже еще гораздо позднее, когда на Земле появились первые представители Корпуса жизни, меня, сменив гнев на милость, в качестве некоего противовеса, назначили руководителем одной из крупнейших баз, правда, без права покидать пределы Земной атмосферы. Это, что касается меня. Теперь о нашем путешествии и его истинных причинах. Аврелий, помнишь, при каких обстоятельствах со мною случился сердечный приступ? Это случилось тогда, когда Тобий произнес имя Анны-матери Марии. Дело в том, что Анна является единственной из ныне живущих моей и Зейвса прямой наследницей во многих поколениях. Как я уже говорил, мне было позволено издали наблюдать за жизнью Адама и Евы. Я много-много лет следил за ними, их детьми с их драматической историей, за внуками, правнуками и так далее. К слову сказать, Адаму и Еве суждено было прожить очень долгую, гораздо более долгую, чем остальным Землянам, жизнь, вследствие того, что они были полукровками. Прожили они почти тысячу лет, и произвели многочислен-

ное потомство. Про историю их старших сыновей Каине и Авеле, Вы, конечно, слышали, но после братоубийства, у них родилось еще очень много детей. Правда первое братоубийство породило многочисленные войны, как между разными племенами, так и внутри племен. Так и случилось, что спустя пять тысячелетий, Анна осталась одна из всех прямых наследников моего сына и его жены. Именно поэтому, пятнадцать лет назад я вынужден был обратиться к Изиде с просьбой помочь Анне и ее мужу, так как они были бездетны, а это означало, что на Анне прервется наш род, Но Изида тогда в жесткой форме мне отказала, ссылаясь на наши законы. И что же я узнаю спустя пятнадцать лет? То, что у Анны есть взрослая дочь, и, главное по срокам все совпадает. У меня возник законный вопрос. Почему? Почему, отказав мне, Изида все-таки выполнила мою просьбу?

– Но, профессор, – осторожно перебила Квинта Цилия, может быть это совпадение? Так бывает, что для тех, кому вынесен диагноз бесплодия, однажды, вдруг, без посторонней помощи, беременеют.

– Да, Цилия, так бывает! Но не в этом случае!

– Откуда Вам знать? – Не унималась девушка.

– Да оттуда, что Изида сама призналась мне!

– Когда? Как она могла признаться?

– В Гизе, около месяца назад. Тогда, когда мы остановились на ночлег в харчевне по дороге в Мемфис. В ту ночь мы с Аврелием ездили к пирамидам, в которых спрятан узел

дальней внутригалактической связи. Я говорил с Изидой, и она во всем призналась. А сейчас мы держим путь в Но-Амон, когда-то ею основанный, чтобы встретиться с ней лично и узнать все подробности. Это, что касается одной из целей нашего путешествия. Другой же целью является то, что я хочу просить Изу, чтобы она помогла нам в задуманном нами деле; а именно, провести операцию искусственного оплодотворения Марии – дочери Анны, и тем самым явить на свет нового царя Иудеи и Мессию. Это все, что я хотел Вам рассказать.

– Нет не все! – Воскликнула Тания. – Ты обещал рассказать что-то обо мне! Я ничего не поняла из того, что Вы тут говорили, но очень хочу знать, чего же такого я сама о себе не знаю.

– Да, ты права, девочка, но это тоже очень долгая история, а уже очень поздно и всем пора спать. Давайте, друзья, вернемся к этому разговору завтра. Ты, Тания, узнаешь все, даже то, о чем тебе знать еще рановато. Но это будет завтра.

Глава 23

К удивлению Цилии, Тания, которую обычно невозможно было уложить в постель, сразу же после ужина ушла в каюту. Когда девушка, через некоторое время зашла туда, то обнаружила девочку, сидящей на ложе, обхватившей руками колени. Она даже не пошевелинулась, когда Цилия вошла, и продолжала сидеть молча. Девушка не решилась потревожить спутницу каким-либо вопросом, и, так же, молча, при-

села на свое ложе. Так продолжалось несколько томительно долгих минут. Неожиданно, Тания, не поднимая головы, заговорила.

– Знаешь, Цилия, я внимательно слушала рассказ хозяйна, но ничего не поняла. Скажи, выходит все Вы: и хозяйин, и ты, и Аврелий, и Луций, вовсе не люди?

– С чего это ты взяла? – тихо ответила девушка.

– Но ведь хозяйин сказал, что все Вы спустились с неба, и, значит, все Вы – Боги.

– Ну, что ты, Тания? Никакие мы не Боги. Мы такие же люди, как и все остальные!

– Люди не могут летать по небу! – Упрямо твердила Тания.

– Ну, хорошо, тогда слушай! Как ты думаешь, что такое звезды?

– Это, наверное, такие фонарики, которые ночью развешивают в небе боги, чтобы было немного светлее, и, чтобы Луне не было скучно одной на небе.

Цилия невольно улыбнулась.

– Нет, моя дорогая, звезды – это такие же Солнца, как и наше, но только они находятся так далеко, что кажутся нам маленькими светящимися точками. А теперь представь, что рядом с некоторыми звездами есть планеты, как наша Земля, а на некоторых планетах живут люди, такие же, как и мы с тобой, и некоторые из этих людей научились летать по небу между звездами. Однажды, они обнаружили среди звезд на-

шу Землю и решили посетить ее. Здесь они встретили людей. Но эти люди еще совсем ничего не знали и не умели. Они не знали ни железа, ни бронзы, не умели выращивать полезные растения и разводить животных, не умели строить жилища из камня и дерева. Не умели даже делать ткани, чтобы шить из них одежду.

– Они что, ходили совсем голые?

– Нет, что ты! Они мастерили одежду из шкур убитых на охоте животных.

– Да, я знаю! – Воскликнула Тания. – Я видела таких людей в видениях, которые мне явились там, в храме Артемис.

– Вот видишь! Пришельцам с неба стало жалко этих людей, и они решили научить их многому из того, что знали и умели сами. Вскоре на Земле появились первые города. Люди быстро овладевали ремеслами, но пришельцы опасались, что некоторые из их знаний могут скорее навредить людям, чем помочь.

– Разве знания могут навредить?

– Представь себе, могут, и очень сильно. Подумай сама, что могло бы произойти, если в руки злых людей попало бы оружие, способное на огромных расстояниях поражать молниями все живое и разрушать все построенное людьми?

– Наверное, они захотели бы всех остальных сделать своими рабами.

– Вот именно поэтому, пришельцы дали людям только те знания, которые помогли сделать их жизнь намного лучше

и легче, и предоставили людям самим познавать мир и новые знания, а сами решили остаться лишь наблюдателями, чтобы в нужный момент прийти на помощь людям, если те окажутся в очень трудном положении.

– Но тогда ведь могли же они дать хорошим людям свое оружие, чтобы те уничтожили всех плохих!

– Нет, Тания, не могли. Разве можно быть уверенными в том, что плохие люди не смогут отобрать у хороших людей это оружие. А вот если бы такое случилось, то люди на Земле перебили бы друг друга. Нет! Каждый народ должен пройти сам свой путь в истории, и сам добиться высот в знаниях и ремеслах. Пройдет время, очень много времени, и здесь, на Земле, люди научатся приручать молнии, строить летающие корабли, лечить самые страшные болезни, перелетать от одной звезды к другой, и многому, многому другому. И это будут их собственные достижения. Поняла?

– Да. – Со вздохом ответила Тания. – Наверное, это правильно, но сколько хороших людей пострадает и умрет, пока все это настанет.

– Мы ничего не можем с этим поделать. Таковы законы жизни.

– Жаль, – еще раз вздохнула девочка, – хотелось бы прямо сейчас взлететь в небо и увидеть, какая она, наша Земля сверху!

– Поверь мне, она очень красивая, такая же красивая, как и моя родная Гея. Мы называли Землю голубой планетой,

когда впервые увидели ее.

– Я тоже видела огромный шар в голубой дымке посреди черного-черного неба. – Мечтательно ответила Тания.

– Действительно, Земля из космоса именно так и выглядит. Только где, когда ты могла это видеть?

– Тогда же, в храме. Я тогда много чего видела, но не понимала, что это. Объясни, откуда пришли ко мне эти видения.

– Как бы тебе это, попроще, объяснить? Даже не знаю! Чтобы ты сказала на то, что это видения из твоей прошлой жизни?

– Как это из прошлой жизни? Разве, когда человек умирает, то не насовсем?

– Конечно, насовсем. Но умирает только лишь его плоть, а разум, его разум остается для того, чтобы однажды возродиться в другом, только что родившемся человеке. Подумай сама, разве может исчезнуть без следа то, чему за всю свою жизнь научился человек?

– Я не знаю, наверное, нет. Но как может разум умершего сохраняться для другого человека?

– Ты видела, как под горячими солнечными лучами испаряется вода из лужи?

– Видела.

А знаешь, куда она девается? Она превращается в невидимый пар и поднимается в небо, где потом становится облаком. Вот так же и человеческий разум, покидая умершее

тело, поднимается в небо, чтобы там превратиться в невидимое глазу "облако". Мы называем его "Вселенский разум".

– Странно... "облако разума."

– Вот, однажды, это "облако" выбрало тебя, когда ты только появилась на свет, а сейчас в тебе начинает просыпаться память твоей прошлой жизни.

– Странно! Выходит я уже жила когда-то, умерла когда-то, а теперь ... И кем же я была раньше?

– Об этом тебе расскажет завтра Квинт.

Девочка надолго задумалась, и после паузы тихо-тихо сказала:

– Я знаю, я, кажется, догадалась... Хозяин говорил, что во мне просыпается Ее дух, что я и есть Она.

– О чем ты, Тания?

– Артемис! Вот кем я была! Теперь я это точно знаю!

Ну, раз ты так в этом уверена, то давай спать. Может быть, во сне к тебе снова придут удивительные видения, а если нет – не беда, за – то ты просто проснешься завтра свежая и отдохнувшая. Спокойной ночи, дорогая!

– Спокойной ночи, Цилия.

Весь следующий день, Тания, против обыкновения, не бегала по палубе, не надоедала никому со своими бесконечными вопросами. Напротив, она была сосредоточенна и задумчива, как будто ей предстояло принять какое-то невероятно трудное решение, на которое она никак не могла решиться. Наконец, она глубоко вздохнула, и, подойдя к Квинту, с си-

лой дернула его за полу одежды. Квинт удивленно обернулся, и строго взглянул на девочку. Не дав ему произнести ни слова, Тания выпалила:

– Скажи, это все, правда?

– Что, милое дитя? – растерянно ответил Квинт.

– То, что во мне просыпается Ее дух! Что я и есть Артемис!

– Кто это тебе сказал?

– Никто! Я сама догадалась! Ведь ты же сам говорил... Мне вчера Цилия все рассказала о Вас всех. Что все Вы спустились с неба, чтобы наблюдать за нами и иногда помогать нам!

– Что ж, это и к лучшему, – пробормотал Квинт. – Да, девочка, все это правда, и сейчас мы плывем в Но-Амон, чтобы хоть чуть-чуть помочь людям. Только, раз ты уже обо всем сама догадалась, то должна понять, что ты – одна из нас.

– Но я никогда не летала по небу! Я всю жизнь прожила в Риме со своей мамой!

– Правильно! Но все это в твоей нынешней жизни, а в той, другой, ты много раз летала по небу, и, когда-то очень давно, вместе со мной и многими другими, впервые вступила на эту землю, спустившись с небес.

– Я ничего этого не знаю и не помню!

– Ты вспомнишь, очень скоро, обязательно все вспомнишь, и тогда снова, как и раньше, сможешь приносить в этот Мир много добра и пользы. Верь мне! Просто верь!

– Я, я... – Девочка не нашла, что ответить, и просто убежала, с трудом сдерживая слезы, готовые хлынуть ручьями из ее глаз.

Глава 24

Корабль, сделав последнюю остановку в Дендерах, неумолимо приближался к конечной точке своего пути. Здесь Нил вновь поменял свое течение с восточного направления на юго-западное, замыкая, таким образом, огромную излучину. Квинт, стоя на корме рядом с кормчим с волнением вглядывался в береговую линию реки. Его захлестнули воспоминания, правда, с тех пор, как он впервые оказался в этих местах, здесь многое переменялось. Некогда поросшие зарослями тростника пустынные берега, теперь были совершенно неузнаваемы. По обоим берегам великой реки выросли многочисленные мелкие и крупные селения и города. Везде кипела жизнь. Еще совсем немного, и взору путников покажется древняя столица самого древнего Египетского царства, откуда, собственно говоря, и началась вся эта великая цивилизация. Кроме вида знакомых мест, вызвавших волнение Квинта, его еще сильнее усиливало то, что совсем немного времени осталось до встречи с той, которая стала вдохновителем истоков этой цивилизации. Квинт многократно прокручивал в голове в самых различных вариантах эту долгожданную встречу, которую он, одновременно так ждал, и, в то же время, боялся. Он пытался представить, как поведет себя Изида, какой устроит ему и его спутникам прием. Что

это будет, радушная встреча старых друзей и соратников, или холодный, официальный прием? Эти вопросы не давали покоя человеку, стоящему на палубе корабля, несущего его в давнее прошлое по волнам его воспоминаний и переживаний.

– К вечеру будем в Фивах, хозяин! – Сообщил кормчий, нарушая тем самым размышления Квинта.

Квинт обернулся, встряхнув головой, как бы отгоняя свои мысли.

– К вечеру, говоришь, это очень хорошо!

– Хорошо бы успеть до захода солнца, – вновь проговорил кормчий, – иначе будет очень сложно пристать к берегу.

– Вот что, – задумавшись, ответил Квинт, – мы не будем заходить в Фивы.

На лице кормчего появилось выражение крайнего недоумения.

– Но, хозяин, разве мы не в Фивы направляемся? Или я Вас неправильно понял?

– Нет, нет! Ты все правильно понял. Мы идем в Фивы, но приставать к берегу в городе не будем. Знаешь ли ты, где на левом берегу Нила находится Долина Царей?

– Знаю! Нехорошее это место. Страшное. Говорят, что там по ночам кричат души умерших и заманивают живых в мир теней.

– Сказки все это! Это суеверие людей превращает в их воображении вой шакалов в крики мертвецов. Когда подойдем

к Долине Царей, выберешь место, где можно безопасно пристать к берегу и спрятать корабль от посторонних глаз. Что же до этих рассказов, то бояться нужно живых, а не мертвецов. От них куда больше беспокойства и опасностей, и гораздо больше шансов от их рук оказаться в загробном мире.

– В этом Вы правы, хозяин, но люди верят в эти истории, и им трудно будет преодолеть свой страх.

– Ничего, как-нибудь справимся! Эй, Луций, Аврелий!– Обращаясь к, о чем-то, оживленно беседующим спутникам, стоящим у борта, крикнул Квинт, – Идите сюда!

– Да, профессор, слушаем Вас!

– Готовьтесь к высадке на берег. Нам понадобятся лошади, и не забудьте про оружие.

– Но скоро стемнеет,– попытался возразить Аврелий, – может быть нам лучше дождаться утра?

– Нет. Именно ночью. Нас будут ждать в течение часа после полуночи, и будет лучше, если никто из обитателей Но-Амона нас не увидит. Так что идите и готовьте все необходимое. Предупредите девушек и нубийцев. Когда пристанем к берегу, у нас не будет времени на сборы, и нужно будет поторопиться, чтобы успеть добраться до условленного места к полуночи.

Когда над рекой стали сгущаться сумерки, корабль пристал к левому берегу Нила, неподалеку от Долины Царей – города мертвых. Кормчий выбрал место, густо поросшее зарослями папируса, в котором удобно было замаскировать ко-

рабль. Едва матросы сбросили сходни на берег, наши путники сошли по ним, ведя на поводу оседланных лошадей, и уже спустя минуту, отряд двинулся на юг в древний город мертвых, где с незапамятных времен жители Но-Амона хоронили своих умерших. Уже в кромешной темноте они подошли к большому полуразрушенному строению, перед входом в которое возвышалось выветренное изваяние бога Анубиса – покровителя царства мертвых. Здесь Квинт остановился и спешился. Его примеру последовали все остальные. Он жестом подозвал к себе Селима.

– Вы впятером останетесь здесь и будете ждать нашего возвращения.

– Но хозяин, а вдруг Вам будет что-либо угрожать?

– Здесь нам нечего и некого бояться, кроме шакалов и львов. Так что оставайтесь и стерегите лошадей.

– Слушаюсь, господин! – слегка склонившись, ответил нубиец.

Квинт направился к древним руинам и пригласил остальных следовать за ним.

– Что это за развалины, господин? – Шепотом спросила Тания.

– Это часть храмового комплекса Анубиса. Сюда жрецы привозили мертвецов для их захоронения.

– Здесь немного жутковато! – оглядываясь по сторонам, сказала девочка.

– Ничего страшного, обычные развалины, – ответил

Квинт, правда, с некоторым секретом.

– С секретом? Каким?

– Сейчас увидите!

Квинт прошел через зал к противоположенной входу стене, где, так же, как и снаружи, стояло изваяния Анубиса, за которым обнаружилась каменная лестница, ведущая в подземелье. Путники стали спускаться вниз. Лестница оказалась довольно крутой и длинной. Достигнув самой нижней точки, они оказались перед входом в туннель со сводчатым потолком, который оканчивался в обширном зале с многочисленными колоннами и непонятного назначения каменными сооружениями.

– Что это?– почти хором вырвалось у спутников Квинта.

– Вы не поверите, но это своеобразный вокзал древнейшей городской "подземки". Правда служила она не для перевозки пассажиров, как это делалось у нас в крупных городах, а для доставки высокопоставленных мертвецов: царей, вельмож, их жен и прочих родственников, из храма Анубиса, расположенного на противоположенном берегу Нила в Долину Царей. А вот эти каменные сооружения – ничто иное, как вагоны, которые передвигали рабы по вот этим каменным рельсам, проложенным вдоль туннеля, начинающегося там, в конце зала.

– Профессор!– Воскликнул Аврелий. – Не хотите ли Вы сказать, что этот туннель проходит под руслом реки?

– Именно! И это не единственная ветка подземки в Уасе-

те. Есть и другая, соединяющая между собой все храмы города. Для нас же важна именно эта, поскольку она приведет нас прямо к алтарю в храме Анубиса, построенного на месте великолепного дворца, который украшал Уасет еще задолго до Великого потопа. От старой дворцовой постройки сейчас осталась гигантская колоннада и некоторые внутренние помещения.

– Поразительно! Как же смогли древние строители выполнить столь технически сложную задачу!

– А сам ты, Аврелий, как думаешь?

– Что, и здесь не обошлось без нашего вмешательства?

– Да, причем с самого начала. Я имею в виду дворец, который впоследствии был превращен в храм. Это детище Изиды. А на месте алтаря когда-то стоял трон первых фараонов.

– Просто невероятно! Я досконально изучал историю этой страны, когда учился в академии, но никаких упоминаний ни тогда, ни позднее, уже на Земле, об этом чуде не видел и не слышал.

– Когда на планете появились первые представители Корпуса жизни, мы с Изидой и Зейвсом постарались уничтожить все свидетельства о секретных объектах. Поэтому у нас пока еще сохраняется возможность передачи информации по тайным каналам связи и некоторые другие не менее важные возможности.

– И что, мы поедем под Нилом на одном из этих "вагонов"?

– Нет, к сожалению. Эти вагоны в качестве локомотивов использовали рабов. Нам же предстоит пройти через этот туннель пешком, что мы сейчас и сделаем. К тому же нам нужно торопиться. До полуночи осталось совсем немного времени.

Удивленные и изумленные путешественники углубились в темное чрево туннеля, освещая свой путь карманными фонарями. Туннель казался бесконечным, и, хотя путь по нему занял не более получаса, всем он показался целой вечностью. Добравшись до противоположенного конца, путники очутились в таком же огромном зале, как и тот, откуда они начали свой путь.

– Ну, вот, – удовлетворенно произнес Квинт, – осталось только подняться наверх. Раньше здесь работал подъемник, но нам придется вновь воспользоваться лестницей. Это здесь, – освещая проем в стене, сказал Квинт.

Процессия двинулась вверх по узкой лестнице из нескольких десятков пролетов, из чего можно было судить о глубине, на которой пролегал туннель. Подъем наверх оказался совсем нелегким он занял больше времени, чем спуск и проход по туннелю, вместе взятые. Наконец, тяжело дыша, путники выбрались на поверхность, и оказались в, невероятных размеров, храмовом зале с многочисленными колоннами в несколько обхватов в диаметре. Храм был погружен в мрак. Ни один звук не нарушал ночную тишину, но, едва Квинт сделал несколько шагов в сторону алтаря, последний

вдруг вспыхнул ярким светом, отбросившим мрак к дальним углам зала. Квинт сделал спутникам знак рукой, чтобы они остановились, а сам вышел на освещенную середину зала. В этот же момент, откуда-то сверху, от самого потолка, вниз спустились две крылатые фигуры. Тания смотрела на все происходящее, как замороженная, ведь прямо перед ее глазами с небес спустились крылатые Боги. Обе фигуры, сложив крылья, опустились около алтаря, и только сейчас стало понятно, что это две женщины. Одна из них сделала несколько шагов навстречу Квинту и остановилась перед ним.

– Ну, здравствуй, Аркус! – Произнесла она холодным, словно перекатывающим железные шары, голосом. – Ты, как всегда, пунктуален! Это радует!

– Приветствую тебя, Изиди! – Ответил Квинт. – А ты, как всегда ослепительно красива. Годы не властны над тобой! Скажи, как тебе удается сохранять вечную молодость?

– Что за церемонии и неуместные вопросы? Ты и сам все прекрасно знаешь!

– Да, но, насколько мне известно, уже много веков, как применение медикаментозного регенерирования запрещено Высшим советом Геи и магистратом Корпуса жизни.

– Правильно. Везде, кроме нашего с Зейвсом исследовательского центра. Туда лапы Корпуса так и не смогли дотянуться, а сейчас я и мои близкие, вообще в недосягаемости для них, так как мы находимся под защитой Темного пространства.

– Ты обещала рассказать при встрече, что же это за образование в галактике.

– Это заповедная зона, устроенная одной из древнейших рас, являющейся нашими прямыми предками.

– Эфея?

– Да! Эта планета, после того, как были почти полностью истощены ее природные ресурсы, была покинута ее обитателями и превращена в закрытую заповедную зону для ее естественного восстановления.

– Как же тебе удалось туда попасть?

– Слишком много вопросов, Квинт! Давай присядем, ты представишь мне своих спутников, и мы поговорим обо всем по – порядку.

– Конечно, ты, как всегда, права, Изида!

Вторая женщина, все это время находившаяся в тени, подошла к алтарю и, совершив какие-то манипуляции, привела в действие скрытый механизм. Откуда-то из глубины алтаря появился стол и семь резных, отблескивающих позолотой, кресел. Изида заняла одно из них во главе стола, другая женщина села по правую руку от нее. Квинт, наконец, смог разглядеть ее лицо. От неожиданности он широко раскрыл глаза.

– Так это же... Дита, ты?

– Как видишь, я собственной персоной.

– А чему ты так удивляешься, Квинт или, все-таки, Грифт? – с насмешкой произнесла Изида. – Что удивитель-

ного в том, что Афродита приняла решение сопровождать меня?

– Просто я не ожидал! – Смущенно ответил Квинт. – Но, признаюсь, очень рад встрече.

– Ладно! Давай, зови своих друзей!

– В таком случае, у меня для Вас тоже припасен небольшой сюрприз. Эй, Луций, иди сюда!

Луций отделился от группы и подошел к Квинту.

– Ну, что, Вам представить его, или все-таки не надо?

Теперь пришла очередь удивляться обоим женщинам. Обе они в один голос вскрикнули:

– Стан! Вот это действительно сюрприз!

– Луций, с Вашего позволения, мона Иза. Теперь меня зовут Луций.

– Теперь я могу быть спокойна, мама! – Радостно воскликнула Дита, вскочив с места, чтобы обнять старого друга. – Раз с нами Стан с его золотыми руками, нам нечего бояться!

Самодовольно ухмыльнувшись, Квинт попросил разрешения познакомить женщин с остальными своими спутниками.

– Это Аврелий- мой ученик и близкий друг, благодаря которому стала возможна наша встреча, а это Цилия. Она паромедик и подруга Аврелия.

Иза улыбнулась Аврелию, но достаточно холодно посмотрела на Цилию.

– Мона Изида, я счастлив быть представленным столь ле-

гендарной личности, как Вы! – смущаясь и краснея от волнения, ответил на улыбку юноша.

– А ты, девочка? Что же ты молчишь? – строго спросила Иза, обращаясь к Цилии. – Ты ведь не просто паромедик? Не так ли?

– Да Мона Изиды. – Тихо ответила девушка. – Моя специализация...

– Я прекрасно осведомлена по поводу твоей истинной специальности, и, кстати, о цели твоего пребывания на Земле, о чем ты сама, как я понимаю, пока и не догадываешься. Я так же знаю, кто стал инициатором твоего назначения сюда. Очень надеюсь, что твои профессиональные навыки нам не пригодятся. Ты говорил о девочке, – обращаясь к Квинту, и оставив без внимания озадаченную Цилию, спросила Иза. Где же она?

– Я здесь! – громко, без всякого намека на смущение, ответила Тания, выходя на освещенное место.

– Подойди ко мне, пожалуйста, милое дитя. – Ласково звала девочку Иза.

Тания твердой походкой подошла к Изе, глядя ей прямо в глаза.

– А я уже видела Вас, и ее тоже, – кивнув на Диту, сообщила девочка.

– И где же ты могла нас видеть, дорогая? – удивленно спросила Иза.

– В видениях, когда мы с Цилией были в храме Артемис

в Александрии.

Иза приподняла за подбородок голову девочки, и, взглядевшись в ее глаза, полушепотом произнесла:

– Да это она, вне всякого сомнения. Что ж, дочка, с возвращением!

– Богиня, почему Вы называете меня дочкой? Вы не моя мама. У меня есть мама. Ее

зовут Зоя, и она живет в Риме, в доме господина.

– Я знаю, знаю... Но когда-то, очень давно, я назвала тебя своей приемной дочерью, и, поэтому имею право называть тебя так, тем более ты была лучшей подружкой моей другой приемной дочери.

– Вот ее? – Кивнув на Диту, спросила Тания.

Иза лишь утвердительно кивнула головой.

– Как твое имя, дитя мое? – спросила Иза.

– Меня зовут Тания.

– Тания... Замечательно! А раньше ты носила имя Темис. Правда, очень созвучно? Ну, Темис, дай я обниму тебя, и добро пожаловать домой!

Иза заключила девочку в объятия, а из глаз ее по щекам прокатились слезы.

– Вот это номер! – воскликнул Луций. – Раз уж эти две амазонки снова вместе, я абсолютно уверен в благополучном исходе нашего предприятия. Эти всегда добивались своего любыми средствами, уж можете мне поверить!

Глава 25

– Я бы очень хотела, чтобы это было так, но, к сожалению, мы с Дитой не можем долго оставаться на Земле. – Продолжая обнимать девочку, ответила Изида. – Мы ограничены временем работы защитного поля звездолета, который оставлен нами на околотунной орбите. У нас есть всего семьдесят два часа для того, чтобы уйти в гиперпространство. В противном случае, мы с дочерью рискуем быть захваченными агентами Корпуса, которые уже достаточно давно охотятся за нами, а точнее за мной, по всей галактике.

– Но почему? – Удивленно спросил Квинт. – Чем это вдруг ты стала поперек горла Магистрату Корпуса?

– Я обещала все объяснить тебе при встрече, и сдержу слово. Мало того, я отвечу на все вопросы, интересующие каждого из твоих спутников, но чуть позже. Сейчас же давай обсудим то, ради чего мы все проделали столь долгий путь сюда. – Наконец отпустив Танию, и смахнув со щеки слезы, ответила Изида.

Девочка удивленно посмотрела на плачущую «богиню», и спросила ее:

– Почему Вы плачете, богиня?

– Это слезы радости, милое дитя, оттого, что случилось совершенно невероятное, и ты вновь с нами, и не нужно меня называть богиней. Раньше ты всегда звала меня просто Иза. Можешь обращаться ко мне так же и сейчас.

– Что же тут невероятного, мона Изида? – Не удержавшись, спросила Цилия. – Ведь, как известно, рано или позд-

но, матрицу любого умершего человека можно пересадить в новорожденного со схожим генокодом и психофизическими параметрами.

Иза сурово взглянула на девушку.

– Ты, хоть и специалист по трансплантации, но, как видно, очень многого не знаешь. То о чем ты сказала, справедливо лишь для тех, кто закончил свою биологическую жизнь в нашем трехмерном пространстве. А вот матрицы тех, кто умер в измененном гипере, никогда не попадают в ГИП. Они просто исчезают. По крайней мере, до сих пор, никому не удалось, не только синхронизировать матрицы погибших людей при авариях кораблей в гиперпространстве, а тем более, в модифицированном или супергиперпространстве, но и просто обнаружить их где-либо. А если судить по официальным сообщениям, флайер, на котором Темис пыталась скрыться от боевого корабля Корпуса, потерпел крушение (как сообщалось, из-за аварии на энергетической установке корабля, вследствие превышения допустимых параметров) именно в измененном гипере, и подвергся там полной аннигиляции вместе со всеми, кто находился на его борту.

– Но тогда получается, что наша подруга все-таки смогла тогда улизнуть от агентов Корпуса, раз кому-то удалось синхронизировать ее матрицу с Танией? – Воскликнул Луций.

– Не знаю! Да и никто не знает, что тогда произошло на самом деле. Об этом нам сможет рассказать Тания, но только тогда, когда прошлая память полностью вернется к ней.

– Что же заставило Темис пойти на столь рискованный для нее шаг, мона Иза?

– Для тех, кто хорошо знал ее, не было секретом, что Темис обладала достаточно сложным характером. При всей ее взбалмошности и непредсказуемости, внутри нее скрывалась тонкая и очень ранимая натура. Ходили даже слухи, что она никогда не была замужем только по причине своего неуживчивого характера. Но для нас, кто близко знал Темис, все эти слухи являются сущей нелепицей. Мы прекрасно помним о ее страстном романе с юношей по имени Амхеп из рыбацкой деревушки Уатеп, на месте которой сейчас мы и находимся. Мало кому известно, что Темис надолго покинула Землю, узнав о своей беременности. Никому, кроме нас с Дитой, даже отцу ребенка, которого мы вместе с ней провозгласили первым фараоном всей Та-Кемет, Темис не рассказала об этом и вернулась на Гею, чтобы ее сын стал полноценным гражданином содружества Геи. К слову сказать, этот Амхеп не оправдал наших надежд. Он был слабым правителем, и власть только тяготила его. Спустя два года после того, как Темис улетела на Гею, вожди более богатых Номов Та-Кемет, подняли мятеж против Амхепа. В первой же схватке фараон был убит, так и не узнав о рождении сына. К сожалению, все мы, кто тогда находился на Земле, в момент возникновения бунта, находились на борту нашего базового звездолета и были заняты расшифровкой данных, заключенных внутри ключа Эффеян, который случайно попал в

наши руки на Земле, и, естественно, ничего не знали о восстании. После гибели Амхепа, власть в свои руки взяли его сестра Маат, которая была полной противоположенностью своему брату, и ее муж – Тот. Маат твердой рукой подавила мятеж, подчинив недовольных силой оружия. Когда спустя несколько лет, Темис, вместе с маленьким Осирисом, вернулась на Землю и узнала о гибели своего возлюбленного, она, потеряв всякий интерес к Та-Кемет, поселилась на маленьком островке в Эгейском море, где жила полной затворницей. Будучи по натуре однолюбкой, она никогда не выходила замуж, что и послужило созданию легенды об Артемис – как о богине девственности. На самом же деле, Темис нередко вступала в связи с мужчинами, но ни о какой любви в этих связях не могло быть и речи. Она навсегда осталась верна своей единственной в жизни любви – Амхепу. А теперь самое интересное. Узнав о Тании, я рассказала о ней Дите, и Дита поведала мне удивительную историю. Оказывается, у Темис был еще один ребенок. Изредка, кто-либо из нас, навещал непокорную Артемис на ее крошечном островке. Однажды, спустя много лет, в составе новой группы, на Землю прилетел один ее давний приятель, с которым Темис вместе еще училась в университете, и с которым, по слухам, у нее когда-то был краткосрочный роман. Апполон (так его звали) пожелал встретиться со старой подругой, и провел у нее на острове почти целый год. Как говорят, вскоре после его отъезда, Темис тайно родила ребенка. Никто не знает, мальчик

это был или девочка, но, ознакомившись с некоторыми особо секретными данными, мы с Дитой пришли к поразительному выводу. Скажи, Тания, твоя мама говорила тебе, как называется остров, на котором она родилась?

– Да, это остров Делос, Изиды.

– Так я и думала! Род твоей мамы, девочка, как выяснилось, происходит от того самого ребенка, которого тайно родила и воспитала Темис. Именно этим объясняется, что через множество поколений в твоей семье родилась девочка не только как две капли воды похожая на Темис, но и унаследовавшая все черты ее характера, и, что наиболее важно, ее генокод. И это ты, дорогая.

– Но отсюда следует, что кому-то еще было доподлинно известно о рождении ребенка у Темис. – Задумчиво произнес Квинт.

– Я тоже сначала так подумала, но сейчас, абсолютно уверена, что Темис удалось все сохранить в тайне, и никто в нее не был посвящен. – Ответила Иза.

– Тогда как же объяснить появление Тании?

– Пусть меня простят все присутствующие, но я поклялась, что расскажу об этом только одному человеку – тебе Аркус. Поверьте, это не моя прихоть, и не моя тайна.

– Странно, – пробормотал Аврелий, – как же в этом мире все взаимосвязано и переплетено, и в прошлом и в настоящем, и, возможно, в будущем. Но, все-таки, что стало причиной бегства Темис?

– Видишь ли, юноша, у нашей подруги было обостренное чувство справедливости. Долгое время она тихо жила в уединении на своем островке, но когда здесь появился Корпус жизни, с его бесчеловечными генными экспериментами над живыми людьми и животными, она не смогла оставаться безучастной. Мы с мужем вели тогда ожесточенную борьбу за полный запрет подобного рода деятельности на всех известных нам планетах Пояса жизни, но нужно было знать Темис. Она, как всегда, начала свою войну в одиночку, и, справедливости ради, надо заметить, далеко небезуспешно. Благодаря своей кипучей натуре, ей удалось обезвредить несколько лабораторий Корпуса, и собрать компрометирующий всю деятельность этой организации материал. Много лет своей жизни она посвятила этой борьбе, и стала для Корпуса, как кость в горле. Темис, имела неосторожность, по обычному каналу связи сообщить Парнасу о своей готовности передать все собранные ею материалы на рассмотрение следственной комиссии Большого Совета, что вызвало соответствующую реакцию в Магистрате. Было отдано тайное распоряжение об аресте Темис и изъятии у нее всех материалов. С этой целью к Земле был послан боевой корабль корпуса, но, к счастью, и среди сотрудников Корпуса, оказалось немало порядочных людей, которые предупредили нашу подругу о надвигающейся опасности. Она предприняла отчаянную попытку пробиться на Гею, но это ей, к сожалению не удалось. И она сама, и ее досье исчезли в измененном гипере. Судя по все-

му, ее флайер был сбит с корабля Корпуса, а не как было озвучено в официальной версии об аварии чисто технического характера.

– Но теперь-то становится понятно, что раз Тания, с трансплантированным сознанием Темис, здесь с нами, значит ей все-таки удалось оторваться от преследующего ее корабля, и выйти из гипера, – резюмировала Цилия, – а это значит, что еще есть шанс на то, что где – то надежно спрятано и ее досье, и что, если нам удастся до него добраться, то мы сможем навсегда покончить с этой преступной организацией, которая, как паутина оплела все наше общество, и запустила свои корни во все органы управления.

– Я тоже надеюсь на это, девочка, и думаю, что появление Тании среди нас именно сейчас, далеко не случайное совпадение. Она послана сюда, чтобы завершить свою, неоконченную много веков назад, миссию.

– Согласен, – задумчиво прошептал Квинт, – но вот только кем?

Глава 26

Иза, в каком-то страстном порыве, уже открыла рот, чтобы ответить на этот вопрос Квинта, но вовремя взяла себя в руки и осеклась, так и не произнеся ни слова. После короткой паузы, она заговорила вновь, меняя тему разговора.

– Мы опять отклонились от основной темы. Прошу Вас, давайте не терять драгоценного времени. Изложите суть Вашего проекта и мою роль в нем.

– Действительно! – В ответ воскликнул Квинт. – Аврелий, давай, рассказывай.

Юноша, не вдаваясь в детали, изложил суть предполагаемой операции. Иза внимательнейшим образом выслушала его. Дав себе несколько минут, чтобы переварить полученную информацию, она ответила:

– Значит, Вы хотите, чтобы я сделала Марии операцию искусственного оплодотворения? Боюсь, что это будет весьма не просто, если вообще возможно.

– Но почему? Ведь ты делала подобные операции в прошлом? – Попытался возразить Квинт.

– Если ты имеешь ввиду Геру, то это совсем другой случай. Тогда мы могли воспользоваться оборудованием, установленном на нашем звездолете, и мне пришлось тащить женщину на орбиту, рискуя ее душевным здоровьем. Мало того, подобные операции, вот уже несколько тысячелетий запрещены законом, поскольку считаются вмешательством в естественный процесс самовоспроизводства человеческой популяции.

– Нет! Я имею ввиду совсем другой, гораздо более близкий по времени, случай, который произошел всего пятнадцать лет назад. Я говорю об Анне.

– Это совсем иная история. Да, я помогла этой семье завести ребенка, но в данном случае обошлось без искусственного оплодотворения. Проблема была не в Анне, а в ее муже. Нам с Дитой пришлось путем «магических» явлений «анге-

лов», заманить его в пустыню, где нами была устроена мобильная клиника. Погрузив мужчину в наркотический сон, мы всего лишь провели простейшую хирургическую операцию, тем самым исправив маленькую ошибку природы. Все остальное прошло обычным естественным путем. Так что в данном случае, исключая некий религиозный антураж, все было в рамках закона. В случае же с Марией, кроме аппаратного обеспечения операции, есть еще и морально-этический аспект. Ведь она девственница! А Вам известно, как поступают в Иудее с женщинами, зачавшими ребенка вне брака?

– Ну, с этой проблемой мы можем легко справиться. Выдадим ее замуж за достойного человека, но в весьма преклонных годах, и, с помощью все того же религиозного антуража представим, как некое божественное проявление. Эту благую весть местные моментально разнесут по всей стране, а наш уважаемый друг, Тобий, со своими проповедями о близком пришествии Мессии, только усилит воздействие на умы людей. – Возразил Аврелий.

– Так вот какую участь ты готовишь для Марии, Квинт? Ты хочешь, чтобы она вышла замуж за нелюбимого старца? А как же твои моральные принципы? – Гневно воскликнула Иза.

– У нее нет выбора. Девочку так и так выдадут замуж за кого-нибудь, и не будут спрашивать, любит она этого мужчину или нет. Таковы обычаи этого народа. Так пусть уж лучше будет немощный старик, который не посмеет и притронуть-

ся к юной деве, за то ее будут прославлять в веках, как мать «Спасителя».

– Допустим, с этим вопросом мы решили, но как быть со специальным оборудованием? Нам ведь придется работать, что называется, в полевых условиях, и у нас нет права на ошибку. Все должно гарантированно получиться с одного единственного раза.

– С оборудованием вопрос тоже решаемый! – Неожиданно для всех, заметила Цилия. – На нашей Римской базе достаточно самого разнообразного, весьма компактного медицинского оборудования. При незначительной доработке, его, я уверена, можно будет использовать и для подобных целей. Что же касается гарантий, считаю, что нужно провести пробную операцию на ком-нибудь другом. При положительном результате, этот факт может лишь сыграть нам на руку, как доказательство распространяемых Тобием слухов.

– Отличное предложение, Цилия! – Отдавая должное, с нотками уважения ответила Изида. Остается лишь найти кандидатку.

– А тут и нечего даже думать. – Заметил Аврелий. – Помните, Тобий рассказывал нам о праведнике Захарии и его жене Елисавете, денно и нощно, молящих своего Бога о ниспослании им наследника. Чем Вам не кандидатуры?

– Аврелий, ты гений! – В сердцах воскликнул Квинт. – При такой поддержке, народ Иудеи гарантированно уверует в скорое пришествие Мессии. Кроме того, я договорился с

Валтасаром, что он, Мельхиор и Гаспар, как всемирно известные маги и предсказатели, засвидетельствуют факт пришествия в этот мир Спасителя, и это явится началом Новой эры в развитие Земной цивилизации. Нужно только придумать, какое знамение оповестит народ о наступлении этого события.

– Ну, это совсем просто! – Вставила Дита. – Мы, всего лишь выведем наш звездолет на геостационарную орбиту, где, сняв предварительно защитное поле, он засияет, как новая, ярчайшая звезда на небосклоне, и как раз точно над предполагаемым местом рождения этого ребенка.

– Да уж, дочка, такое не может остаться незамеченным суеверным населением Иудеи! – Восхищенно воскликнула Иза. – Просто браво-брависсимо! Было бы неплохо все это приурочить к какому-либо значимому событию в жизни страны, чтобы обеспечить максимально возможное скопление народа в месте рождения младенца.

– И здесь тоже нет проблем! – Воскликнул Квинт. – Наш «божественный» император Август собирается присоединить Иудею и другие сопредельные ей провинции к своей Империи. Для этого необходимо провести перепись населения. Нам с Аврелием удалось убедить императора повременить с этим событием хотя бы пару лет, чтобы подготовить население и не вызвать недовольства среди людей. Так что у нас есть более полутора лет в запасе. А большое скопление народа в этом случае я гарантирую.

– Очень хорошо! Но есть одно препятствие для успеха всего нами задуманного.

– Какое? – В один голос переспросили остальные участники разговора.

– Корпус жизни. Стоит мне открыто появиться на Земле, они тут же попытаются меня задержать.

– Ах, если бы мы могли к тому времени заполучить досье Темис, все решилось бы само собой. – Произнес Луций.

– Да, мой друг, это было бы, как нельзя, кстати, но что поделаешь, до тех пор, пока Тания не вспомнит все, нам его не получить. – Ответила Иза.

– Можно попробовать стимулировать синхронизацию отделов головного мозга, – задумчиво проговорила Цилия, – но, признаюсь, что это несколько рискованно для здоровья Тании. Она уже подвергалась поверхностному сканированию, и это вызвало у девочки временный паралич, сопровождаемый страшными головными болями. Здесь же потребуются углубленная стимуляция спящих нейронов. Я не знаю, какая может быть реакция организма на такое воздействие.

– Нет! Если подобная процедура может нанести вред Тании, то это для нас совершенно исключено. – Почти испуганно парировала Иза.

– Вы меня не спросили! – Разгневанно крикнула Тания. – Если есть хоть один шанс, что я все вспомню, то я согласна. Я вытерплю любую боль. Цилия, прошу тебя, сделай это!

Девушка растерянно посмотрела на окружающих, как бы

ища в их глазах ответ на повисший в воздухе вопрос. Напряжение сняла Дита.

– Послушай, Цилия, возможно ли проведение подобной операции над человеком, находящимся под влиянием общей анестезии?

– Да, я думаю, вполне. Ведь мы будем затрагивать неактивные зоны мозга, которые итак находятся в спящем состоянии.

– В таком случае болевые ощущения будут сведены к минимуму. – Продолжила Дита. – Я, конечно не специалист в этой области медицины, но тоже врач. Я готова ассистировать тебе.

– Но ведь Вы с моной Изидой должны через несколько часов покинуть нас, а для подобной процедуры мне необходимо вернуться на нашу Римскую базу, где есть для этого все необходимое. И сама процедура может занять достаточно значительное время с учетом последующей адаптации, в течение которого девочка должна находиться под постоянным наблюдением.

– Не беда. – Ответила Дита. – Я могу остаться на Земле. Агентов корпуса интересует только мама. Что касается меня, то я представляю для них интерес лишь в том плане, что могу обладать информацией о ее местонахождении. Но, если мы воспользуемся флайером, и перенесемся в Рим в кратчайшие сроки, то, укрывшись на Вашей базе, стану недосягаемой для агентов Корпуса.

– В таком случае, я тоже остаюсь! Думаю, Валтасар что-нибудь придумает, чтобы обезопасить меня. Вопрос лишь с флайером. Свой я должна отправить к звездолету.

– Я могу вызвать сюда Мерцила, – сказал Квинт, – но тогда нам придется остаться здесь до следующей ночи. Мы можем на день спуститься в подземелье и переждать там. Тем более, что мне нужно вернуться на корабль и отдать все необходимые распоряжения. Кроме того, я должен выполнить свое обещание нашим темнокожим друзьям. И еще, все-таки, Иза, за что тебя преследует Корпус?

– Хорошо, так и быть, раз уж здесь все свои, я расскажу, хотя поклялась, что никто, кроме тебя, Аркус, не узнает никаких подробностей. Как Вам, наверное, известно, я находилась все время рядом с мужем, и была рядом в момент его ухода из жизни. Он сам принял решение уйти, и вот почему: С тех пор, когда к руководству во многих структурах власти на Гее пришли люди из Корпуса жизни, мы с Зейвсом вели непрестанную борьбу с осуществляемыми ими программами на разных планетах Пояса жизни. Когда же они со своими извращенными экспериментами добрались до Земли, он просто вскипел, как генетик понимая, чем чреваты последствия этих опытов. Всего его авторитета едва хватило, чтобы добиться запрещения опытов генной инженерии над людьми, животными и представителями других, негуманоидных рас, населяющих некоторые планеты Пояса. Он хорошо осознавал, что эта его победа далеко не окончатель-

ная. Именно тогда мы покинули Землю, и, вернувшись на Гею, основали там, на собственные средства, многофункциональный исследовательский центр. Ты, Квинт, хорошо знаешь это место. Это там, где когда-то был наш домик на берегу океана. Все началось с того, что еще во время наших первых экспедиций на Землю, Зейвсу иногда стали приходить видения, в которых он видел далекое будущее тех мест, или же наоборот, далекое прошлое. Ему не давала покоя природа возникновения этих видений. Тогда мы еще практически ничего не знали о существовании ГИП и о возможностях трансплантации сознания. Зейвс с головой окунулся в изучение этих феноменов. В результате многовековых исследований наша цивилизация получила возможность трансплантации матриц сознания некоторых людей. Зейвс сумел систематизировать все полученные результаты, вследствие чего в нашей науке появилось новое направление – Психофизическая трансплантология. Но, как известно, любое научное открытие может иметь две стороны – позитивную и негативную. Наши оппоненты из Корпуса жизни стали использовать все, что дал человечеству мой муж далеко не в праведных целях. Поняв, какого джина он выпустил из бутылки, все дальнейшие свои исследования, связанные с изучением свойств ГИП, он засекретил. Был до минимума сокращен персонал центра, в котором остались только самые близкие и надежные сотрудники. Почти две тысячи лет мы работали над проблемой избирательного доступа к информации,

заключенной в этом поле. Как известно, ГИП неоднородно, и несет информацию о всех процессах и событиях происходивших когда-либо, происходящих сейчас, и тех, которых произойдут в далеком будущем на просторах нашей галактики. То есть это поле находится вне временных рамок, а вся информация распространена в нем совершенно спонтанно. Нашей задачей было выбрать интересующие нас фрагменты для получения свободного доступа к ним. В конце концов, Зейвсу удалось получить избирательно-направленный доступ к многим, интересующим его слоям ГИП. Он получил возможность заглядывать в будущее, тем самым предвосхищая некоторые события. Но, получив такую возможность, ему предстали картины не совсем благовидных событий. Которые должны были произойти в тот или иной отрезок времени. Тогда он задумался над тем, каким образом возможно воздействовать на ГИП, для предотвращения различных природных катаклизмов, войн и техногенных катастроф. Здесь все его усилия оказались бесплодными. Однажды, когда подошел очередной срок для проведения регенерации организма, он, вдруг, отказался в самой категоричной форме. Я, естественно, стала настаивать. И вот тогда, оставшись наедине, он мне поведал то, чего от меня пытается добиться Магистрат. Он сказал, что невозможно управлять ГИП извне, но, в тоже время, став частью ГИП, можно воздействовать на него изнутри. Для этого только необходимо соблюдение одного единственного условия – матри-

да должна оставаться активной. А главное, он нашел способ сохранять ее таковой. Перед уходом (я не могу назвать это смертью, поскольку он жив. Умерла лишь его биологическая оболочка) он потребовал, чтобы я уничтожила все материалы, связанные с его исследованиями. Я пыталась убедить его, что нельзя этого делать, так как это открытие вселенского масштаба. Никому, даже нашим прародителям Эфеянам, не удалось даже приблизиться к этому открытию. На что он мне ответил: «Представь себе, Иза, что станет с этим Миром, если подобные возможности попадут в руки негодяев, вроде тех, кто заправляет в Корпусе жизни. Наш Мир просто погибнет. Я не могу этого допустить. Даже, если я в чем-то ошибаюсь, и мой эксперимент со своей собственной матрицей окажется неудачным, эти материалы не должны попасть в чьи-то чужие руки, так как кому-то другому может повезти больше, чем мне, и он сможет получить желаемый результат. Я ухожу с чистой совестью, и если все получится, я найду способ, как мы сможем общаться. Поклянись, что исполнишь мое последнее желание в этой жизни». Я поклялась, и эту клятву сдержала.

– Так ты все уничтожила?

– Да, Квинт. Все, даже не относящееся к этому открытию напрямую.

– Тогда чего же хотят от тебя деятели из Корпуса?

– Чего хотят? Послушай, Цилия, – Иза повернулась к девушке, – ведь ты принимала участие в работах со взрослыми

клонами некоторых людей, не так ли?

– Да, мона Иза, это так. – Удивленно ответила девушка.

– Тогда скажи, со сколькими клонами ты работала?

– С двумя, мона Иза.

– А если хорошо подумать, детка?

– Ну, изначально их было три, но для третьего не удалось подобрать синхронизируемую матрицу, и работы с ним были прекращены.

– Что стало с этим клоном?

– Я точно не знаю. Возможно, отправили в криокамеру, возможно уничтожили. Я ведь была всего лишь стажеркой, и меня в подобные тонкости не посвящали.

– А знаешь ли ты имена людей, для которых приготовили этих клонов?

– Да, мона Иза, но...

– Я не прошу тебя называть имена тех, трансплантация которым прошла удачно. Назови лишь имя того клона, которого отправили в криокамеру или куда-нибудь еще.

– Я помню только фамилию. На табличке было написано «Савоас».

– Теперь ты понимаешь, Аркус, что им от меня нужно? Они предпринимают попытки клонировать Зейвса и синхронизировать его матрицу, но, можешь мне поверить, это невозможно. Невозможно трансплантировать активную матрицу в новое тело, даже если это тело имеет абсолютно идентичный генокод. Синхронизации подвержены лишь пассив-

ные матрицы, находящиеся в ГИП в спящем режиме, только об этом знала до этой минуты только я. Теперь знаете и Вы.

– Подожди, выходит Зейвс, точнее его матрица, находится в ГИП и имеет возможность влиять на те или иные события?

– Выходит так, Квинт.

– И то, что все мы, тем или иным образом оказались здесь вместе, это тоже дело его рук, точнее разума?

– Похоже, что и это так!

– Выходит, что иудеи совсем недалеко от истины, представляя своего бога, находящегося на небесах в бесплотном состоянии, и способного вершить судьбы всего мира.

Глава 27

– Однако скоро уже начнет светать, – озабоченно сказала Иза, – а нам нужно еще вернуться к флайеру, чтобы отдать распоряжения насчет его возвращения к звездолету.

– Это далеко? – Спросил Квинт. – А то, если не будешь возражать, я могу составить тебе компанию.

– Мы оставили флайер в горах, примерно в ста километрах отсюда. На крыльях около часу лета.

– Ну что ж, я не против поразмяться, – весело ответил Квинт, – давненько не пользовался крыльями. Уже стал забывать, каково это.

– Ну, если тебе так хочется полетать, я не возражаю. Дита, отдай Аркусу свой антигравиплан. Пусть потряхнет стариной, а то засиделся тут, в своем Риме.

– Как это, полетать на крыльях Афродиты? – Заинтересо-

ванно спросила Тания. – Разве их можно снимать и передавать кому-нибудь другому? Вот птицы, они же не могут никому отдавать свои крылья?

– Столько вопросов, и все сразу! – Смеясь воскликнула Иза. При этом куда-то пропали металлические нотки в ее голосе. Напротив. Он стал нежным и ласковым, и если в нем и остались металлические оттенки, то они скорее походили на нежную трель колокольчика. – Это не настоящие крылья, деточка. Это всего лишь машина, с помощью которой можно передвигаться по воздуху. Как-нибудь я научу тебя ими пользоваться (если, конечно ты сама этого захочешь, и если не вспомнишь раньше)

В разговор вмешался Луций.

– Помнишь, что я говорил тебе в Александрии? А ты решила, что я подшучиваю над тобой. Теперь-то ты понимаешь, что я вовсе не шутил?

– Ты же мне ничего не объяснил, вот я и решила, что ты меня разыгрываешь! – Обиженно парировала Тания.

– Ах Тания, да разве бы ты мне поверила, начни я тебе хоть что-нибудь объяснять?

– Не поверила бы, – буркнула девочка, – пока сама бы не увидела!

– Вот теперь я узнаю свою подругу Темис! – Рассмеялся Луций. – Ты вся в этом своем упрямстве!

– Ну, хватит, хватит! – Остановила словесную перепалку Иза. – Квинт. Если ты не передумал, то полетели.

Тания с завистью посмотрела вслед, удаляющимся в темное ночное небо, Изиде и Квинту.

– Скажи, Луций, а в Рим мы тоже полетим на крыльях?

– Нет, девочка, за Вами прилетит твой отец на летающем корабле.

– Почему ты сказал «за Вами»? А ты что, не собираешься лететь?

– Да, действительно, Луций, – удивленно спросил Аврелий, – как прикажешь понимать твои слова?

– Я никак не смогу сейчас отправиться в Рим. Ты, наверное, забыл, приятель, что я кое-что оставил неподалеку от Александрии. Глупо было бы бросать такой замечательный катер. Как мне думается, он нам еще может пригодиться. Поэтому я намерен вернуться в Александрию, а уже оттуда – к себе в Помпеи, а уже только потом – в Рим.

– Жаль будет расставаться после столь долгой разлуки, дорогой Стан. Ой, прости, я по привычке пользуюсь твоим первым именем. – Грустно проговорила Дита.

– Ну, это совсем ненадолго. Всего на пару – тройку недель. Что это по сравнению с тем огромным сроком, который прошел между нашей последней встречей и сегодняшним днем? Всего лишь мгновение!

– Да, действительно! Прошла целая вечность, но, кажется, что все это было только вчера!

– Я осмелюсь нарушить Ваш вечер воспоминаний. – Вмешался Аврелий. – И как же ты собираешься попасть в Алек-

сандрию?

– Точно так же, как и сюда. На корабле.

– Интересно, а как ты себе это представляешь? Тебе напомнить, что пообещал профессор гребцам?

– Прекрасно помню! Он пообещал им свободу в конце нашего пути. Только подумай сам, Аврелий, что они будут делать со своей свободой, на что жить?

– У тебя что, есть, что им предложить?

– Представь, да! Я намерен, по прибытию в Александрию, обратиться к Вашему bravому триерарху, чтобы он принял их всех в свою команду. Они продолжат заниматься привычной работой, но при этом будут получать за нее денежное содержание. Мне кажется, это куда гуманнее, чем отпустить людей на все четыре стороны, обрекая их, таким образом, на жалкое, голодное существование, или на перспективу снова оказаться в рабстве.

– А девушки, – вмешалась Цилия, что ты намерен делать с ними? Тоже предложишь Демецию взять их на службу?

– Девушки? – Удивленно воскликнул Луций. – Действительно, о них я не подумал. Просто выскочило из головы. Хотя, пожалуй, я знаю, что делать! В Александрии я попрошу Валтасара, дать им какое-нибудь из его снадобий так, чтобы уснув крепким сном в Александрии, проснулись они уже в Помпеях. Мне кажется, на вилле жить им будет вполне комфортно.

– Похоже, приятель, ты запал на одну из них, – со смехом

сказал Аврелий,— а может сразу на всех троих?

— Хватит нести чепуху! Если бы мне было это нужно от рабынь, они бы уже давно ползали у моих ног. Я лишь предлагаю, таким образом обеспечить девушкам безбедное существование. Конечно, если кто-нибудь из них пожелает вернуться в родные края, я не буду этому препятствовать, и даже готов оказать всяческое содействие.

— Хорошо, хорошо, не парься! Ответь только, ты говорил об этом с профессором?

— Если ты думаешь, что я способен принимать подобные решения без его одобрения, то глубоко ошибаешься. Конечно, я говорил с ним об этом, и одобрение получил.

Пока Луций с Аврелием выясняли детали дальнейшей участи рабов, Тания под села к Дите, восхищенно глядя на нее.

— Ты очень красивая!— сказала девочка. — А ты и вправду та самая богиня Афродита, дочь Зевса, о которой мне рассказывали мама и старик Диохил?

— Та самая, можешь не сомневаться! — С улыбкой ответила Дита.

— Тогда скажи, если ты на самом деле богиня любви и красоты, ты правда вышла из пены морской?

— В общем, да, был такой эпизод в моей жизни. Наверное, кто-то из островитян подглядел, как я выходила на берег, и решил, что я, таким образом, родилась. На самом деле, тогда, так неудачно, надо мной подшутил мой муж, что мне

ничего не оставалось, как выбраться совершенно нагой на пустынный берег. Людям свойственны различные фантазии, вот они и придумали эту красивую легенду.

– А ты действительно была моей лучшей подругой, тогда, в моей другой жизни?

– Была, есть и всегда буду, можешь в этом не сомневаться.

– Расскажи что-нибудь про нашу дружбу. Мне так хочется поскорее все узнать.

– Видишь ли, Тания, если я стану тебе сейчас все рассказывать, то это будут только мои воспоминания. Важно, чтобы ты все вспомнила сама, и тогда это будет твое воскресшее прошлое, а значит и мое. Не обижайся, очень скоро ты все вспомнишь. Скоро вернешься в Рим, где мы с твоей подругой Цилией постараемся ускорить это. Ты ведь не боишься?

– Ничего я не боюсь! Это ведь я сама так захотела! Тем более там Вы все будете рядом, и моя мама тоже. Как ты думаешь, когда я вспомню свою прошлую жизнь, то не забуду настоящую? Вдруг я не узнаю маму, отца, братишку?

– Ну что ты, глупенькая! Твоя нынешняя жизнь будет всего лишь продолжением прошлой, и все в ней останется так же, как и сейчас. Просто в твоих воспоминаниях будет два детства, и оба они останутся твоими.

– Это значит, что я вспомню и своих других родителей?

– Вот это вряд ли! Темис не знала своих родителей. Они погибли, когда она была совсем малюткой, и потом воспитывалась в Детском центре.

– Жаль ее, то есть меня!– сочувственно вздохнув, прошептала девочка.

– Ничего, милая, за то у тебя в этой жизни есть и мама и папа. И ты должна радоваться этому. Я по себе знаю, что это такое. Моя мама погибла, когда мне не было и пяти лет. Спасибо Изе, которая заменила мне родную мать. Благодаря ее заботе, я выросла в любви и ласке.

– Поэтому, наверное, люди называли тебя Богиней любви!

– Не знаю, не думаю... Просто, так сложились обстоятельства. Я помогала людям, лечила их, вот они и решили, что мой образ как-то связан с Богиней любви.

– Знаешь, за время этого путешествия так много случилось в моей жизни. Если бы кто-нибудь мне раньше рассказал такое, ни за что бы, не поверила. Ведь это чудо какое-то! Я, из бедной рабыни, вдруг, превратилась в могущественную богиню охоты Артемис (или Диану. Так называют Артемис римляне).

– Ну, это второе твое имя, скорее подходит мне. Хочешь знать, как меня называли в детстве, а потом только самые-самые близкие? Они звали меня Ди – это уменьшительное от Дита, хотя полное мое имя Ауродита.

– Здорово! Скажи, Дита, а ты будешь снова со мною дружить? Ты ведь такая взрослая, а я еще совсем маленькая.

– Такой, какая я есть, я останусь навсегда, а ты совсем скоро повзрослеешь, и даже не вспомнишь о теперешней разнице в возрасте. Так что, как я уже говорила, я была, есть, и

всегда буду твоей подругой. Иначе и не может быть. Однако, уже скоро будет светать! Я волнуюсь за Изиду и Квинта. Им нужно вернуться до рассвета, чтобы не быть замеченными кем-нибудь из жителей города.

– Не волнуйся, Ди, – вмешался в разговор Луций, – они успеют. Нужно хорошо знать Квинта, чтобы навсегда запомнить о его поразительной пунктуальности.

Флайер бесшумно оторвался от земли и взмыл в ночное небо. У Квинта невольно сжался в горле какой-то горький комок.

– Что с тобой? – спросила Иза, заметив перемену в своем спутнике.

– Знаешь, я привык к тому, что обречен на вечное пребывание на Земле, но часто по ночам невольно вглядываюсь в звездное небо, пытаюсь отыскать маленькую звездочку, вокруг которой вращается наша Гея. Иногда так хочется плюнуть на все запреты и умчаться туда. Я мысленно пытаюсь представить, какой она стала за время моего долгого отсутствия.

– Я всю жизнь удивляюсь твоей патологической обязательности. – Неожиданно для Квинта выпалила Иза. До последнего времени во всей вселенной оставалось лишь несколько человек, которые еще помнили об этом твоём приговоре. Сейчас на Гее остался лишь Орек Парнас, и то, я сомневаюсь, что он еще помнит об этой давней истории.

Так что ты можешь беспрепятственно вернуться домой, но я очень сомневаюсь, что тебе понравится все то, что сейчас происходит на Гее. Лично я с горечью вспоминаю то время, когда к высшим государственным постам были допущены технократы и ученые. Мы были тогда наивными романтиками, считавшими, что если управлять планетой будут люди, добившиеся определенных высот в науке и развитие передовых технологий, все в нашем мире станет правильно. К сожалению, на практике это оказалось далеко не так. И в среде видных ученых немало людей с низменными амбициями, готовых к использованию своих и чужих научных открытий для решения своих, далеко не праведных, амбиций. Чего стоит один только Корпус жизни!

– Не понимаю, что нужно этим людям, у которых, казалось бы, есть все?

– Я тоже часто задумываюсь об этом. Хочешь знать, что ответил мне на это Зейвс? Он сказал, что все наше человечество, как, впрочем, и человечество Земли – это самая огромная ошибка эволюции. Конечно, благодаря Эфеянам, мы стали такими как есть, но не надо забывать, что задолго до их появления, на наших планетах вполне успешно развивались свои собственные виды высших приматов. Сделав нас такими, наши создатели лишили нас собственной индивидуальности, а перемешав свои гены с генами наших далеких предков, получили абсолютно новый вид человека. Мы, хоть и генетически совместимы и с Землянами и с Эфеяна-

ми, но в нас остался ген агрессии, унаследованный от наших далеких диких предков. Эта внутренняя агрессия в сочетании с искусственно привитым интеллектом создало своего рода гремучую смесь, что стало весьма наглядно на примере пресловутого Корпуса жизни. Мы долгие годы боролись за запрет генетических экспериментов над разумными особями во всей галактике, но разве не тем же самым занимались давным -давно и на Гее и на Земле наши прародители Эфеяне. В чем были их цели? В том, чтобы создать из наших предков свои "резервные копии". В чем же разница между Эфеянами и деятелями из Корпуса жизни? Лично я считаю, что никто не имеет права на подобное. Мы должны принимать эти цивилизации такими, какими их создала Природа, а не унифицировать все разумное в галактике "под одну гребенку".

– Согласен с тобой. У меня возникает двойное, весьма противоречивое чувство. С одной стороны мы должны быть благодарны Эфеянам, за то, что мы сейчас вот так можем говорить между собой и рассуждать о мироустройстве, но с другой стороны, кто знает, каким мог бы быть наш мир, не пояись в нем однажды пришельцы с далекой планеты. Ты права, Иза, инопланетяне лишили и нас и Землян нашего собственного будущего.

– Что-то мы с тобой расфилософствовались, а скоро, тем временем, наступит рассвет. Пора возвращаться к нашим друзьям.

– Ты права, как всегда. Полетели.

Глава 28

Квинт, сидя за столом в своей каюте, сосредоточенно что-то писал на заранее заготовленных многочисленных листах пергамента. Рядом, полулежа на низком ложе, расположилась Иза. Она, с неподдельным удовольствием, наслаждалась тишиной и покоем под легкие всплески нильской воды за бортом. В дверь каюты постучались. Квинт, не отрываясь от своего занятия, пригласил посетителя войти. В распахнутую дверь вошел Аврелий в сопровождении Селима.

– Учитель, Вы просили привести Селима. Он здесь!

– Спасибо, мой друг, – не поднимая глаз, ответил Квинт, откладывая в сторону пергамент.

Он встал из-за стола и подошел к нубийцу.

– Ты и твои собратья, доказали на деле свою преданность и верность в ходе нашего путешествия, таким образом с честью выполнив свою часть нашего договора. Настало время и мне, со своей стороны, выполнить свою. Здесь, в Уасете, наш путь закончен. Там, на юге, за Нильскими порогами, Ваша родина – Нубия. Я, как и обещал, отпускаю всех Вас домой, к Вашим семьям.

Услышав это, нубиец упал на колени, пытаясь поцеловать край одежды Квинта. Тот, в свою очередь, обняв темнокожего гиганта за плечи, поднял его с колен.

– Ни тебе, Селим, и никому из твоих товарищей больше никогда не следует ни перед кем опускаться на колени. От-

ныне Вы свободные люди.

С этими словами Квинт повернулся к столу, и взял с него пять заготовленных пергаментных свитков.

– Это документы, свидетельствующие о том, что Вы, все пятеро, являетесь моими вольноотпущенными, и направляетесь в Нубию по моему поручению. Если в пути Вам встретятся римляне, предъявите им эти свитки.

Селим открыл рот, чтобы излить патрицию свои благодарности за его щедрость, но Квинт остановил темнокожего жестом руки.

– Это еще не все! Вот, возьми, – взяв со стол тяжелый кожаный мешок, продолжил Квинт, – здесь пятьсот талантов золотом. Это плата за Вашу верную службу. Раздели их поровну со своими друзьями. Этих денег хватит Вам, чтобы начать новую жизнь у себя на родине. Кроме этого, Вы можете забрать своих лошадей и оружие. Путь до Нубии долгий и небезопасный, так что все это будет далеко не лишним.

По щеке сурового нубийца скатилась скупая слеза.

– Ну вот, вроде бы все. – С грустью в голосе, продолжил Квинт. – Дай я обниму тебя на прощание.

Патриций крепко, по дружески, обнял нубийца.

– Все, иди! Хотя постой! Помнишь, в начале нашего пути, я всем Вам раздал медальоны. Берегите их, и помните, если кто-либо из Вас попадет в безвыходное положение, в котором Вашим жизням будет что-либо угрожать, сделайте, как я показывал, и мы постараемся, как можно быстро, прийти

Вам на помощь. Вот теперь все!, – Слегка отталкивая Селима, закончил Квинт свою речь.

Не успел нубиец покинуть каюту, как в ней появился Луций.

– Луций! Какое совпадение! Я только что хотел послать за тобой Аврелия!

– У меня все готово к отплытию, командор!

– Нет, не все! Вот, возьми эти свитки. Это вольные для всех рабов, которые находятся на борту. Я обещал этим людям свободу, и держу свое слово!

Затем Квинт подошел к одному из сундуков, расставленных вдоль стены каюты.

– Луций, здесь деньги. Часть из них ты возьмешь прямо сейчас. Раздашь гребцам по сотне динарий в качестве аванса. По прибытию в Александрию, заплатишь еще по двести, вне зависимости от того, застанешь ты там Демеция или нет, и согласится он или нет принять этих людей на службу на "Горгону". Лошадей и повозку продашь в Александрии. Да что я тебе рассказываю! Ты и сам знаешь, что делать! Отплывай, как только наш флайер поднимется в небо. Постарайся нигде не задерживаться. Если встретишься с Демецием, и он будет спрашивать обо мне, скажешь, что я спешно отплыл на другом корабле, посланном за мною Августом. И еще, что я не забыл своего обещания относительно его самого и Дирха, что при первом удобном случае буду ходатайствовать о них перед императором. Все! Кажется, ничего не забыл. Теперь

осталось дожидаться полуночи, когда за нами прилетит Мерцил.

Иза, услышав, что Луций не полетит с ними в Рим, надолго задумалась. Выдержав паузу, пока Луций покинет каюту, она обратилась к Аврелию.

– Послушайте, молодой человек, скажите, а у Вас есть какая-нибудь связь с этим Вашим иудейским священником, которого Вы отправили проповедовать о скором пришествии в мир нового царя Иудеи?

– Зачем это тебе, Иза? – не дав Аврелию ответить, переспросил Квинт.

– Я тут подумала, ну что я буду делать сейчас в Риме? Отсиживаться на твоей вилле без дела мне очень бы не хотелось, в психофизической трансплантологии я полный профан, так что для Цилии от меня никакой пользы не будет. А вот, если Аврелий сможет поговорить с этим, как его, Тобишем, который близко знаком с мужем одной из моих будущих пациенток...

– Иза, что ты задумала? Говори начистоту!

– Ничего особенного. Просто я думаю, что мне было бы не плохо поближе познакомиться с моими будущими пациентками, тем более, что мне потребуется сделать кое-какие анализы. Было бы идеально, если бы Тобий попросил мужа этой женщины, на которой нам предстоит отработать операцию Марии, взять меня в свой дом, ну, хотя бы, в качестве служанки.

– Иза, ты сошла с ума! Тебя сразу же узнает какой-нибудь агент Корпуса, которых в Иерусалиме не мало. Да и вообще, с твоей внешностью и манерой держаться, ты больше подходишь на роль знатной госпожи, а никак не нищей служанки.

– Я женщина, дорогой Квинт, а это значит, что знаю, каким образом можно радикально преобразить свою внешность. Конечно, обычно женщины занимаются подобными процедурами, чтобы скрыть свой возраст или выглядеть эффективнее, чтобы произвести впечатление на мужчин, но не исключен и обратный процесс. Можно и из красотки сделать, если и не уродину, то, по крайней мере, совершенно ничем не примечательную особу, а если все это дополнить соответствующим гардеробом, то никому и в голову не придет, что под подобной личиной скрывается, для одних всемогущая богиня Изида, а для других, опасная преступница, которую разыскивают по всей галактике. Так что, Аврелий, сможешь ты договориться с Тобием?

– Мона Иза, у меня нет прямой связи с Тобием, да и не может быть. Мы договорились с ним, что будем общаться через Мельхиора, но Мельхиор, пусть и посвящен в наши планы, и по сути своей глубоко порядочный человек, все же служит, хоть и невольно, в Корпусе жизни. Мне кажется, что неразумно будет раскрывать ему факт Вашего пребывания на Земле.

– И правильно, юноша! – С улыбкой воскликнула Иза. – Ему вовсе и не обязательно знать имени женщины, о "трудно-

устройстве" которой ты просишь, а я уж постараюсь, чтобы это осталось тайной для непосвященных.

– Допустим, мне удастся договориться с Тобием, а ему, в свою очередь, с Захарией, но каким образом Вы, мона Иза, собираетесь попасть в Иерусалим?

– Я тут слышала, что у нашего Луция имеется отличный быстроходный подводный катер. Почему бы мне им не воспользоваться?

– Да, но Луций появится в Риме не раньше чем через пару недель.

– Вот и прекрасно! Я использую это время, чтобы подобрать из обширного медицинского арсенала Цилии, необходимое мне диагностическое оборудование, а так же оборудование для будущей операции. Поверьте, я знаю, о чем говорю! Благодаря комплексу этих подготовительных мер, мы сведем к минимуму возможные ошибки и неудачи во время проведения самой операции.

– Что ж, хоть это и чрезвычайно рискованно, я, пожалуй, поддержу твой план, Иза. – После небольшой паузы произнес Квинт. – Аврелий, свяжись с Мельхиором, и, не называя никаких имен, передай ему нашу просьбу.

– Хорошо, профессор, хоть я и против столь рискованных шагов, но раз Вы считаете, что это будет оправданной мерой, я попрошу Мельхиора, чтобы Тобий походатайствовал за нашу протееже.

Утренняя прохлада постепенно стала уступать место нестерпимому зною. Тания потянулась и открыла глаза. События прошедшей ночи, всплывшие в ее сознании, показались девочке совершенно нереальными и фантастичными на фоне этого прекрасного утра. Где-то за дощатой перегородкой слышны были чьи-то приглушенные голоса. Тания перевернулась на бок, и, бесшумно соскользнув с ложа, выбралась на палубу из тесной каюты. К ее удивлению, палуба оказалась пустынной. С берега потянуло дымом костра. Девочка проворно сбежала вниз по сходням и, всего в нескольких десятках метров от корабля, там, где заканчивались густые заросли тростника, обнаружила всю команду корабля, готовившую на кострах свой нехитрый завтрак. Тания обошла всю стоянку, но, к своему удивлению, нигде не нашла ни Селима с его темнокожими, и никого из ее спутников. Девочка вернулась к реке, умылась мутной нильской водой, и, немного поразмыслив, поднялась на борт корабля. Она тихонько, чтобы не побеспокоить спящую Цилию, зашла в свою каюту, подняла с пола лук со стрелами, и вновь покинула каюту. Оказавшись на берегу, Тания углубилась в заросли тростника, где, как она считала, можно было рассчитывать на какие-нибудь охотничьи трофеи. Так она некоторое время продиралась сквозь заросли, не обращая внимание на острые листья прибрежных растений. Но вот впереди показался просвет. Тания, стараясь не производить лишнего шума, ступая словно кошка, выглянула на открытое про-

странство, где на широкой речной глади безмятежно плавали многочисленные водоплавающие пернатые. Девочка достала стрелу, прицелилась, и уже готова была выстрелить, но вдруг опустила лук. Совсем рядом кто-то красивым женским голосом, тихо-тихо напевал грустную мелодию. Тания, сделав несколько шагов вперед, выглянула из зарослей в направлении голоса. На маленьком песчаном пятачке, с опущенной вниз головой, сидела, упершись локтями в согнутые колени, Афродита. Немного постояв в нерешительности, девочка вышла из зарослей и подошла к ней. Услышав чьи-то приближающиеся шаги, Дита перестала петь и подняла голову.

– А, это ты Тания! Присаживайся рядом.

Девочка опустилась на песок, отложив в сторону свое оружие.

– Я тут собиралась поохотиться, но увидела тебя и передумала. Прости, наверное, я тебе помешала.

– Ну конечно, ты, как всегда со своим любимым луком, как же иначе. Сколько помню тебя, ты никогда с ним не расставалась, и, кстати, насколько я помню, не сделала ни единого промаха. И ты мне вовсе не помешала. Я просто сидела и смотрела на реку. Ты никогда не замечала, что на струящуюся воду и горящий огонь можно смотреть бесконечно?

– Ты пела. Что это за песня?

– Ее пела мне в детстве моя родная мама. Просто взгрустнулось, вот я и...

– Отчего ты грустишь?

– Так, вспомнилось разное.

– Ты уже бывала раньше в этих местах, и с этим что-то связано?

– Да, Тания, бывала, да и ты тоже, только это было так давно. Вон, видишь песчаную отмель на том берегу? Именно там началась история этой удивительной страны, и виновницей тому была ни кто иная, как ты.

– Странно, но я ничего такого не помню. Вот тебя и Изиду я видела в тех странных видениях, но ничего, связанного с этими местами в них не было. Правда был еще какой-то юноша, который пытался меня обнять и маленький мальчик очень похожий на моего братишку, и это все.

При упоминании о юноше, Дита невольно содрогнулась.

– Знаешь, милая, – почти шепотом произнесла она, – не спеши вспоминать прошлое. В нем было немало радостных событий, но и не меньше очень горьких. Наслаждайся сегодняшним днем, живи той жизнью, которую имеешь сейчас. Ты еще слишком юна, чтобы столкнуться с горем и разочарованиями прошлого.

Глава 29

С наступлением сумерек отряд отбывающих выступил в сторону Долины Царей. Чтобы не привлекать лишнего внимания, решили идти пешком весь недолгий путь, отделяющий место стоянки корабля до развалин храма Анубиса. Тания шла молча. Девочка рисовала в воображении летающий

корабль, на котором ее отец должен был прилететь за ними. Ей представлялось что-то вроде триремы с птичьими крыльями. Каково же было ее удивление, когда с бездонного ночного неба опустилось нечто, никак не вязавшееся с теми образами, которые ей представлялись. Штука эта оказалась совершенно непохожей на корабль, и ни на какие крылья не было даже и намека. Корабль скорее был похож на две, скрепленные между собой тарелки с четырьмя металлическими ногами, на которые он опирался. Как только "тарелка" коснулась земли, откуда-то снизу открылся тускло освещенный люк, створка которого превратилась в лесенку. Вскоре по лесенке спустился человек, который, подсветив дорогу фонариком, двинулся в сторону храма, где собрались все, его ожидающие. Стоило человеку подойти поближе, как Тания узнала в нем своего отца. Девочка вскочила на ноги, побежала ему навстречу, и, подбежав, бросилась в объятия.

– Отец, я так рада, что ты прилетел за нами! – Воскликнула девочка. – Я тут такое узнала, что уже и не удивляюсь тому, что ты можешь летать по небу! Знаешь, оказывается я, вовсе не я, а богиня Артемис.

– Постой, постой дочка! Что за чушь ты несешь! Я тоже очень рад тебя видеть, но с чего ты вдруг взяла, что ты, это не ты.

– Это не я, папа, это сказали и хозяин, и Афродита, и сама Изиды! Они говорят, что во мне просыпается дух Артемис.

– Ну и выдумщики же все они. Они, наверное, пошутили,

а ты и поверила. Идем скорее к хозяину. Уж я выскажу ему, как надсмехаться над моей девочкой. Да и гости наши тоже хороши! Им что, больше заняться нечем?

– Идем, идем! Ты сам сейчас убедишься, что они вовсе не шутили!– Слегка надув губы от обиды, проговорила Тания.

– Здравствуйте Квинт, Аврелий, Цилия! Здравствуйте и Вы мона Изида и мона Дита. Для меня огромная честь быть Вашим пилотом.

– Привет, дружище! – похлопав Мерцила по плечу, за всех ответил Квинт. – Ты пунктуален.

– Стараюсь, хозяин! – Полушутя поклонившись, ответил Мерцил. – Прошу всех на борт. Вы и охнуть не успеете, как окажетесь в самом сердце Рима.

Все двинулись к флайеру. Мерцил, обняв дочь, поравнялся с Квинтом.

– А скажи-ка, любезный хозяин, что это Вам тут всем взбрело в голову подшучивать над моей милой дочуркой?

– Когда это мы подшучивали над тобой, Тания?– несколько удивленно спросил Квинт.

– Я рассказала отцу о том, что во мне просыпается дух Артемис, а он не поверил, и посчитал, что Вы надо мной смеетесь.

– Послушай, Мерцил, никто над Танией не смеется. Она сказала сушую правду. Это подтвердил Валтасар и мона Иза. Так что не удивляйся, и прими это как должное. В твою дочь, действительно трансплантирована матрица Темис, и сделал

это, как мы думаем, сам Зейвс Савоас.

– Но почему именно моя дочь, почему Тания?

– Потому что род твоей жены, Зои, корнями уходит к Темис, а Тания – ее точная генетическая копия.

– Выходит, что Зоя отчасти Геянка? Удивительно! Вот уж не думал, что встречу на Земле и полюблю свою соотечественницу.

– Ничего удивительного, друг. На Земле достаточно много семей, имеющих наши корни. Удивительно другое, что из миллионов женщин, проживающих на этой планете, тебе встретила именно эта, и именно в нужное время, с тем, чтобы в нужное время у тебя родилась дочь, которая к нынешнему моменту оказалась здесь. Таких совпадений не бывает. Все это похоже на чей-то целенаправленный план, и этот кто-то, скорее всего, наш старый друг Зейвс. Он все знал наперед, и все точно рассчитал.

– Но он ведь умер?

– Не совсем так. Умер биологический объект, но продолжает жить объект духовный. Мы поговорим об этом как-нибудь в другой раз. Видишь, мы уже пришли.

Тания вырвалась из объятий отца, и, взбежав по трапу, уверенно прошла через грузовой отсек к лестнице, ведущей в салон, поднялась по лестнице, и, оказавшись в салоне, заняла место в одном из кресел. Затем она пристегнула страховочный ремень и стала ждать. Причем все это она проделала так, будто много раз до того повторяла подобную, хоро-

шо ей знакомую процедуру.

– Ну, что я тебе говорил. Убедился? Она подсознательно помнит подобные мелочи, но постепенно в памяти ее всплывет и все остальное. Гордись, Мерцил, ты отец "богини охоты"!

– Да уж, удивил, так удивил! Представляю, что будет с Зо-ей, когда она узнает!

– Вот тут нам нужно быть крайне осмотрительными. Подумай сам, как мы объясним твоей жене, что мы пришельцы из другого мира, а ее дочь – богиня? Нужно как-то ее к этому подготовить. Думаю, что Иза лучше нас с тобой справится с этой задачей. Она у нас мастер на подобные штучки, тем более, твоя дочь настаивает на операции по стимулированию спящих зон головного мозга, для того, чтобы ускорить процесс восстановления памяти Темис. Я расскажу тебе зачем это нам всем нужно, когда мы вернемся в Рим. И, кстати, я должен сделать выговор за махинации с твоей семьей. Скажи-ка, пожалуйста, чего это вдруг ты решил скрывать от меня, что уже много лет у тебя есть жена и двое замечательных детей?

– Прости, Квинт, я боялся. Я ведь хорошо знаю историю твоей семьи, и посчитал, что тебе не понравится моя связь с Землянкой.

– Старый ты дуралей! Моя жизнь – это моя жизнь, и она никакого отношения не имеет к твоей. Обещай, что сразу же по возвращению домой, ты мне представишь жену и сына!

– Ладно, обещаю! И давай уже усаживайся. Пора взлетать.

Таня замерла в кресле в ожидании начала полета. Ей представлялось, что вот сейчас она полетит, словно птица, но, к ее разочарованию, ничего подобного не случилось. Она ощутила лишь легкую вибрацию, а затем, какая-то неведомая сила вдавила ее тело в кресло. Появилось неприятное ощущение легкого головокружения, и, на короткое время, заложило уши. Потом все эти ощущения пропали. Осталась лишь почти неощутимая вибрация. Девочка обратилась к сидящей в соседнем кресле Дите.

– Ну, и когда же мы полетим?

– Так мы уже летим, Таня!– С добродушной улыбкой ответила Дита.

– Как летим? А почему же я ничего не почувствовала? Я думала, что увижу землю внизу, а мы сидим и ничего не замечаем.

– Можешь выглянуть вот в это окошко, но, боюсь, и это тебе не поможет. Сейчас ночь, и что-либо рассмотреть внизу, скорее всего, не получится.

Таня прильнула к иллюминатору, пытаясь рассмотреть что-либо за бортом. Она тщетно напрягала глаза, но так и ничего не смогла рассмотреть. Ожидание чего-то волшебного исчезло. Девочка разочарованно вздохнула, и отвернулась от иллюминатора.

– Странно, – подумала она, – вот я лечу, но ничегошень-

ки интересного не происходит. Даже нечего будет рассказать маме и Филиппу.

Так, погрузившись в собственные размышления, Тания не заметила, как прошло время. А между тем, флайер, зависнув на мгновение в воздухе, стал снижаться с выключенными огнями. Мерцил направил его строго в цент сада, примыкающего к Римской вилле Квинта, туда, где была, посыпанная мелким гравием, круглая площадка, окантованная мраморным бордюром. Как только посадочные опоры флайера коснулись поверхности, удивительным образом вся площадка начала опускаться вместе с ним вниз, под землю. Затем на маленьких колесиках, спрятанных в опорах, флайер скатился в просторное помещение с гладким, словно зеркало, полом, а площадка стала подниматься вверх до тех пор, пока не заняла своего прежнего положения в саду.

– Все, приехали! – Весело сообщил Мерцил. – Прошу всех на выход!

Дита слегка толкнула Танию.

– Вставай, ты уже дома!

– Как? – Воскликнула удивленная девочка. – Так быстро?

И что, я прямо сейчас увижусь с мамой и братом?

– Конечно, если только оторвешься от кресла, и выйдешь из корабля.

Девочка отстегнула ремень, и встав с кресла, вместе со всеми направилась на выход. Уже, когда она спустилась с трапа, ее догнал Мерцил. Взяв дочь за руку, он обратился к

ней:

– Вот что, Тания, ты уже большая, и я хотел попросить тебя кое о чем.

Девочка остановилась и бросила на отца вопросительный взгляд.

– Видишь ли, – продолжил Мерцил, я хотел просить тебя пока ничего не рассказывать маме о том, что ты узнала о самой себе.

– Но почему, папа? – Удивленно ответила Тания.

– Понимаешь, маме, в отличие от тебя, никогда не приходили видения из той или иной прошлой жизни. Подобные возрождения даны далеко не каждому человеку. Поэтому, я боюсь, что такая новость может напугать ее, и даже навредить ее физическому и психическому здоровью. Нужно как-то подготовить ее к тому, что ты у нас такая особенная, и только после этого мы все ей расскажем. Мона Иза пообещала поговорить с мамой и все ей деликатно объяснить. Ну как, договорились?

– И что, мне нельзя ей рассказывать вообще ничего о нашем путешествии? – Разочарованно спросила Тания.

– Нет, почему же! Ты можешь рассказать обо всем, исключая все то, что связано с твоими видениями, и вообще с Темис.

– Ну, хорошо, обещаю! – Нехотя ответила Тания. – Она все-равно будет расспрашивать меня, и я расскажу обо всех островах и городах, где мне довелось побывать. Хотя нет,

про Абидос я тоже ничего рассказывать не буду, а то она меня больше никуда не отпустит.

– Что же такого произошло в Абидосе, из-за чего ты не хочешь о нем говорить?

– Вот что, папа, ты попросил меня не рассказывать маме о тех переменах, которые произошли со мной. Я согласилась. Теперь же я прошу тебя, не спрашивать меня о том, почему я не хочу говорить об Абидосе.

Мерцила удивила подобная постановка вопроса, прозвучавшая из уст его двенадцатилетней дочери. Это несколько его обескуражило, а в мыслях промелькнуло:

– А девочка, действительно уже рассуждает, как умудренный опытом, взрослый человек. Просто предложение о подобной сделке от собственной дочери звучит несколько неожиданно, – вслух же добавил:

– Хорошо, Тания, я принимаю твое предложение. Будем считать, что мы договорились. Ну, а теперь пойдем к маме и Филиппу.

Мерцил взял дочь за руку и повел по длинному коридору, следом за всеми остальными. Коридор закончился в большом, едва освещенном зале с множеством прозрачных перегородок, за которыми видны были какие-то странные предметы, о назначении которых Тания не могла даже и догадываться. В конце зала начиналась короткая галерея, упирающаяся в лестницу с узкими каменными ступенями, за которой, в свою очередь был видна распахнутая дверь, откры-

вающая проход в следующее помещение. Миновав дверной проем, Тания, с удивлением для себя, обнаружила, что попала в хорошо ей знакомый винный погреб. Очувившись в знакомом месте, девочка освободила свою руку от руки отца, и рванулась вперед.

– Подожди, дочка, – крикнул ей вслед Мерцил, – сейчас глубокая ночь, и мама, скорее всего, спит. Не буди ее. И еще, не говори, что Вы с хозяином, Аврелием и Цилией, вернулись вместе со мной. Улетая за Вами, я сказал ей, что еду по хозяйственным делам в Тускулум, где, возможно, и заночую.

– Хорошо, папа! Я только взгляну на нее и брата. – Ответила Тания, выбегая во двор.

Глава 30

Это февральское утро в Риме выдалось пасмурным и прохладным. Особенно это ощущалось после африканского зноя на берегах Нила. Иза и Дита, кутаясь в теплые шерстяные палии, вошли в ксист, где, в ожидании Мерцила, расположились, поджав под себя ноги, на одной из мраморных скамей, устланной мягкими шелковыми подушками. Спустя несколько минут в ксист вошел и управляющий.

– Прошу прощения за опоздание, мона Изида, – извиняясь, вместо традиционного приветствия, сказал Мерцил, – я зашел к жене и попросил ее приготовить для Вас горячий завтрак.

– Спасибо, Мерцил, – ответила за Изу Дита, – это очень любезно с твоей стороны, и весьма кстати. Прошу тебя, при-

сживайся. Мы с мамой готовы выслушать тебя , и ответить на интересующие тебя вопросы.

Мерцил присел на соседнюю скамью, и несколько замедлившись, спросил:

– Мона Изида, вчера Вы сказали мне, что моя дочь изъявила желание подвергнуться достаточно сложной и, главное, совсем небезопасной процедуре стимуляции спящих зон головного мозга. Я хотел бы знать, насколько необходима, и оправдана эта мера, и нельзя ли обойтись без нее.

– Послушай, Мерцил, – медленно, как бы взвешивая каждое слово, начала говорить Иза, – причина, по которой все мы, в той или иной степени, поддержали решение Тании, заключена в том, что у нас, в случае восстановления у девочки памяти нашей подруги Темис, возможно появится шанс получить досье с компрометирующими документами на Корпус жизни. Если бы это стало возможным, то, обнародовав это досье, мы смогли бы нейтрализовать деятельность этой организации, и беспрепятственно провести намеченные нами мероприятия. Не скрою, я хоть и не специалист в области психофизической трансплантологии, тем не менее, вполне отдаю отчет, насколько опасна и рискованна для здоровья девочки эта процедура. Поэтому, лично я была против ее проведения, но твоя дочь настояла, и решение принято большинством голосов. Будем надеяться на успех и профессионализм Цилии.

– А если что-либо пойдет не так, или в памяти Вашей по-

други не окажется нужных Вам воспоминаний? Что тогда будет с моей дочерью?

– Я повторяю, Мерцил, здесь шансы пятьдесят на пятьдесят, и нам остается лишь уповать на удачу.

Управляющий опустил голову, и надолго задумался.

В то время, пока шел этот разговор, к двери, ведущей в ксис, с подносом в руках, подошла Зоя. Она поставила поднос на мраморную консоль для того, чтобы открыть дверь. Из ксиса слышны были голоса знатных гостей хозяйина. Женщина сначала не придавала им значения, но, когда услышала голос мужа, стала прислушиваться. Она поняла, что речь идет о ее дочери, и что ей может угрожать какая-то опасность. Зоя разволновалась, но, взяв в себя в руки, открыла дверь, и подойдя к гостям, поставила перед ними поднос с едой. Увидев вошедшую в ксис Зою, и Мерцил, и Иза умолкли. Иза вежливо поблагодарила Зою за завтрак, та же, опустив глаза вниз, чтобы не выдать своего волнения, кивнула в ответ, и уже собралась повернуться и уйти. Но от опытного взгляда Изы не ускользнуло внутреннее волнение женщины. Она остановила Зою, взяв ее за руку.

– Останься, прошу тебя, – ласковым голосом пригласила Иза, присядь рядом. Ведь ты Зоя – жена Мерцила?

– Да, госпожа, – тихо ответила женщина, густо краснея при этом, и не смея сесть рядом с матронами.

– Не называй меня госпожой, пожалуйста. Зови просто Изой, и, все-таки, присядь.

Зоя, повинувшись приглашению Изы, присела на край скамьи.

– Мерцил, поздравляю тебя, – воскликнула Иза, – твоя жена красавица, каких мало.

Услышав комплимент из уст Изиды, Зоя еще сильнее покраснела, и, взглянув ей в глаза, поблагодарила за комплимент.

Обе женщины какое-то время оценивающе разглядывали друг друга. Паузу прервала Иза.

– Я вижу, ты чем-то взволнована. Если это из-за того, что твой муж здесь, с нами, то тебе не о чем беспокоиться. Ни я, ни моя дочь, не претендуем на Мерцила. Просто мы старые друзья, и, поскольку давно не виделись, накопилось много вопросов, на которые хотелось бы получить ответы.

Зоя набралась духу, и, не опуская глаз, ответила:

– Простите, Иза, не буду лукавить. Я действительно разволновалась, но мой муж здесь совершенно не причем. Я невольно подслушала обрывок Вашей беседы. Речь шла о Тании. Я поняла, что моей девочке что-то угрожает, и не допущу, чтобы Вы причинили ей какой-нибудь вред.

– Ну, раз ты все слышала, тогда давай поговорим начистоту. Мы с Дитой попытаемся тебе все объяснить. Мерцил, прошу тебя, оставь нас. Думаю, что женщины легче смогут понять друг друга, а ты, Зоя, двигайся поближе и укройся. Разговор будет долгий, и мне не хотелось бы, чтобы ты замерзла.

Иза бросила многозначительный взгляд на Мерцила. Он вежливо поклонился и вышел. Оставшись втроем, Иза под села поближе к Зое, накрыла ее краем своего палия, и дружески обняла за плечи.

– Зоя, – откашлявшись, начала она, – никто не собирается причинять вред твоей дочери, поверь мне. Я сама мать, и знаю, каково это, когда страдают собственные дети. Но, видишь ли, от этого решения Тании очень многое зависит для всех людей без исключения.

– Она же всего лишь ребенок. Что может зависеть от маленькой девочки?

– Тания не простая девочка. Я расскажу тебе одну древнюю историю, выслушав которую, я надеюсь, ты все поймешь. Скажи, Зоя, веришь ли ты в Богов? Если да, то кого из них ты считаешь больше всего?

– С тех пор, как я была захвачена Киликийскими пиратами и продана в рабство, я уже ни в кого, и ни во что не верю. Как могут всемогущие Боги допускать такое? Но раньше, до пиратского набега, я и верила, и поклонялась Олимпийским богам. Я родилась на острове Делос в Эгейском море. Родители мои происходили из очень древнего рода. Семья наша жила ни бедно, но и не богато. Мужчины пасли огромные стада коз и овец, а женщины ткали из их шерсти ткани, а из молока делали сыр, которые отец продавал купцам со всего света, заходившим в гавань нашего острова. В моей семье существовала традиция. Если первенцем оказывался маль-

чик, то он посвящался храму Апполона, а если девочка, то храму Артемиды (или Артемис, как ее называют в Эфесе по-другому). Я была старшим ребенком в семье, и, значит, с самого рождения, мое предназначение было стать жрицей храма, чем я очень гордилась. Когда мне исполнилось шестнадцать лет, мама повела меня в храм, который находился на другой стороне острова. Тогда она мне сказала, что я буду жрицей-хранительницей «звезды Оракула». Это древняя реликвия, хранившаяся в храме испокон веков. По преданию, когда-то, в те времена, когда боги спускались на Землю и жили среди людей, Артемиды, увидев с высоты олимпа наш остров, была им очарована. Причем настолько, что осталась жить здесь на долгие-долгие годы. Как говорят, она помогала, окружающим ее местным жителям, лечила их, обучала разным ремеслам, и всячески оберегала. За это люди построили для богини красивый, просторный дом. Когда же отец богов Зевс призвал ее вернуться на Олимп, Артемиды оставила одной девушке, которая воспитывалась в ее доме, «звезду Оракула», и завещала хранить ее до тех пор, пока не вернется либо она сама, или кто-либо из богов. В этой реликвии, как сказала Артемиды, заключена страшная сила, и, поэтому «звезда» ни при каких обстоятельствах не должна попасть в дурные руки. Из поколения в поколение жрицы хранили ее в храме, выстроенном на месте дома богини. Та девушка, ее воспитанница, стала первой из них.

Вскоре после этого, я прошла обряд посвящения и стала

жрицей. Произошло это за несколько месяцев до набега киликийцев. Они напали внезапно, убили всех мужчин, которые пытались защитить храм и всех нас, тех кто был в нем, а потом, разграбив храм и близлежащие дома, всех жриц (в том числе и меня), увели на свои корабли. Сначала они перевезли нас в Сицилию, где продали местному работорговцу, который, в свою очередь, отвез нас в Рим, где мы и были распроданы на невольничьем рынке. Мне еще повезло, ведь я попала в дом очень доброй матроны, которая относилась к своим рабыням, как к собственным дочерям. Здесь я повстречалась с Мерцилом. Ну, а дальше Вы сами все знаете. С тех пор я уже не верю в доброту богов, которые не могут защитить даже своих верных жрецов и жриц.

– А что же стало со священной реликвией? Она тоже была похищена пиратами?

– Нет, не думаю! «Звезда» хранилась в потайном месте, о котором не знали даже простые жрицы. Скорее всего, она и сейчас там.

– А ты сама, Зоя, видела ее?

– Конечно! Во время обряда посвящения, ее выносят из хранилища, и я, прикоснувшись к ней, поклялась, хранить ее до конца своих дней.

– Можешь рассказать нам, как она выглядела?

Зоя потупила взгляд, и отвела глаза в сторону.

– Простите, но я поклялась...

Видя замешательство женщины, до сих пор хранившей

верность данной когда-то клятве, Иза, многозначительно переглянувшись с Дитой, взяла со стола два серебряных блюда, которые Зоя принесла вместе с завтраком, и сложила их широкими частями.

– Только скажи, «звезда» похожа на это?

Зоя с удивлением и страхом взглянула на конструкцию, которую Иза держала в руках. Все тело ее пробила мелкая дрожь.

– Откуда Вы знаете? Вы тоже были жрицей Артемиды?

Иза нежно обняла Зою и прижала к себе.

– Нет, милая, я никогда не была жрицей, но я всегда была, и навсегда останусь, хоть это и звучит совершенно неправдоподобно, подругой и названной матерью нашей дорогой Артемис.

Услышав эти слова, женщина побледнела, глаза ее расширились до такой степени, что казалось, вот-вот выйдут из орбит. Она беспомощно переводила взгляд то на Изу, то на Диту.

– Да кто же Вы? – Дрожащим от страха и волнения голосом, спросила Зоя.

Иза, пытаясь хоть как-то успокоить женщину, еще крепче обняла ее.

– Ты не должна нас бояться. Мы - твои друзья, и не сделаем ничего плохого.

– Но ты сказала, что ты названная мать богини Артемис? Ты – богиня?

– Не совсем так, милая! Позволь мне все тебе объяснить! Я очень прошу тебя, всего лишь выслушать меня, и я уверена, что после этого ты все поймешь.

Я не богиня. Это люди решили, что мы Боги. На самом деле, мы такие же люди, как и все остальные. Мое имя – Изида, а это моя приемная дочь – Афродита.

Услышав, кто на самом деле находится рядом, Зоя едва не лишилась чувств. Дите с трудом удалось помочь ей прийти в себя.

– Ты хотела знать, что мы хотим сделать с твоей дочерью? Так слушай! Как ты считаешь, могут ли души умерших вселяться в живых людей?

– Я не знаю. Это доступно только Богам.

– То есть ты не отрицаешь такую возможность? Тогда постарайся понять. Твой род берет свое начало от Богини Артемис, которая действительно долгое время жила на твоём родном острове. Там у неё родилась дочь. Артемис тщательно скрывала от всех, что девочка, которую она, якобы взяла на воспитание – её родная дочь. Когда Артемис узнала, что на Земле появились злые люди, несшие бедствия не только для всего рода человеческого, но и вообще для всего живого на Земле, она вступила с ними в непримиримую борьбу. Темис (так мы звали её по-домашнему) удалось собрать неоспоримые доказательства этой античеловеческой деятельности, для того, чтобы, предъявив их Зевсу и другим Олимпийским богам, призвать их навсегда покончить с этими людьми. Об

этом узнали враги, которые решили уничтожить Артемис вместе с ее документами. И, надо признать, им это удалось. Мы – самые близкие друзья, долгие годы оплакивали ее, считая мертвой, но совсем недавно, совершенно случайно узнали, что душа погибшей богини, двенадцать лет назад была перенесена в маленькую новорожденную девочку, являющуюся прямым потомком Артемис. И эта девочка – твоя дочь Тания. По мере взросления, к ней возвращается память Артемис. Это означает то, что когда к Тание полностью вернется память ее прошлой жизни, она сможет указать место, где находится тайник с этим документом. Узнав, что есть способ ускорить процесс воспоминания, твоя дочь изъявила желание подвергнуться этой процедуре. Я была против, но девочка настояла на своем. Но сейчас, услышав твою историю, возможно нам не придется этого делать. Ответь, Зоя, если бы у тебя была такая возможность, хотелось бы тебе посетить родные места?

– Все пятнадцать лет, я мечтала об этом. Ведь, может быть, там до сих пор живут мои родители. Наш дом находился на противоположенной стороне острова, и, возможно киликийцы туда не добрались. Часто по ночам, я представляю, как они живут там, не переставая оплакивать свою пропавшую дочь – то есть меня.

– Мы можем помочь тебе посетить Делос, но ты так же должна помочь нам. Нам нужна "звезда оракула". Возможно -это и есть досье Артемис. Если это окажется не так, я

клянусь, что верну ее в храм. Так как, ты согласна? Если ты согласишься нам помочь, и "звезда" окажется интересующим нас документом, то не останется никакой необходимости подвергать твою дочь рискованной операции.

– Я уже сказала, что ради своей дочери готова на все, даже на клятвопреступление! Если есть хоть что-нибудь, что может избавить мою девочку от страданий, я готова это выполнить, тем более в завещание Артемис было ясно сказано – отдать "звезду оракула" либо ей самой, либо кому-нибудь из богов, которые могут прийти за ней. Я приведу Вас к тайнику, и отдам "звезду".

– Будем считать, что мы договорились. Есть только еще одна маленькая просьба. Никто из посторонних не должен знать ни о содержании нашего разговора, ни о том, кто мы с дочкой на самом деле. Дело в том, что и за мною охотятся те же люди, поскольку я так же являюсь носителем другой, не менее важной тайны, которую они очень хотели бы получить в свои руки.

– Я буду нема, как рыба. Обещаю!

Глава 31

– Мы не можем быть уверенными, что эта "звезда оракула" и есть досье Темис. Я считаю, что отправляться на маленький островок, где все жители знают друг друга, весьма опасно. Тем более, Иза, что Вы хотите похитить священную реликвию.

– Перестань, Квинт! Что касается артефакта? Мы с тобой

прекрасно знали Темис. Она была взбалмошной, но, в то же время, весьма расчетливой. Темис вполне осознавала, какому риску подвергается, пытаясь прорваться с документом на Гею. Я не сомневаюсь, что она подстраховалась перед вылетом и сделала одну, а возможно, и несколько копий досье. Не даром она сказала, что в этом предмете заключена страшная сила. Что касается Зои, она сказала, что пираты увезли с острова всех жриц, а это значит, что никто из тех девушек, которые стали жрицами после набега, не знает ни как выглядит этот предмет, ни, тем более, где он спрятан. Зоя прекрасно ориентируется в храме, и сможет незаметно для окружающих извлечь артефакт и вынести его из храма.

– А что, если ее узнают? Прошло всего пятнадцать лет, и скорее всего на острове и ныне живет множество людей, которые помнят ее.

– Тогда Зое было шестнадцать, а сейчас она взрослая тридцатилетняя женщина. Не думаю, что за истекшие годы она совсем не изменилась, но если дело только в этом, я могу придать ее внешности неузнаваемый вид, так, что даже родная мать не узнает в ней свою дочь.

– Предположим, что это у тебя получится, но есть еще одна загвоздка. Каким образом ты намеренна попасть на Делос. Островок слишком маленький и густонаселенный, так что флайер отпадает.

– Можно, так же, как и для моей поездки в Иудею, использовать подводный катер Луция. Я наводила у него справки

по поводу скорости катера в подводном положении. Луций сказал, что при необходимости, можно развить до трехсот километров в час. С такой скоростью мы доберемся до Делоса не более, чем за двое суток.

– Иза, у тебя на все есть готовый ответ, но ты не учитываешь, что у Зои есть маленький ребенок, и она ни за что не захочет расстаться с ним ни на минуту.

– В чем проблема? Мы возьмем детей с собой. Для Тании эта поездка будет полезной вдвойне. Во-первых, она побывает на родине своей матери, о чем она так мечтала, а во-вторых, может быть пребывание в месте, где долгие годы провела Темис, навевет ей определенные воспоминания.

– А Мерцил? Что он думает по этому поводу?

– Я пока с ним не говорила на эту тему, но, если все его семейство соберется в путь, у него не останется выбора, как присоединиться. Надеюсь, ты не будешь против того, чтобы твой управляющий немного развеялся с семьей в приятном путешествии?

– Что ты намеренна делать, если артефакт окажется искомым досье?

– Отправлю к Парнасу кого-нибудь, кто не вызывает подозрения у Магистрата. Например, твоего Аврелия или, того же, Мерцила, но, предварительно, как и Темис, сделаю копию, на непредвиденный случай. А потом, с легким сердцем, я смогу перейти к своей главной миссии в Иудее.

– То есть, если я правильно понял, с Делоса ты собира-

ешься отправиться в Иудею, не возвращаясь в Рим?

– Ну да! А зачем мне возвращаться? Время дорого, и нужно ценить каждое его мгновение, дорогой Квинт.

– Но для этого нужно подготовить почву в Иудее, договориться с Тобием, с Захарией.

– Аврелий уже связался с Мельхиором, и я думаю, что за то время, пока мы дожидаемся возвращения Луция, он все уладит с иудеями. Кстати, Дита тоже едет со мной. Мы решили, что будет правильнее, понаблюдать за обеими пациентами. Цилия же, займется здесь подготовкой оборудования, которое мы доставим на место уже ближе к проведению операции, а все, что нам с Дитой понадобится для диагностики, Цилия уже подготовила.

– Не перестаю тобой восхищаться, Иза! Везде, где бы ты не появилась, тут же начинается развиваться кипучая деятельность!

– А как же иначе! Не забывай, кто сейчас рядом с тобой – всемогущая богиня Изида и, одновременно, бывший секретарь Высшего планетарного совета Геи! – Расхохотавшись, ответила на комплимент Квинта Иза.

Неделя, прошедшая с момента этого разговора в таблинуме Квинта, пролетела незаметно, в подготовительных работах, и вот, в один прекрасный день, в атриуме особняка, наконец, появился вечно улыбающийся Луций. Едва переступив порог дома, он услышал от вездесущей Тании о готовящемся новом путешествии, чему безмерно обрадовался.

– Отлично, подружка! – Воскликнул он в ответ на сообщение девочки, подхватив ее на руки, и подкинув высоко вверх. – Значит нас ждут великие дела, и новые приключения! Пойду к хозяину, узнаю, когда отправляемся.

Луций опустил Танию на пол, и широкими шагами направился в таблинум Квинта. Там он застал хозяина дома в компании Изы и Мерцила. Увидев Луция, Иза, обрадовано воскликнула:

– Ну, наконец-то! Мы тебя уже заждались!

– Я торопился, как только мог, словно чувствовал, что здесь опять что-то затевается.

– Как все прошло? – поинтересовался Квинт.

– Все, как и было задумано! Я встречался с Валтасаром. Он очень обеспокоен решением наших очаровательных гостей остаться на Земле. В связи с этим он навел некоторые справки у сотрудников Корпуса(естественно не вслух, а влезая в их мозги). Пока ничего, что свидетельствовало бы об информации относительно маны Изы и маны Диты им не обнаружено. Но, тем не менее, он очень просил, чтобы они были крайне осмотрительны.

– Валтасар может не беспокоиться, мы приняли меры, чтобы не обнаружить себя раньше времени. – Ответила Иза.

– Итак, куда мы держим путь на сей раз? Тания мне уже успела доложить о подготовке к новому путешествию.

– Подсаживайся! – Пригласил Квинт. – Мы, как раз сейчас обсуждаем это. Скажи, Луций, ты свой катер оставил, как

обычно, в Помпеях?

– Ну да! А где же еще? Сюда я примчался верхом.

– Дело в том, что нам необходимо воспользоваться им для доставки Мерцила с его семьей на остров Делос, а затем – для переброски моны Изы и Моны Диты в Иудею.

– Не вопрос! Я всегда готов! Только сначала необходимо добраться до Помпей. Если бы дело касалось только Мерцила и его близких, то не было бы никаких проблем. Они могли бы доехать до Помпей в повозке, но, поскольку речь идет еще и о наших гостях, то этот вариант не годится. У меня есть предложение. Воспользуемся флайером, который высадит нас где-нибудь в районе Везувия. Оттуда рукой подать до грота, где я держу катер. Благо, погоды пока стоят пасмурные, и низкая облачность поможет сделать перелет незаметным для окружающих.

– Хорошее предложение! Но кто будет пилотировать флайер? Ведь его нужно будет вернуть сюда.

– Надеюсь, Аврелий справится!

– А кто же тогда, в случае успеха на Делосе, отправится на Гею? – спросила Иза

В воздухе повисла пауза.

– Я могу. – Ответил Мерцил. – Ни у кого не вызовет никаких подозрений, что профессор отправил меня с каким-либо поручением, или с очередным отчетом, на Гею. Тем более, я лично знаком с амоном Парнасом, и хорошо знаю, где его найти.

– Прекрасно! – Воскликнула Иза. – Только, как же твоя семья?

– Надеюсь, Луций доставит их в Помпеи в целости и сохранности. Пусть они поживут там до моего возвращения.

– Что ж, коллеги, – сказал Квинт, вставая из-за стола, – раз мы все решили, то завтра ночью, если погода будет нам благоприятствовать, отправляйтесь. Я же, в Ваше отсутствие, займусь делами государственными. Как никак, я римский сенатор, да и пора нанести визит "божественному", а то еще подумает, что я пренебрегаю своим императором. Все, идите пакуйте вещи!

Глава 32

Уже который раз катер, не всплывая на поверхность, курсировал вокруг острова. Луций, сидя перед монитором, напряженно вглядываясь в береговую линию, искал подходящее для высадки место, что само по себе было не просто на крошечном, хоть и не густонаселенном острове. О высадке в районе гавани не могло быть и речи. Здесь повсюду сновали многочисленные лодки и суда, привозившие паломников, на поклонение в полуразрушенные почти девяносто лет назад, храмы греческих богов. В других же местах берег представлял из себя сплошные скалы.

– Что будем делать? – Обратился к Луцию, сидящий в соседнем с ним кресле, Мерцил

– Если и в этот раз не найдем, что-либо подходящее, придется рисковать.

– Ты это о чем?

– Дождемся темноты, зайдем в порт и под покровом ночи осуществим высадку.

В разговор вмешалась Иза.

– Как ты себе это представляешь? Положим, тебе удастся всплыть, незаметно для местных, но каким образом мы сойдем на берег? Не забывай, с нами дети!

– У меня на борту есть надувной спасательный плот. Можно воспользоваться им.

– Эта ярко оранжевая штука, к тому же люменисцирующая в темноте, тут же привлечет чье-либо внимание. Это не годится. Нужно искать другой способ.

– Так мы можем кружить вокруг острова до бесконечности. – Раздраженно ответил Луций. – Может быть, Зоя знает какое-нибудь подходящее место? Иза, спроси у нее.

Иза встала со своего места и через узкий проем, отделяющий рубку от салона, прошла в него. В салоне, расположившись на раскладном ложе, спала Зоя, прижав к себе маленького Филиппа. Рядом Тания о чем-то шепотом беседовала с Дитой.

– Луций никак не может найти место для высадки на берег, – так же шепотом сообщила Иза. Он просил узнать, не сможет ли Зоя подсказать, где такое место найти. Жаль будить ее. Она, наконец, смогла успокоиться после перенесенного стресса от полета на флайере и от нашего катера.

– Я разбужу маму, мона Иза. – Отозвалась Тания.

Девочка легонько несколько раз потянула Зою за руку. Зоя открыла глаза и улыбнулась, увидев склонившуюся над ней дочь.

– Мама, – прошептала девочка, – Луцию нужна твоя помощь. Не могла бы ты подсказать ему, где нам лучше всего выбраться на берег? Ты ведь выросла здесь, и, наверное, знаешь каждый камень на острове.

Женщина, утвердительно кивнув головой, осторожно, чтобы не разбудить сына, встала с ложа, и прошла вслед за Изой в рубку. Луций, увидев ее, поприветствовал, и предложил присесть в соседнее кресло.

– Мона Зоя, посмотрите сюда, – указывая на экран монитора, попросил Луций, – Вы узнаете эти места?

– Да, узнаю, – ответила женщина, вглядываясь в береговой ландшафт. – Это скалы, неподалеку от порта. Я в детстве часто приходила сюда посмотреть на корабли. Здесь мы не сможем выйти на берег.

– А где сможем, мона Зоя?

– Нам нужно на другую сторону бухты, туда, где находится храм Аполлона.

– Но мы внимательно осмотрели берег с той стороны, и ничего не обнаружили.

– Слушайте меня, раз просили помочь.

– Давай, Луций, разворачивайся, – потребовала Иза, – кому, как не Зое знать, где может быть то, что нам нужно.

Луций, пожав плечами, повернул штурвал на разворот.

– Воля Ваша, мона Иза. Давайте посмотрим, что там есть. Катер пересек бухту, и, обогнув ее с запада, медленно продолжал двигаться вдоль берега.

– Вот здесь! – Воскликнула Зоя. – Поворачивайте к берегу!

– Но там сплошная отвесная стена! – Возразил Луций.

– Поворачивайте, и сейчас сами увидите! – Продолжала настаивать Зоя.

– Луций переложил штурвал в направлении берега и повел катер на самом малом ходу, чтобы избежать столкновения с подводной скалой. Подойдя к берегу на расстояние не более десяти метров, он обнаружил узкий проход между скал. Катер, едва не цепляя за острые каменные выступы, прошел через эту расщелину, и очутился в небольшом гроте. Луций осмотрел стены грота, и, не заметив ничего подозрительного, поднял катер на поверхность.

– Здесь есть лестница, вырубленная в скале, которая приведет нас к храму Апполона. – Сообщила Зоя. – В детстве мы часто бегали сюда купаться. Здесь даже в сильный шторм, всегда спокойно. Скалы надежно охраняют покой. Когда-то, в незапамятные времена, наши предки вырубили в скале эту лестницу на случай спасения от внезапного нападения на остров врагов. Раньше здесь всегда стояло несколько лодок, но сейчас про это место все давно забыли. Тут очень глубоко, так что можно подплыть прямо к берегу.

Луций подвел катер к берегу, остановил двигатель, и,

сбросил на берег трап, который упершись в камень острыми шипами, надежно зафиксировал катер.

Остров, привлекал к себе массу паломников, приплывавших сюда на поклонение богам, многочисленные храмы которых располагались по всей небольшой территории островка. Во время Митридатовой войны, большинство построек были разрушены и сожжены, а из почти двадцатитысячного населения осталось не более четырех сотен человек, которым удалось спастись от завоевателей. С тех пор население островка не только не увеличилось, но и стремительно уменьшалось. О былом великолепии напоминали лишь чудом уцелевшие храмы Апполона и Артемиды да массы паломников, прибывающие на остров по старой памяти.

По вымощенной булыжником дороге, уже местами заросшей густой травой, шла женщина с маленьким ребенком на руках. Рядом, озираясь по сторонам, шагала девочка-подросток. Они, слившись с другими паломниками, шли от храма Апполона к храму Артемиды. На женщине была накидка, полностью скрывающая ее лицо, из полупрозрачной ткани, какие обычно носили женщины на востоке, предохраняя голову от палящих солнечных лучей. Подойдя к храму, женщина опустила ребенка на землю, и, взяв за руки обоих детей, прошла вовнутрь. Здесь она с детьми отделилась от остальных паломников, и, пройдя на середину зала, остановилась перед мраморной статуей богини. Даже сквозь на-

кидку было видно, что женщина плачет, молча глотая слезы. Девочка же, широко раскрыв глаза, рассматривала статую.

– Эта – настоящая! – Неожиданно произнесла девочка. – Она совсем не такая, как в Александрии!

– Ты что-то сказала? – Тихо спросила женщина, отрываясь от своих переживаний.

– Я говорю, что это настоящая Артемис, мама. Она совсем не похожа на ту, которую мы с Цилией видели в Александрийском храме.

– Как же иначе, доченька, ведь богиня провела долгие годы на острове, и древний мастер, который ваял эту статую, вне всякого сомнения, неоднократно с нею встречался.

Зоя (а это была именно она) подняла глаза на статую, и взглянула ей в лицо. Все ее тело, как будто прошило молнией.

– О боги, – подумала Зоя, – Она и Тания похожи, как две капли воды. Неужели то, что мне рассказала Иза – правда?

Оправившись от шока, Зоя наклонилась к дочери, и прошептала:

– Мне пора. Стой здесь, и держи Филиппа. Я постараюсь быстро. Если вдруг поднимется шум, и меня поймают, забери брата и беги к Изе. За меня не бойся. Я знаю, что сказать, если меня схватят. И не вздумай поднимать оружие. Ты поняла меня?

– Да, мама, я все поняла, и все сделаю, как ты просишь. Зоя поцеловала детей, и, не оборачиваясь, прошла вглубь

храма. Обойдя статую богини, она, осмотревшись по сторонам, и убедившись, что рядом нет ни паломников, ни жриц, надавила на плиту в основании постамента, на котором была установлена статуя. Плита повернулась, открывая узкий проход. Зоя протиснулась в него, и дальше двигаясь на ощупь, спустилась вниз по лестнице из нескольких ступеней. Ощупав стены, она сделала несколько шагов вперед, где уперлась в мраморный стол. Далее, Зоя сдвинула в сторону часть мраморной столешницы, и, в открывшемся углублении, нащупала заветный предмет. Она бережно спрятала реликвию под складками платья, при этом мысленно прося прощения у богини. Аккуратно вернув столешницу на место, Зоя быстро пошла обратно. Дойдя до прохода, она выглянула наружу. К счастью рядом никого не оказалось. Зоя покинула тайник, и, повторно нажав на плиту, все вернула к первоначальному виду. Сердце ее бешено колотилось. Несколько раз глубоко вздохнув, чтобы успокоить его, Зоя медленно, чтобы не привлекать к себе внимания, вышла из-за статуи и вернулась к детям.

– Пошли, – шепнула она дочери, – она у меня.

Они вышли из храма, и, в этот самый момент, ни секундой раньше или позже, из, набежавшей неизвестно откуда тучи, сверкнула молния, раздался раскат грома, и хлынул ливень. Но стоило Зое с детьми вступить на ступени, ведущие из храма к дороге, снова из-за тучи выглянуло солнце, а дождь, так внезапно начавшийся, так же внезапно прекратился.

– Это знак богов! – Воскликнула Зоя. – Я не нарушила священной клятвы, а лишь выполнила последнюю волю Артемиды, и боги благословили меня.

Взяв мальчика на руки, Зоя быстрым шагом пошла в обратном направлении. Тания, еще раз оглянувшись на храм, последовала за матерью.

Иза, заламывая руки, нетерпеливо мерила шагами узкую площадку грота, а Дита, уже который раз пыталась ее успокоить.

– Ну почему так долго? – Вырвалось у Изы. – Неужели что-то случилось? Зачем я послушала Вас, отпустив Зою с детьми одних?

– Мама, перестань! Прошло еще совсем немного времени. Они просто не могли за это время пройти от одного храма до другого. Успокойся и жди. Я уверена, они скоро вернуться.

Томительно долго тянулись минуты. Иза вновь поднялась на ноги и стала ходить взад-вперед.

– Они здесь! – Откуда-то сверху, оттуда, где лестница выходила на поверхность, раздался радостный голос Мерцила.

Женщины подбежали к лестнице, и с нетерпением стали дожидаться Зою с детьми. Когда же они появились, медленно спускающиеся по узким, скользким ступеням, Иза не удержалась и голосом, полным волнения спросила:

– Ну что, удалось?

– Да, мона Иза, вот она! – Доставая из-под платья арте-

факт, Зоя протянула его Изе.

Иза, с благоговением приняла «звезду» из рук Зои.

– Спасибо тебе, Зоя! Ты не представляешь себе, что ты сделала для нас! Пойдемте на борт, и посмотрим, то ли это, что мы искали, – с дрожью в голосе предложила Иза.

– Я лишь исполнила волю Артемиды, и до конца исполнила свой долг жрицы-хранительницы. Боги подтвердили это, подав мне знак. Теперь я по настоящему свободна, и мысли о клятвопреступлении больше не будут терзать меня. Это не Вы меня, а я Вас должна благодарить за то, что благодаря Вам на мне больше нет груза, тяготившего мою душу все эти пятнадцать долгих лет.

Иза бережно опустила артефакт в приемник на панели управления. Некоторое время ничего не происходило, лишь индикатор, прерывисто вспыхивая, указывал на то, что идет процесс считывания информации. Все, собравшись перед экраном, ждали, затаив дыхание. Наконец индикатор погас, и, одновременно вспыхнул экран. С экрана смотрело сосредоточенное лицо Темис. Подняв глаза, и убедившись, что идет запись, Темис зачитала свое обращение:

– Я, Темис Нори, историк-исследователь Наблюдательного совета Пояса жизни, обращаюсь к тому, в чьи руки попал этот журнал, в котором мною собраны материалы, свидетельствующие о противозаконной, антигуманной и античеловеческой деятельности организации под названием Кор-

пус жизни, направленной на уничтожение местных населений ряда планет Пояса, их замещения генномодифицированными особями, способными только выполнять тяжелую, не требующую интеллектуальных способностей, работу, с последующей колонизацией этих планет своими последователями. Здесь представлены видеоотчеты заседаний Магистрата, а так же документы и директивы, которые на них принимались в течение нескольких сотен лет. Кроме того Вы найдете тут отчеты местных лабораторий, в которых производились генные опыты над живыми людьми, животными и разумными представителями негуманоидных рас с некоторых планет Пояса жизни, а так же опытные образцы, полученные в результате этих жутких экспериментов.

Обращаюсь к Вам с настоятельной просьбой, передать этот журнал в руки кого-либо из следующих лиц:

Орек Парнас, Зейвс Савоас, Изида Ривис, Ауродита Ми-хиас, Грифт Аркус, или, в случае невозможности, кому-либо из участников Первой Внутригалактической экспедиции, либо Председателю Высшего планетарного совета Геи или руководителю комиссии по расследованиям при Высшем совете. От того, сделаете Вы это или нет, зависят жизни миллиардов мыслящих существ, населяющих планеты Пояса жизни.

Благодарю Вас за внимание!

Изображение Темис исчезло с экрана, и далее последовало представление тех материалов, о которых сообщила Те-

мис, и от которых волосы становились дыбом.

Закончив просмотр, Иза и Дита, не пытаясь скрыть слез, обнялись, и включили повтор записи, чтобы еще раз увидеть свою подругу, донесшую сквозь века до них свое послание. Когда начался повтор обращения Темис, Танию, так же присутствующую при просмотре неожиданно пронзила страшная головная боль. Она со стоном, как когда-то в храме Артемис в Александрии, схватилась за голову и на какое-то время потеряла сознание. Когда же сознание вернулось, она увидела себя, сидящей в рубке флайера, рядом с пилотом.

– Они догоняют нас! – Крикнул кто-то рядом. – Нужно выходить из гипера!

– Еще рано! У нас может не хватить энергии для прохода зоны перехода! – Ответила она своему невидимому собеседнику. – Сколько осталось до расчетной точки? – Обращаясь к пилоту, спросила Она.

– Меньше минуты, мона Темис!

– Как думаешь, дотянем?

– А у нас есть выбор?

– Темис, они открыли орудийные порты!

– Ну, Норм, сколько еще? – Не обращая внимания на сообщение, продолжала спрашивать Темис.

– Пятнадцать секунд, десять секунд, пять секунд. Все! Переход!

Яркая вспышка озарила пространство вокруг флайера, и Темис увидела черное небо с яркими точками звезд, разбро-

санными на нем, и еще планету в легкой дымке атмосферы.

– Успели! – Промелькнуло у нее в голове, но тут же сильнейший взрыв сотряс весь флаейр. От неожиданности Темис едва не задохнулась. Она попыталась сделать глубокий вдох, но воздуха не оказалось. Последнее, что она ощутила, это шипящий звук, выходящего через трещины обшивки, воздуха, затем еще один взрыв и все...

Тело Тании содрогнулось. От ужаса видения, пронесшегося в ее сознании, девочка закричала, продолжая держаться за голову. Бросив просмотр, к ней устремились Зоя, Иза и Дита.

– Тания, детка, что с тобой? – наперебой кричали женщины.

Девочка, будто никого не слыша, продолжала кричать. Затем, сделав глубокий вздох, крик ее перешел в истощный плач. Девочка открыла глаза, и увидев встревоженные лица, окружающих ее близких людей, бросилась в объятия к Изе и, пытаясь говорить более или менее внятно, сказала:

– Иза, я вспомнила, я все вспомнила. Они убили Темис, и я клянусь, что не успокоюсь, пока не отомщу!

Глава 33

Ну, все, – с облегчением сказала Дита, выходя из катера на берег, где ее с нетерпением ждали все остальные, – она заснула.

– Скажите мне, Дита, что с моей дочерью? – Вытирая слезы, спросила Зоя.

– Не волнуйся, с твоей девочкой все в порядке. Просто просмотр шокирующих материалов вызвал у нее спонтанную синхронизацию спящих зон головного мозга.

Дита на мгновение запнулась, осознавая, что Зоя ничего не поняла из сказанного ею.

– Прости, Зоя, я забыла... Я попробую объяснить тебе все простыми словами. У Тании, под впечатлением от просмотра послания Артемис, пробудилась память ее прошлой жизни, то есть ровно то, что мы с Цилией хотели вызвать искусственным путем. Она вспомнила, как погибла Темис, то есть она сама. Это вызвало у девочки такую бурную реакцию. Обычно такое происходит в гораздо более зрелом возрасте, и, как правило, обходится без подобных последствий. Все события, произошедшие с Танией за последние несколько месяцев, ускорили этот процесс. Учитывая неокрепшую детскую психику, она держалась молодцом, и теперь ей больше ничего подобного не угрожает. Я дала ей успокоительное средство, и она уснула, а когда проснется, то будет совершенно здорова. Тебе совершенно не о чем беспокоиться, поверь мне.

– Я верю! Спасибо тебе! – Вытирая слезы, ответила Зоя.

– Что ж, раз все обошлось, нам нужно подумать, каким образом завершить дело, начатое Темис. – Задумчиво произнесла Иза. – Я имею ввиду, доставку досье на Гею.

– Мы можем вернуться в Рим, и кто-нибудь из нас, воспользовавшись флайером, доставит его по назначению. –

Предложил Луций.

– Нет, так мы потеряем массу времени. – Возразила Иза. – Мы ведь уже обсуждали это. Прямо отсюда ты должен доставить нас с Дитой в Иудею.

– Тогда у меня есть другое предложение, – продолжил Луций. – У меня есть крылья, ну, то есть, антигравиплан. По прямой здесь не так уж далеко до Рима. Можно долететь за несколько часов. Правда, погода не самая комфортная для полета, но это не смертельно.

Иза умоляющим взглядом посмотрела на Мерцила. Тот, в свою очередь, ответил ей, понимающим взглядом, а вслух сказал:

– Давай свои крылья, Луций. Этот полет предназначен для меня.

Зоя испугано посмотрела на мужа, и совсем растерянным голосом пробормотала.

– Не покидай нас! Я очень боюсь оставаться одна. Вдруг ты не вернешься, как мы тогда будем жить?

– Не бойся, Зоя, я очень скоро вернусь, – нежно обнимая жену, ответил Мерцил, – а пока меня не будет, ты с детьми поживешь на вилле у Луция, в Помпеях. Вспомни, я ведь очень часто уезжал по делам, и иногда мои поездки затягивались на несколько дней, но я всегда возвращался к тебе. Вернусь и в этот раз.

– Ну, раз это необходимо, лети, и возвращайся поскорее. Но прежде, чем ты улетишь, я хотела бы обратиться с прось-

бой к мене Изиде.

– Проси, что хочешь, я выполню любую твою просьбу, Зоя. – Ответила Иза.

– Я хочу попросить Вас, пока мы не покинули остров, позволить мне навестить дом моих родителей. Ведь, возможно живы они и мои братья и сестры.

– Ну, конечно же, дорогая! Как я могла забыть! Ведь ты попала на родную землю после стольких лет, проведенных на чужбине. Я готова сопровождать тебя, если позволишь!

– Спасибо, мона Иза, – за жену ответил Мерцил, – но с Зоей пойду я, а Вы, если Вас не затруднит, присмотрите за нашими детьми. Мы постараемся быстро.

– Весь недолгий путь через остров, Зоя шла с надеждой обнять своих близких, но, по мере приближения к родному дому надежда эта бесследно растаяла. На месте дома не осталось даже пепелища. Только разбросанные повсюду камни, которые некогда были стенами построек, напоминали о том, что когда-то здесь кипела жизнь и жили люди. Зоя забилась в рыданиях. Мерцил обнял ее, и, как мог, утешал. Из хижины, кое-как сложенной из груды камней, стоящей неподалеку, на звук плача, вышла сгорбленная старуха. С трудом передвигая ноги, опираясь на посох, она подошла к Мерцилу и Зое.

– О чем ты плачешь, милая? Кто ты, и что привело тебя сюда? – спросила она.

– Здесь когда-то жили мои родители, бабушка, – сквозь

слезы ответила Зоя.

– Да кто же ты? Я знала всех детей своих соседей!

– Я Зоя – старшая дочь.

– Хвала богам, ты жива, а мы считали, что всех жриц Артемиды погубили разбойники.

– А мои родители, что стало с ними?

– Пойдем со мной, деточка. Я отведу тебя к ним.

Старуха заковыляла в сторону моря. Зоя с Мерцилом пошли вслед за ней. Около двух больших камней женщина остановилась.

– Здесь они, рядом лежат. Отца твоего убили пираты в тот день, когда ты пропала, а мать, не перенеся горя, умерла вскоре. Мы, кто остался тогда в живых, как смогли, похоронили их по нашим обычаям.

– А братья, сестры, что стало с ними?

– Живы, милая. Тогда были живы, а сейчас не знаю. После смерти матери, они покинули остров. Куда, не знаю. Больше я никого из них никогда не видела.

Зоя, заливаясь слезами, прильнула к холодным камням. Старуха, вздохнув, побрела прочь, бормоча проклятия в адрес киликийцев, разрушивших мирную жизнь счастливых семей последних островитян.

Дав жене выплакаться, Мерцил поднял ее на ноги.

– Пойдем, милая! Нам пора. Скоро стемнеет, и дети ждут.

Зоя, повинувшись мужу, вытерла слезы, и, поддерживаемая им за плечи, пошла рядом.

По красным, опухшим от слез глазам Зои, всем стало понятно, что какие-либо расспросы будут неуместны. Иза, нежно обняв женщину, повела ее в салон.

– Пойдем, Зоя, тебе нужно отдохнуть. Приляг рядом с детьми и успокойся. Твоих родителей уже не вернуть, но у тебя есть дети, и ты должна жить ради них и радоваться жизни.

Зоя присела на край ложа, и, печально улыбнувшись, посмотрела на спящих детей.

– Ты, могущественная богиня Изида, – обратилась она к Изе, – ответь мне, почему боги так безжалостны и несправедливы? Почему позволяют одним людям отнимать жизни других? Почему допускают разрушение святынь и счастливых семей?

– Боги тут совершенно не причем, милая Зоя! Не богов нужно винить во всех бедах, а людей, презревших человеческие законы, их алчность, жестокость и безразличие к чужой боли. Ты ведь сама была жрицей Артемис, и, несмотря ни на что, через годы и страдания пронесла верность клятве, которую дала ей, до конца исполнив свой долг, и выполнив последнюю волю ее. Ты своими глазами видела, ради чего Темис пожертвовала своей жизнью. Она отдала самое дорогое, что есть у человека, ради спасения всех людей, живущих в этом мире. Видишь, и боги смертны, но умерев за справедливость, дух Артемис возродился в твоей дочери. Не каждо-

му смертному дано такое, и, значит та жертва, которую принесла Артемис, была не напрасной.

Живи, люби, расти детей, борись за свое и их счастье.

Зоя вновь залилась слезами, прильнув к груди Изы, словно ребенок, ищущий защиты у матери.

– Я буду жить, – сказала она, – жить так, чтобы ни мои дети, ни дети их детей, никогда не знали горя и слез. Обещаю тебе, и спасибо.

Иза, оставив Зою в салоне рядом с детьми, вышла и по трапу сошла на берег.

– Как она? – спросил взволнованный Мерцил.

– Все хорошо. Зоя успокоилась и заснула. Сон – сейчас для нее самое лучшее лекарство. Однако нам пора заняться делами насущными. Вот, держи, – извлекая из-под платья «звезду оракула», сказала Иза, передавая ее в руку Мерцила. – Я сделала копию. Надеюсь, что она нам не понадобится. Тебе пора, Мерцил. Поспеши, ведь от этого может зависеть и то, ради чего мы с Дитой отправляемся в Иудею. Если благополучно доберешься до Парнаса, передай ему привет от меня, и попроси, в случае начала расследования в отношении Корпуса, пусть оставят в покое наших троих друзей. Ты знаешь, о ком я говорю?

– Да мона Иза! Это Гаспар, Мельхиор и Валтасар.

– Передай, что мне они нужны на Земле, и что они должны остаться вне подозрений. Это все. Иди, переоденься. Луций

приготовил для тебя комбинезон с навигатором и крылья.

Мерцил, молча, прошел на борт и спустился в салон. Он склонился над спящими: Зоей, Танией и Филиппом.

– Я обязательно вернусь к Вам, чего бы это мне не стоило, клянусь, – прошептал он, и нежно, едва касаясь, поцеловал Зою.

Спустя каких-то пару-тройку минут, он уже стоял на берегу, в полном снаряжении для полета. По очереди обняв на прощание Изу, Диту и Луция, Мерцил раскрыл крылья, и, взмыв вверх, исчез в ночном небе.

Глава 34

По пыльной дороге, ведущей из Яффы в Иерусалим, согнувшись под тяжелой поклажей, брели две женщины. Одна из них, видя, что ее спутница очень устала, предложила остановиться и передохнуть, но та, поглядев на солнце, уже клонившееся на запад, категорически отказалась, и продолжала идти. Пройдя еще с полумили, женщины, наконец, увидели то, к чему был устремлен их путь. Неподалеку от дороги высился огромный черный валун, из-под которого бил ключ с прохладной водой. Женщины, из последних сил, добрались до валуна, и, скинув на землю свою ношу, напились воды. Затем, обе, с наслаждением опустили натруженные от долгой ходьбы ноги, в небольшой водоем, когда-то заботливо выложенный камнем каким-то добрым человеком. Вскоре из-за поворота на дороге показалась повозка на двух, невероятно большого размера, колесах, запряженная ослом. Прав-

нявшись с усталыми женщинами, возница остановил осла, и, убедившись, что кроме них здесь больше никого нет, обратился к ним.

– Мир Вам, добрые женщины! Куда путь держите?

– Мир и тебе, добрый человек! – Ответила одна из женщин. – В Иерусалим, мы идем в Иерусалим.

– Путь неблизкий, – сокрушенно заметил возница, – и не безопасный, да и ночь скоро. Не бойтесь, что тьма застанет Вас в пути?

– Мы уповаем на Господа нашего, и молимся, чтобы он не покинул нас на этой дороге.

– Не к чему утруждать Всевышнего! Нам по пути! Давайте я подвезу Вас, хотя бы до постоянного двора.

– Спасибо тебе, добрый человек. Господь воздаст тебе за твою доброту.

Возница прыгнул на землю, взял поклажу путниц, и бережно погрузил ее в повозку. Потом он помог обеим женщинам забраться туда. Убедившись, что женщины более или менее удобно разместились, возница взял в руки вожжи, и уже хотел тронуться в путь, но вдруг, одна из женщин, неожиданно заговорила, а из-под накидки, скрывающей ее лицо, лукаво сверкнули глаза.

– Ах, Мельхиор, Мельхиор! Ну, уж если и ты, с твоими-то способностями, не узнал нас, то нам в этой стране нечего бояться!

Возница обернулся. Рот его широко раскрылся от удивле-

ния.

– Так это Вы, мона...

– Тс-с-с, – Остановила его женщина, приложив указательный палец к губам. – Саломея – меня зовут Саломея, а мою спутницу – Гелома. Запомни!

Мельхиор кивнул головой в знак понимания, и продолжил:

– Достопочтимая Саломея, я уже пятый день езжу по этой дороге, в ожидании Вас, но, должен сознаться, что действительно не узнал ни Вас, ни благочестивую Гелому. Надо отдать должное Вашему непревзойденному искусству перевоплощения. Нашим заклятым «друзьям» ни за что не узнать в Вас ту, с которой они так жаждут повстречаться.

– А мне почему-то кажется, что жажда наших «друзей» очень скоро будет утолена потоками ледяной воды, которые обрушатся на их головы, и им уже будет не до встречи со мной.

Мельхиор вопросительно посмотрел на Изу. (Как нетрудно было догадаться, это была именно она, а сидевшая рядом с нею подруга, которую она представила, как Гелому – Дита.)

Иза придвинулась поближе к нему, и почти шепотом сообщила:

– Мы нашли досье Темис. Сейчас оно, я надеюсь, уже у Орека Парнаса, а это значит, что не сегодня – завтра начнется расследование, и Магистрату уже будет не до нас. У них будет одна забота, как спасти свои шкуры от правосудия.

Можешь не волноваться, вас троих это никак не коснется.

– Ну и дела! – С облегчением воскликнул Мельхиор, и, щелкнув кнутом, двинул повозку в путь. – Сейчас мы едем до гостиницы, которая находится примерно в десяти милях отсюда. Там переночуем, а завтра я отвезу Вас к себе. Какое-то время поживете у меня, а когда Ваш Тобий уладит все формальности с Захарией и Елисаветой, и наставниками девушки из храма, где она воспитывается, переедете к ним. Кстати, Тобий оказался очень полезным человеком. О его проповедях, в которых говорится о скором пришествии Мессии, судачат во всех уголках Галилеи, Самарии и Иудеи. Но не только в этом его заслуга. Тобий предложил кандидатуру на роль жениха Марии, и уже успел побеседовать и с будущим женихом, и с наставниками девушки, и с ее ближайшими родственниками. Поскольку родители ее – благочестивые Анна и Иоаким умерли, не дожив до совершеннолетия дочери, по стечению обстоятельств, самыми близкими родственниками Марии оказались ее тетка Елисавета – сестра покойной Анны, и ее муж Захария, что заметно облегчает дело. Так как девушка достигла совершеннолетия, она более не может оставаться при храме, и должна вернуться в родительский дом в Назарете. Моя просьба о Вашем «трудоустройстве» оказалась, как нельзя, кстати, ведь юной Марии потребуется помощь по дому, по крайней мере, до тех пор, пока она, став супругой жениха, войдет в его дом. Уже вскоре должно состояться обручение, после которого Мария, офи-

циально став невестой, будет дожидаться дня свадьбы.

– Любопытно! – Воскликнула Иза. – И кто же этот счастливец?

– Некий старец Иосиф из Назарета. Он, как и Мария, принадлежит родовому дому Давида. Так что царское происхождение младенца будет неоспоримо.

– Что ж, это замечательно! Только как отнесется он к факту зачатия ребенка «на стороне»?

– Иосиф уже в достаточно преклонных годах, и на роль биологического отца не годится, но, по словам Тобия, о нем ходят слухи, как о праведнике и человеке глубоко верующем. Тут уж Вам придется потрудиться, чтобы старик не поднял шума, и признал ребенка. Времени у Вас будет предостаточно, аж целых полгода, если не больше. Да, совсем забыл сказать! Вчера Квинт связывался со мной. Он сообщил, что Август наметил присоединение новых провинций на конец следующего года, так что Вам нужно постараться, чтобы приурочить «событие» к предстоящей переписи населения. Самый удобный момент для явления Мессии большому скоплению народа. Еще, из хороших новостей, сообщение из дворца Ирода. Царские лекари, которые частенько обращаются ко мне за помощью, говорят, что царь очень плох, и долго не протянет. Кто знает, может он добровольно уступит свое место новорожденному царю, хотя не думаю. Зная этого пройдоху, могу сказать, он будет цепляться за власть даже на смертном одре.

– А как отнесся к нашей затее наш друид Гаспар?

– Поначалу, со скепсисом, но потом Валтасару удалось его убедить. Вы же знаете нерешительность Гаспара, к тому же он опасается последствий со стороны руководства. Теперь же, когда начнут шерстить Магистрат, а вслед за ним и местных начальников, думаю, остатки сомнений растают, как облако. Пока же Валтасар не стал посвящать его в детали, предупредив лишь о том, что по первому же требованию, Гаспар должен будет покинуть свою «резиденцию» в Галлии, и прибыть в Иерусалим.

– А как у нас обстоят дела со связью?

– Здесь нет никаких проблем. Коммуникаторы работают устойчиво, но, в случае возникновения каких-либо неполадок, у меня, да и Валтасара, есть флайеры.

– Флайеры – это очень хорошо! Надеюсь, при возникновении острой необходимости, я смогу воспользоваться одним из них?

– В любой момент, когда Вы пожелаете, уважаемая... гх, Саломея!

Так, за разговорами, незаметно прошло время, и, когда солнце, огромным раскаленным красноватым диском, зависло над горизонтом, повозка остановилась у постоялого двора. Как оказалось, Мельхиора здесь хорошо знали. Хозяин гостиницы по-дружески поздоровался с ним и его спутницами. Он предложил ужин и лучшие комнаты. Женщины, отказавшись от ужина, сославшись на усталость, удалились в

свою комнату, а Мельхиор остался в общем зале. Он присел в дальнем углу комнаты, и стал прислушиваться к разговорам между немногочисленными посетителями. То там, то здесь, слышались обрывки бесед между людьми. Некоторые из них, понижая голоса, делились друг с другом о слухах, ожидаемого пришествия в мир Мессии. Мельхиор довольно усмехнулся, и, покончив с ужином, удалился в свою комнату.

С первыми лучами солнца, наспех позавтракав, наши герои уже были в пути. Иерусалим встретил их обычной для большого города сутолокой и суетой. Проследовав через весь город, Мельхиор остановил повозку у, с первого взгляда, ничем не примечательного дома на западной окраине города. Он трижды постучал в дверь. На стук дверь отворилась, и на пороге Мельхиора поприветствовал высокий мужчина неопределенного возраста. На вопросительные взгляды своих спутниц, Мельхиор сказал:

– Все в порядке! Это Исхакх – мой помощник и домоправитель. Ему можно доверять. – А, обратившись к последнему, добавил, – Знакомься, Исхакх, это наши гости – достопочтимые Саломея и Гелома. Они некоторое время погостят у меня. Отнеси их вещи в дом.

В ответ, Исхакх вежливо поклонился, приветствуя женщин, взял из повозки их поклажу, и жестом пригласил следовать за ним. Внутри дом оказался совсем не таким невзрачным, каким показался снаружи. Здесь был и небольшой сад с благоухающими цветами и деревьями с раскидистыми кро-

нами, отбрасывающими спасительную от палящего солнца тень, и водоем, в котором, лениво перебирая плавниками, плавали разноцветные диковинные рыбы, а в самом доме находился бассейн для купания с чистой и прохладной водой. Так что обе женщины смогли разместиться здесь с достаточным комфортом и уютом.

Ближайшие несколько месяцев ничего не происходило, и Иза с Дитой посвятил это время для изучения нравов и обычаев местного населения и подготовке к своей будущей работе. Иногда, в сопровождении Мельхиора или Исхакха, они посещали город, знакомясь и с его шумным населением, и с своеобразной, но, в то же время, величественной архитектурой. Однажды Мельхиор привел женщин к храму. Что-то шепнув уличному мальчишке, он предложил спутницам присесть на одну из скамей. Вскоре из храма вышел сухонький пожилой мужчина небольшого роста. Он уважительно поприветствовал Мельхиора.

– Тобий (а это был именно он), прости, что отвлек тебя от молитв Всевышнему, но я решился побеспокоить тебя, чтобы узнать, как скоро наша послушница покинет стены храма, а еще, чтобы представить тебе женщин, о которых ходатайствовал.

Он подвел священника к скамье, на которую присели Иза и Дита, в ожидании Мельхиора.

– Знакомься, это мои очень давние знакомые – благочестивые Саломея и Гелома.

Тобий, пристально взглянув на обеих женщин, церемонно поздоровался с ними.

– Могу заверить тебя, – продолжил Мельхиор, – обе они весьма набожны и большую часть своего времени проводят в молитвах Господу нашему.

После этих слов обеим спутницам Мельхиора с трудом удалось сдержаться, чтобы не выдать себя улыбками или, что еще хуже, смехом. Сделав над собою усилие, обе «надели на лица маски смирения и благочестия».

– Кроме своей истовой набожности, обе женщины могут быть весьма полезны по хозяйству. Так же им неоднократно приходилось принимать роды и ухаживать за беременными женщинами. Знакомы им и тайны врачевания, многим из которых я сам научился от них. Кроме этого они умеют выполнять всю традиционную женскую работу: готовить пищу, прясть, ткать и прочее, и прочее.

– Я не сомневаюсь в способностях этих женщин, – после некоторой паузы ответил Тобий, – тем более, что за них просишь ты. Я, уже беседовал и с Захарией и с Иосифом. Оба они, с благодарн остью, готовы принять помощь твоих протеже, предоставив им кров и пропитание. Но оба они люди небогатые, и кроме этой милости им нечем заплатить за труд этих женщин.

– Об этом можешь не беспокоиться, Тобий. Все возможные расходы по содержанию женщин, готов взять на себя я и мой Римский друг Квинт Сципилион, с которым ты хорошо

знаком.

– Ну, раз и сей уважаемый муж так же просит за этих женщин, я приложу все усилия к тому, чтобы в самое ближайшее время обе они вошли в дома наших подопечных. Тем более, как раз на следующей неделе Мария должна будет покинуть храм и вернуться в свой родной город Назарет. Я сообщу тебе. Уважаемый Мельхиор, об этом дне. А сейчас, прости, мне пора вернуться к служению Господу. Прощай, мой премудрый друг. Прощайте и Вы, благочестивые женщины.

Тобий церемонно раскланялся и удалился в храм.

Глава 35

Однажды вечером, когда обитатели дома Мельхиора собрались на ужин, в дверь раздался стук. Через минуту-другую в трапезную вошел Исхакх.

– Мудрейший, двое священников храма Господня просят оказать им честь быть принятыми в твоём доме. Мельхиор переглянулся с Изой и Дитой. Женщины поняли его красноречивый взгляд, и, встав со своих мест, вышли из комнаты, чтобы переодеться и принять обличие благочестивых странниц.

– Пусть войдут, – повелительным тоном ответил Мельхиор домоправителю.

Спустя минуту в трапезную, в сопровождении Исхакха, вошли Тобий и еще один человек.

Воздав традиционные приветствия хозяину дома, Тобий, извинительным тоном сказал:

– Да простит нас наимудрейший Мельхиор за то, что мы осмелились нарушить твой покой в столь поздний час, но дело, которое заставило нас прийти к тебе, не терпит отлагательств.

Я, и мой давний друг, Захария, пришли к тебе, чтобы он лично мог познакомиться с женщинами, о приюте для которых ты просил.

Мельхиор, с любопытством посмотрел на спутника Тобия, увидев перед собой седовласого старца с глазами, преисполненными мудрости.

– Я рад приветствовать в своем скромном жилище одного из праведнейших первосвященников храма Господня. Прощу Вас, проходите, и разделите со мной ужин.

Исхаак внес чашу для омовения. Гости по очереди совершили омовение и прошли к столу.

– Сейчас, воздав молитвы Всевышнему, мои гости присоединятся к нам, а пока их нет, я готов выслушать Вас.

– Мудрейший Мельхиор, – начал Тобий, – завтра, после утренней службы, Мария покидает храм, и преподобный Захария хочет, чтобы одна из женщин, о судьбе которых ты хлопчешь, сопровождала ее в Назарет, но он желает как можно ближе познакомиться с той, в руки которой он вверяет племянницу своей жены.

– Что ж, справедливое, и вполне оправданное желание, – ответил Мельхиор, и трижды хлопнул в ладоши. Тотчас в трапезную вошли женщины, ожидавшие за дверью сигнала.

Старец пристально посмотрел на них.

– Знакомься, это благочестивая Саломея, а это благочестивая Гелома. Как мне кажется, для юной Марии, лучше всего подойдет, умудренная опытом, Саломея, Гелома же может войти в твой дом, преподобный Захария. Она, кроме того, что возьмет на себя всю работу по дому, сможет оказать помощь жене твоей Елисавете, которая, как я слышал, слаба здоровьем, поскольку владеем искусством врачевания. Можешь не сомневаться в набожности и благочестии обеих женщин.

Захария подошел поближе к, смиренно стоящим с опущенными глазами, женщинам.

– Расскажите мне о себе. Кто Вы, откуда, и почему странствуете по земле, вместо того, чтобы согревать домашний очаг подле мужей своих?

– Мы родом из Яффы, преподобный, – ответила за себя и за Диту Иза, – мы вдовы. Мужья наши были рыбаками. Их поглотила морская пучина во время бури много лет назад. С тех пор, мы с Геломой, храня верность нашим мужьям, посвятили свои жизни помощи страждущим.

Захария остался явно довольным ответом Саломеи.

– Я вижу, что обе Вы, действительно преисполнены добротой к людям, как учит нас Господь наш, и даю свое согласие на то, чтобы одна из Вас вошла в мой дом, а другая стала наставницей и помощницей по дому для моей племянницы. Пусть Гелома завтра утром приходит в мой дом, где ее

встретит жена моя Елисавета, а Саломею я буду ждать после утренней службы у храма, дабы передать в ее руки племянницу свою Марию.

– Благодарю тебя, преподобный Захария за то, что не отверг мою просьбу, – с уважением произнес Мельхиор. – Я же, в знак благодарности, прошу принять в дар для Марии, свою повозку и осла, дабы путь ее в отчий дом оказался легок и скор.

– Спасибо тебе за щедрый дар, мудрейший Мельхиор. У девочки никого нет, кроме нас с женой, и подарок твой будет весьма ценен перед ее нареченным, в дом которого она войдет в скором времени.

– Вот и прекрасно! – Воскликнул Мельхиор. – А теперь, воздав хвалу Всевышнему, прошу Вас разделить с нами скромный ужин!

Едва только поздние гости покинули дом, Иза, довольно улыбаясь, воскликнула:

– Ну вот, наконец-то, все складывается наилучшим образом! Дита, дорогая, завтра мы разъедемся по разным местам. Поэтому, давай договоримся, что будем ежедневно выходить на связь в условленное время и делиться новостями. Постарайся, как можно быстрее, войти в доверие к Елисавете. Поскольку, как говорят, она страдает каким-то недугом, у тебя будет возможность незаметно ни для нее, ни для ее мужа, сделать необходимые анализы под видом лечения. Я не знаю, сколько лет ей, но Захария слишком стар, чтобы быть

отцом ребенка, поэтому мне придется подумать о донорах для обеих женщин. У меня, на этот счет, появились кое-какие соображения, но, пока я воздержусь от их озвучивания. Еще сегодня нам нужно связаться с Квинтом, чтобы он обеспечил доставку сюда оборудования, необходимого для проведения операции. Тебе нужно будет подыскать место в доме Захарии, где его можно будет разместить и установить. Не плохо бы было, чтобы Цилия так же прибыла сюда для оказания помощи в установке и отладке оборудования. Ну, а все остальное, решим по ходу дела. Кажется, ничего не упустила, а теперь пойдем собираться. С завтрашнего дня нам предстоит не простая работа.

Ранним утром на пороге дома вновь появился Тобий. Он вызвался лично проводить Гелому к Елисавете. Дита, обнявшись на прощание с Мельхиором и Изой, вслед за священником, покинула дом, а тем временем Исхакх подвел к двери уже знакомую нам повозку, в которую заранее уложил вещи Изы. Мельхиор, тепло попрощавшись, помог ей забраться в повозку, и верный Исхекх повел повозку к храму. У храма, Иза сошла на землю и осталась дожидаться, когда после окончания службы, она, наконец, увидит свою юную подопечную. Ждать пришлось довольно долго. Иза нервно поглядывала на дверь храмового помещения для послушниц. И вот, двери раскрылись. На пороге показался Захария, ведущий за руку смущенную, и, как показалось Изе, слегка напуганную Марию. Девушка была невысока ростом, но на оце-

нивающий глаз Изы, хорошо сложена и оформлена, несмотря на свои неполные пятнадцать лет. На ней было простое серое платье, а на голову надета, традиционная для иудейских женщин, накидка. В руках девушка держала небольшой узел с вещами, в котором лежало все ее скромное имущество. Изе стало до боли жалко эту девочку, которой предстояло, помимо ее собственной воли, выйти замуж за, совершенно ей незнакомого, немощного старца, навсегда утратив возможность познания страсти и любви.

Захария подвел Марию к Изе.

– Досточтимая Саломея! Вручаю тебе племянницу свою. Будь ей верной помощницей и наставницей. Подготовь ее к священному таинству обрядов обручения и свадьбы. Обучи всему, что сама умеешь, а ты, Мария, во всем будь послушна, и ревностно исполняй все, чему тебя будет наставлять Саломея. Будь послушна и смиренна. И да благословит Вас Господь!

С этими словами Захария, поцеловав девушку в лоб, вручил Изе ее руку. Иза поклонившись священнику, взяла Марию за руку, и нежно обняв ее, повела к повозке. Исхакх помог обеим забраться в нее, после чего Иза, взяв в руки вожжи, тронула в путь. Пока повозка медленно катила по узким улочкам Иерусалима, ни Иза, ни Мария не нарушали молчания, но, как только позади остались врата древнего города, Иза обернулась и заговорила, как можно более ласковым голосом.

– Не нужно меня бояться, милое дитя. Я, постараюсь стать для тебя самой верной подругой, и постараюсь оградить от всех невзгод. Давай, подсаживайся поближе, и поболтай со мной. Расскажи о себе, о своей жизни, о чем мечтаешь, что любишь, а что ненавидишь.

Девушка, сначала напряженно, а затем все более раскованно стала рассказывать Изе о себе, о своей жизни при храме, о своих родителях и чуде своего рождения. Иза, с удовольствием отметила для себя, что не напрасно, чуть более пятнадцати лет назад, она вняла просьбе Квинта, в результате чего на свет появилось это чудное создание. Слушая голос девочки, она нежно, совсем по-матерински, обняла Марию и прижала ее к своей груди. Это, обычное на первый взгляд, действие, вызвало у девушки, лишенной с раннего детства материнской ласки, необъяснимое чувство доверия к этой, еще совсем недавно незнакомой ей женщине. Она прижалась к Изе, и от ощущения тепла ее тела, на душе девушки воцарились умиротворение и покой.

Так, обнявшись, они провели почти весь долгий путь из Иерусалима до Назарета.

А тем временем, пока Иза знакомилась со своей подопечной, Тобий ввел Диту в дом Захарии и Елисаветы. Елисавета оказалась намного моложе своего супруга. На вид ей Дита не дала бы больше тридцати пяти – сорока лет, но ее печальные глаза делали ее много старше. Тобий поприветствовав Елисавету, представил ей Диту. Женщина, приветливо улыбнув-

шись, пригласила ее пройти в дом. Она открыла дверь в крошечную комнатку без окон, в которой едва умещалась кровать и малюсенький столик.

– Люди мы небогатые, поэтому, прости, Гелома, лучшего помещения для тебя, к сожалению, предложить не можем. – Как бы прося прощения за бедность, сказала Елисавета.

– Спасибо, меня все устраивает. – Ответила Дита. – Да и зачем мне что-то большее? Здесь я буду проводить лишь ночь, а все остальное время мне некогда будет расслаивать в комнате. Думаю, недостатка в работе у меня не будет.

– Я рада, что ты будешь жить у нас. Муж мой весь день проводит в храме, в служение Господу нашему. Будет хоть с кем поговорить. Как видишь, дом наш лишен детей, и я целыми днями одна. Всю жизнь я молю Господа, о ниспослании нам ребенка, но Он не внимлет моим молитвам, посылая это тяжкое испытание.

– Не отчаивайся, Господь милостив. Ты еще достаточно молода. Кто знает, может Он смилуетя и наградит тебя за твое долготерпение долгожданным ребенком.

– Я продолжаю молиться и надеяться на чудо, но годы проходят, делая эту мечту все более неосуществимой. Спасибо тебе, Гелома за теплые слова и поддержку. Будь здесь, как дома.

Елисавета участливо поцеловала Диту, и оставила ее одну. Дита осмотрелась, подыскивая место, где бы она могла скрыть от посторонних глаз медицинский чемоданчик, ко-

торый ей любезно был предоставлен Цилией. Не найдя ни одного потаенного закутка, она завернула чемодан в кусок холста и засунула его под кровать. Затем, присев на ложе, подумала.

– Первое знакомство прошло благополучно. Похоже, мне удалось установить доверительный контакт с хозяйкой. Будем надеяться, что и в дальнейшем, нам удастся сохранить и преумножить этот результат.

Глава 36

Убедившись, что Мария заснула, Иза бесшумно выскользнула из дому, и пробралась в сарай для скота, находившийся в конце маленького дворика. Затворив за собою дверь, она извлекла спрятанный на груди коммуникатор и набрала код вызова Диты. Спустя мгновение в голубоватой дымке возникло голографическое изображение Диты.

– Здравствуй, дочка! – Поприветствовала ее Иза. – Как твои успехи?

– В целом, все хорошо, мама. За эти пару месяцев, мы очень сдружились с Елисаветой. Она доверяет мне все самые сокровенные свои мысли, вплоть до глубоко интимных. Обследование и анализы, дали условно положительные результаты. Имеется ввиду, что зачатие возможно с вероятностью семьдесят пять процентов. Сказывается и возраст, и общее физическое состояние организма. Я тут решила, прости, без твоего согласия, провести с Елисаветой неуглубленную процедуру общего омолаживания тканей и, соответственно

полное восстановление важнейших функций ее организма. Учитывая то, что она страдает сердечной недостаточностью, я посчитала это оправданной мерой, ведь нам важно, чтобы она не только смогла зачать, но и благополучно выносит ребенка.

– Тебе на месте видней. Делай все, что посчитаешь нужным. Результаты-то хоть есть?

– Да, и очень хорошие. За последние два месяца у нее полностью восстановились месячные циклы.

– Как же тебе удалось все это незаметно провернуть?

– Все просто. Я даю ей препараты вместе с питьем и едой, а иногда в виде неких снадобий для укрепления здоровья. Еще раз повторюсь, она мне полностью доверяет, и верит, что с помощью моих лекарств и молитв, сможет забеременеть. Сложнее обстоит с ее мужем. Ты ведь видела его? Правда, по словам Елисаветы, у них до сих пор бывает близость, но в последнее время все реже и реже. Вот мне и приходится исхитряться, чтобы ему в питье и пищу подмешивать стимулирующие средства. Я сейчас думаю над тем, каким образом уговорить Елисавету, принести мне образцы семенной жидкости Захарии. Если мне это удастся, я постараюсь обойтись без донора, и после овуляции, которая по моим подсчетам должна наступить со дня на день, собираюсь провести операцию.

– А как же с оборудованием?

– Вчера я виделась с Мельхиором. Он иногда днем наве-

щает меня. Так вот, он сообщил, что доставлено все оборудование из Рима и уже перевезено к нему в дом. Мало того, Цилия здесь. Проблема только в том, где мне все это спрятать в доме. Моя комнатка такая маленькая, что даже чемоданчик я с трудом спрятала под кроватью.

– А насколько все это габаритно?

– Сама я не видела, но, со слов Мельхиора, весь комплект, включая криокапсулы, уместается в примерно таком же чемодане, как и те, которыми мы пользуемся сейчас.

– Тогда я не вижу проблем. Тебе и не стоит все держать у себя под рукой. Возьми лишь криокапсулы, а все остальное, когда возникнет необходимость, пусть тебе доставит Цилия. Думаю, в ночное время это не вызовет особых проблем. Для скорости доставки, пусть она воспользуется крыльями. Да и ее присутствие во время операции не будет лишним в случае возникновения непредвиденных проблем.

– Хорошо, мама, обязательно воспользуюсь твоим советом, и, завтра же, попрошу Мельхиора или Цилию принести мне криокапсулы. Совсем забыла! Есть и еще хорошие новости. Мерцил вернулся с Геи. Там все закружилось по полной программе. Большинство членов Магистрата задержаны, а деятельность Корпуса прекращена. С Земли отзывают всех сотрудников Корпуса для дачи показаний Следственной комиссии Большого Совета. Как ты и просила, наших троих друзей не трогают.

– Это действительно хорошая новость. Значит, наши уси-

лия не пропали даром. У меня тоже все идет по плану. Сегодня приходил Иосиф. Он пришел сообщить, что отправляется в Иерусалим, чтобы заключить с Захарией и Елисаветой договор о будущем бракосочетании с Марией. Это у Иудеев называется обручением (что-то вроде помолвки). Знаешь, а он мне понравился. Очень интересный старикан, от которого просто исходит доброта. В разговоре с Марией, он честно признался ей, что идет на этот шаг только ради того, чтобы она, оставшаяся без опеки родителей, обрела соответствующий статус в обществе. Он, с грустью поведал ей, что уже очень стар, и, наверное, вскоре предстанет перед Господом, но до той поры, именем своим окажет защиту и покровительство для девочки. Знаешь, что сказал ей он на прощание? «Не бойся меня, юная дева. Я клянусь именем Господа, что ни словом, ни делом не обижу тебя и не прикоснусь к тебе, сохраняя твою девственность. Ты же, после моей смерти, сможешь, встретив свою любовь, вновь выйти замуж за любимого человека, родить ему много детей, и обрешь с ними счастье свое.»

Знаешь, после таких слов, я прониклась к Иосифу чувством глубокого уважения. Не напрасно в народе его зовут праведником. Он человек величайшей души и доброты, и Мария должна быть благодарна ему за то, что, несмотря на пересуды, он в свои преклонные годы, решился на такой великодушный шаг.

Ну, все, дочка, мне пора возвращаться в дом. Желаю тебе

удачи. Сообщи о результате, когда все сделаешь.

– Пока, мама! До связи!

Изображение Диты растаяло в воздухе. Иза, бережно спрятала коммуникатор, и, помедлив немного, пока глаза привыкнут к темноте, тем же путем, вернулась в дом. Она на цыпочках прошла в комнату, где крепко спала Мария, ласково посмотрела на нее, и, прикрыв покрывалом, обнажившиеся плечи девушки, удалилась в свою комнату.

А в Иерусалиме, Дита, закончив разговор с Изой, не спешила убирать коммуникатор. Несмотря на поздний час, она вызвала на связь Мельхиора, и обратилась к нему с просьбой, не позднее завтрашнего дня принести ей две криокапсулы.

Когда солнце поднялось уже достаточно высоко, на пороге дома появился Мельхиор в сопровождении Цилии. Елисавета, как обычно приветливо, пригласила гостей пройти в дом, где уже с раннего утра Дита хлопотала по хозяйству.

– Уважаемый Мельхиор, – обратилась хозяйка к гостю, – я всегда рада приветствовать тебя в своем доме, но сегодня, как я вижу, ты не один, а в сопровождении прекрасной юной девы. Не означает ли это, что и ты, наконец, решил покончить с холостой жизнью, и ввести в свой дом молодую жену? Мы с мужем моим были бы очень рады засвидетельствовать этот брак.

– К сожалению, нет, уважаемая Елисавета. Эта девушка, всего лишь дочь одного моего давнего приятеля. Она решила

посетить наш город, и я приютил ее на время.

– Жаль, очень жаль. А я-то думала... Гелома, – обратилась она к Дите, – принеси гостям прохладительного питья, чтобы они смогли утолить жажду.

Дита утвердительно кивнув головой, направилась выполнять поручение хозяйки, а Мельхиор, не дав ей уйти, воскликнул:

– Подожди, Гелома, пусть Цилия пойдет с тобой и поможет тебе.

Цилия, понимающе посмотрела на Мельхиора, и вместе с Дитой вышла из комнаты.

– Привет, Цилия! Я так обрадовалась, когда Мельхиор сообщил мне о твоем прибытии. Знаешь, я хоть и в деталях все продумала, но ужасно боюсь допустить какую-нибудь непростительную оплошность, и то, что ты будешь рядом, вселяет в меня уверенность, что у нас вдвоем все получится.

– Я тоже рада видеть тебя! Смотрю, тебе тут прохлаждаться не приходится. Вот на, держи.

Цилия извлекла из-под многочисленных складок своего платья, две портативные криокапсулы и протянула их Дите.

– Еле донесла их, – призналась девушка, – они, хоть и маленькие, но очень тяжелые, и ужасно холодные.

– Спасибо тебе, – ответила Дита, с благодарностью принимая капсулы из рук Цилии, – и будь готова в любой час примчаться ко мне на помощь. По моим расчетам – ни сегодня-завтра. Не позже. Постой минутку, я отнесу их в свою

комнату.

Дита нырнула в свою коморку, и почти тотчас, вернулась к Цилии. Она взяла с полки глиняный кувшин, наполнила его холодной водой, в которую добавила ароматный цветочный нектар, и, всучив Цилии четыре глиняных кружки, предложила ей вернуться в комнату, где беседовали Елисавета и Мельхиор. Дита наполнила расставленные Цилией кружки, и предложила гостям освежиться. Мельхиор сделав несколько глотков, поблагодарил хозяйку.

– Не буду отнимать у тебя, Елисавета, твое драгоценное время. Я рад, что ты находишься в добром здравии.

– Это все благодаря волшебным снадобьям Геломы! – Ответила женщина. – Принимая их, я как-будто помолодела, и чувствую невероятный прилив сил.

– Слушай ее во всем, и, кто знает, может быть сбудутся твои самые сокровенные мечты! Нам пора, прощайте, добрые женщины, и да пребудут мир и спокойствие в этом доме!

Когда гости покинули гостеприимный дом, Елисавета, вся, словно лучась от счастья, заключила Диту в объятия.

– Не представляю, как я могла жить без тебя. Ты не только вселила в меня надежду, но и помогла обрести здоровье плоти. Оставь свои дела, и присядь рядом. Я хочу тебе кое в чем признаться. Знаешь, твое присутствие в нашем доме благостно сказалось не только на мне, но и на муже моем. У нас теперь, – густо краснея и переходя на шепот, сообщила Елисавета, – почти каждую ночь бывает близость. Захария

будто помолодел лет на двадцать.

– Вот что, Елисавета, я вижу твое желание о беременности не простая прихоть. Если так, доверься мне, и позволь мне осмотреть тебя.

– Я доверяюсь тебе, милая Гелома, делай все, что считаешь необходимым.

– Тогда соверши молитву Господу с просьбой о ниспослании тебе долгожданной беременности, выпей вот это снадобье, и приляг на свое ложе.

Дита достала склянку со снадобьем и протянула ее Елисавете. Та, как невиданную драгоценность, приняла ее из рук Диты.

– Иди, молись, а когда будешь готова, позови меня.

Елисавета, прижав к груди бесценный дар, удалилась в спальню. Дита осталась дожидаться призыва. Невероятное волнение охватило ее, и она стала ходить из угла в угол, пытаясь успокоиться. Прошло не менее получаса, пока Елисавета истово молила Господа услышать ее. Наконец Дита услышала призыв и немедленно откликнулась на него. Когда она вошла в спальню Елисаветы, та лежала на ложе с затуманенным взглядом. Рядом лежала пустая склянка.

– Все хорошо, – тихо сказала Дита, – сейчас ты должна уснуть, и ничего не бойся.

Она дождалась, когда Елисавета сомкнула глаза и уснула крепким сном. Тогда Дита молнией метнулась в свою комнату, и, спустя несколько мгновений, вернулась, держа в руках

свой чемоданчик. Действуя лихорадочно, но, в тоже время, быстро и четко, Дита задрала как можно выше, подол платья Елисаветы, и, молниеносно облепила ее живот многочисленными датчиками. Потом совершив некоторые манипуляции на сенсорной клавиатуре, и активировав голографический экран, она начала детально рассматривать внутренние органы мирно спящей женщины.

– Я была права, – подумала Дита, – сегодня, именно сегодня. Другого, столь благоприятного шанса может и не быть.

Затем, сосредоточившись, Дита развела как можно шире ноги Елисаветы, и, зафиксировав их в полусогнутом положении, достала из чемоданчика некое приспособление с гибким тонким зондом, который ввела в женщину, при этом постоянно вглядываясь в голографическую картинку.

– Ну, вот и все на сегодня, – удовлетворенно прошептала Дита, – все в порядке. Осталось только добыть семенную жидкость Захарии.

Она раскрыла одну из криокапсул, и впрыснула туда содержимое зонда. Затем быстро отключила прибор, и, убрав все датчики с тела женщины, отнесла чемоданчик в свою комнату. Дита, мельком взглянув на дисплей коммуникатора, на котором высвечивалось текущее время, набрала код Цилии. Когда девушка ответила, Дита сказала ей лишь два коротких слова «сегодня ночью». Цилия ответила:

– Я готова.

Убрав коммуникатор, Дита присела на край ложа, и стала

дождаться пробуждения Елисаветы, которая проспав еще минут двадцать или около того, потянулась, глубоко вздохнула, и, наконец, открыла глаза.

– Прости, Гелома, – тихо сказала она, – я, кажется, заснула, и ты не смогла осмотреть меня. Можешь это сделать сейчас.

– Все в порядке, дорогая, – так же тихо ответила Дита, – я осмотрела тебя, пока ты спала.

– И что ты можешь мне сообщить? Услышал Бог мои молитвы?

– Пока я ничего не могу сказать тебе с полной уверенностью, но если ты согласишься выполнить одно условие, возможно завтра или послезавтра, я смогу тебя обрадовать.

– Какое условие? Говори! Я готова выполнить любое условие!

– Тогда слушай! Сегодня ночью у тебя обязательно должна быть близость с мужем. Как только он изольется в тебя, немедленно, под любым предлогом, приходи ко мне, и постарайся сохранить в себе все, что он изольет в тебя. Поняла?

– Да, Гелома, я все поняла, и сделаю все, как ты велишь.

– Постарайся быть в близости с Захарией как можно дольше, чтобы излившись, он выбился из сил, и уснул крепким сном.

– Я постараюсь, Гелома, хотя он и так обычно сразу засыпает.

– Вот и прекрасно! Если ты все выполнишь, я надеюсь,

вскоре ты сможешь обрадовать своего мужа своею беременностью. Все, вставай, день в разгаре, а мы еще ничего не сделали. Нужно готовить еду к возвращению Захарии из храма.

Глава 37

Глубокой ночью, когда весь город спал, крылатая тень стремительно пронеслась над ним, и опустилась на землю на окраине. Убедившись, что вокруг никого нет, сложив крылья, она прильнула к двери дома священника Захарии, и, затаив дыхание, осталась стоять неподвижно в ожидании, когда откроется дверь.

Дита сидя в своей комнате с нетерпением ожидала Елисавету. Томительно долго тянулись минуты ожидания. Наконец послышались шаги. Дверь в комнату отворилась, и на пороге появилась Елисавета, с крепко прижатой у себя между ногами ладонью правой руки.

– Быстро, иди ложись. – Шепотом скомандовала Дита.

– Я все сделала, как ты просила, не пролив ни единой капли.

– Умница! Вот, на выпей это, – протянув склянку со снадобьем, прошептала Дита.

Елисавета, ни на мгновение не задумываясь, проглотила все содержимое склянки.

– Ляг поудобнее, – шепнула Дита, наблюдая за состоянием Елисаветы.

Женщина выполнила распоряжение, и широко зевнув, сомкнула глаза. Спустя минуту она уже спала глубоким сном.

Дита быстро извлекла из-под кровати чемоданчик и криокапсулу. Повторив все то, что она делала днем, Дита влила содержимое зонда во вторую криокапсулу. Затем она, стараясь ступать как можно тише, выскользнула из комнаты и бесшумно отворила входную дверь.

– Цилия, ты здесь? – Шепотом позвала она девушку.

Вместо ответа, Цилия прошмыгнула в открытую дверь.

– Давай, быстро, иди за мной. – Прошептала Дита. На все про все у нас не более двух часов. Захария просыпается очень рано, а к этому моменту все должно быть готово, и ты должна покинуть дом.

Плотно затворив дверь в комнатку, где мирно спала Елисавета, Дита быстро установила яркие светильники, а Цилия, тем временем раскрыла принесенный с собой чемоданчик, и стала колдовать с настройками.

– Где капсулы? – спросила она.

Иза подала Цилии одну из капсул.

– Проверь на подвижность.

Цилия взяла капсулу и опустила ее в специальное гнездо, предварительно приоткрыв крышку. Через минуту на маленьком дисплее появились ожидаемые данные.

– Порядок, – шепнула Цилия, – подвижность в норме.

– Тогда приступай к оплодотворению яйцеклетки.

– Цилия вставила вторую капсулу в соседнее гнездо, активировала голографический дисплей, и, вращая регуляторы манипулятора, провела процедуру оплодотворения. За-

тем она стала наблюдать за состоянием процесса, и, минут через пятнадцать, объявила:

– Все, процесс деления начался. Теперь твоя очередь. Осталось лишь удачно сделать подсадку.

Дита активировала дисплей на своем чемоданчике, и, взяв из рук Цилии зонд с оплодотворенной яйцеклеткой, ввела его Елисавете. Несколько долгих утомительных минут и ювелирных манипуляций провела она. От напряжения, на лбу ее выступили капельки пота. Еще несколько осторожных движений и операция была закончена.

– Кажется все! Посмотри, как считаешь. – Обратилась она к Цилии.

Девушка внимательно взглянула на многократно увеличенную голографическую картинку, и утвердительно кивнула головой.

– Дита, ты просто волшебница. – Восторженно сказала Цилия, оценив с какой удивительной точностью та выполнила подсадку.

– Ладно, хватит комплиментов. Давай все собирай, и я провожу тебя. Остальное я закончу сама. Возможно, завтра или послезавтра ты мне снова понадобишься. Мне нужно будет еще раз убедиться, что процесс проходит нормально.

Цилия быстро собрала свой чемоданчик, и вслед за Дитой тихонько вышла из дома. Здесь они по-дружески обнялись.

– Спасибо тебе, Цилия.– Поблагодарила Дита девушку за помощь.

Цилия улыбнулась в ответ, раскрыла крылья, и взмыла в ночное небо.

Проводив Цилию, Дита осторожно заперла дверь, и вернулась в свою комнату. Тщательно убрав все следы операции, она стала приводить Елисавету в чувство. После нескольких неудачных попыток, Дита достала из-под кровати пластиковый тюбик, раскрыв который, поднесла к носу спящей женщины. Та, в свою очередь, вдохнув содержимое тюбика, поморщилась, дважды чихнула, и, наконец, открыла глаза. Дита поспешно спрятала тюбик в зажатой ладони, едва успев его закрыть.

– Просыпайся, Елисавета, – шепнула Дита, – тебе пора вернуться к мужу.

– Скажи только, – так же шепотом спросила Елисавета, поднимаясь с ложа, – услышал Господь наши молитвы?

– Сейчас я ничего сказать не могу. Пусть пройдет время, и тогда я смогу ответить тебе. А сейчас иди, и пока ничего не говори Захарие. Бог даст, и ты сможешь вскоре обрадовать его благой вестью.

Елисавета крепко обняла Диту, и, пожелав ей спокойной ночи, удалилась в спальню к мужу. Подождав немного, пока из спальни хозяев не послышалось равномерное дыхание Елисаветы, Дита достала коммуникатор, и вызвала на связь Изу. Некоторое время на вызов ответа не было, но, спустя минуту другую, Иза ответила.

– Что так поздно, Дита? Я уже давно спала.

– Мама, только что мы с Цилией сделали подсадку. На мой взгляд, все прошло благополучно.

– Вот это новость! Ради таких новостей, я не против, чтобы меня будили среди ночи, хоть сто раз подряд. Ну, рассказывай поподробнее.

– Да собственно, я уже все сказала. Знаешь, смотрю я на Елисавету и думаю: на сколько же, невежественны Земляне. Казалось бы, незначительное отклонение в развитии женского организма, которое могло быть устранено давным-давно, когда оба они еще были молоды, простейшей операцией, принесло в эту семью столько горя и переживаний. А ведь на Земле они далеко не единственная семейная пара, обреченная на бездетность.

– Что поделаешь, дочка. Когда-нибудь и их далекие потомки, вот так, так же, как и мы, будут удивляться невежеству и отсталости своих предков.

Скажи лучше, когда ты намерена объявить ей о наступившей беременности?

– Не хочу торопиться. Я думаю подождать пару-тройку дней, чтобы убедиться, что не произошло отторжение. Да и тогда, как мне кажется, не я должна быть «вестником». Давай разыграем все, как тогда, пятнадцать лет назад, с ангелами и прочим религиозным антуражем. Женщина должна поверить, что ее справедливые мольбы, услышаны свыше.

– Да я не против, только ни ты, ни я, ни Цилия, в этот раз на эту роль не подходим. Нас всех, и Елисавета, и Захария,

знают в лицо. Нужен кто-то еще.

– Я уже об этом думала. Как считаешь, может быть, в этот раз в образе ангела предстанет кто-нибудь из мужчин?

– Это ты о ком сейчас?

– Хочу попросить Цилию, чтобы она уговорила Аврелия.

– А что, мне нравится! Хватит эксплуатировать женский труд! И имя подходящее. Смотри, как созвучно: Аврелий – Гавриил. Так, кажется, они зовут своего архангела-вестника? Поговори с Цилией. Если Аврелий согласится, мы используем этот образ в обоих случаях. Я, имею ввиду, Марию.

Ладно, уже утро скоро. Давай спать.

– Да, мама, спокойной ночи.

С первыми лучами солнца, Дита, собрав Захарии узелок с едой, затворила за ним дверь. Как ей показалось, он выглядел несколько утомленным. Списав состояние старика на бурную ночь и действие стимулирующих препаратов, она подумала, что пора прекращать кормить ими Захарию во избежание истощения и без того далеко не молодого организма, тем более, дело-то уже сделано. Елисавета же, напротив, проснулась посвежевшая и, необычно для нее возбужденная. Она подошла к Дите, и, обняв ее, сказала:

– Мне приснился удивительный сон, Гелома. Будто я иду по облакам, а на руках держу малыша. Он прижался ко мне, и сказал «мама». Как думаешь, уж не пророческий ли это сон ниспослал мне Господь, чтобы сообщить, что молитвы мои услышаны?

– Возможно, ты права, и сон твой, больше чем просто сон. Наберись терпения. Очень скоро все прояснится, и я узнаю, смогу ли подтвердить твои предчувствия. А пока молись, чтобы сон стал явью.

В самый разгар дня, неожиданно вернулся Захария вместе с еще одним старцем.

– Елисавета, Гелома! – Громко позвал он женщин. – У нас в доме дорогой гость!

– Обе женщины поспешили выйти на призыв Захарии.

– Уважаемый Иосиф проделал долгий путь из Назарета, чтобы переговорить с нами о твоей племяннице, Елисавета. Он просит нас удостоить его чести, просить руки нашей Марии.

Услышав эту новость, Елисавета побледнела, но, сохранив самообладание, пригласила гостя к столу, а сама присоединилась к Геломе у очага.

– Что с тобой, Елисавета? – спросила Дита, заметив перемену в женщине.

– Ты еще спрашиваешь? Ты видела его? Он же дряхлый старик, а Мария, она еще как нераспустившийся бутон. Что может дать ей Иосиф? Если девочка станет его женой, то ее ждет такая же участь, как и моя – всю жизнь прожить, не зная счастья материнства.

– Успокойся, пожалуйста! Может быть, все не так уж и плохо. Посуди сама, родители Марии умерли, оставив ее без опеки, а ей нужна надежная защита и опора. Я видела глаза

Иосифа. От них исходит невероятная доброта. Взяв Марию в свой дом, он защитит ее от дурного слова. А потом, когда Иосиф предстанет пред Господом, Мария сможет снова выйти замуж и стать счастливой. Она еще так юна, и вся жизнь у нее впереди. Не нужно противиться воли мужа. Иди, прими Иосифа, как дорогого гостя, и дай свое согласие на этот брак.

– Раз ты так считаешь, – задумчиво ответила Елисавета, – я поступлю так, как ты велишь.

– Привет мама! Спешу сообщить тебе хорошие новости!

– Я вся внимания, Дита!

– Во-первых, мы с Цилией еще раз все проверили. Все идет хорошо. Она сделала анализ ДНК. Если судить по соотношению хромосом, у Елисаветы будет мальчик.

– Замечательно! Ты уже сообщила ей?

– Нет, мама. Цилия договорилась с Аврелием, и мы тут кое-что придумали. Сейчас она незаметно проберется в храм, где служит Захария, и подложит туда коммуникатор, включенный на автоматический отзыв. Думаю, появление Аврелия с благой вестью, будет весьма эффектным, а я утром сообщу эту же новость Елисавете. Узнав ее из различных источников, ни у кого из них не возникнет сомнения о божественной милости.

– Хорошо придумано, дочка! Ну, а другая новость?

– У нас гостит Иосиф. Они договорились о предстоящей свадьбе. Так что твоя подопечная со вчерашнего дня – офи-

циальная невеста Иосифа.

– Отлично! Все идет согласно нашему плану! Как долго он еще пробудет у Вас?

– Точно не знаю.

– Держи меня в курсе.

На утренней заре, как обычно, выпроводив Захарию, Дита вошла в хозяйскую спальню.

– Елисавета, проснись! – прошептала она, склонившись над спящей женщиной, и слегка расталкивая ее.

– А, это ты, Гелома? – Спросонья ответила Елисавета. – Я что проспала?

– Нет, нет! Еще только едва рассвело. Но я пробудила тебя, чтобы сообщить радостную весть. Твои молитвы услышаны! Мне ночью явился ангел и сказал, что Господь смиловался над тобою и ниспослал тебе долгожданное дитя. У тебя родится мальчик милостью божью, и ты дашь ему имя это же – Иоанн, что и означает «Божья милость». Возрадуйся же! В чреве твоём дитя!

Елисавета от неожиданности буквально онемела и залилась слезами радости, воздавая хвалы всевышнему, за милость его.

– Дай я обниму тебя, Гелома, и расцелую за радостную весть. Ты – волшебница! Без твоих снадобий и молитв, я никогда бы не узнала такой радости. Вот Захария возрадуется, когда узнает, только я повременю сообщать ему, пока это не станет видимым со стороны.

Глава 38

Как обычно, Захария, ранним утром вышел из дому, и побрел давно проторенной дорогой через весь город в храм. Уже совсем немного пройдя, он почувствовал тяжесть в ногах. Опираясь на посох, тяжело дыша, он продолжил свой путь.

– Старость сказывается, – сокрушенно подумал он. – Вот и прошла жизнь, не оставив ни следа. Теперь угаснет род мой, и будет предан забвению.

Тяжело вздохнув, Захария остановился, и присел передохнуть на придорожный камень. Немного отдышавшись, он поднялся и продолжил путь. В этот день он пришел в храм с опозданием, и сразу же пошел воздать, как обычно, утреннюю молитву Господу. Едва успев открыть рот, вдруг он заметил в темном углу странное свечение. В голубоватой, светящейся дымке, возник бесплотный образ прекрасного ангела в белоснежных одеждах с двумя сияющими крылами за спиной.

– Слушай, Захария, и возрадуйся! – Заговорил ангел. – Всевышний на небесах услышал молитвы твои и жены твоей! За смирение и долготерпение Ваше, а так же, за труд твой праведный в служение Господу, смиловался Господь, и ниспослал долгожданное дитя во чрево жены твоей. Родится у тебя сын, наречешь которого, Иоанн – милость божья.

– Но этого не может быть! – Воскликнул Захария. – Я стар и немощен, и жена моя не молода. Столько лет мы ждали

наследника, а сейчас это никак не может быть правдой. Я не верю!

Резкая боль пронзила грудь Захарии, от которой перехватило дыхание. Лицо его перекосилось от боли, ноги подкосились, отказываясь держать тело, и он рухнул ничком на пол пред ангелом, который тут же исчез.

На звук падающего тела, сбежались другие священники храма. Увидев, ничком лежащего Захарию, Тобий склонился над ним, и убедился, что тот дышит. Подоспевшие вместе с ним служители храма осторожно подняли старца, и переложили его на ложе.

– Цилия, дорогая! Похоже, мы перестарались! Я сделал все, как мы договаривались, но не учли, что имеем дело со стариком.

– Да говори же толком, Аврелий! Что стряслось?

– От нашей вести, старика хватил удар. Он свалился, как подкошенный.

– Он жив?

– Не знаю. Я сразу же отключился.

– Спасибо, что сообщил. Сейчас попробую связаться с Дитой. До связи, Аврелий.

Дита, хлопочущая по хозяйству, старалась ничем не выдать своего волнения Елисавете и Иосифу, которые были заняты за беседой. Неожиданно раздался стук в дверь. Дита оставила свои дела, и бросилась к двери. На пороге стоял Тобий со скорбным выражением лица, а за ним еще четверо

священников, державшие носилки с, лежащим на них, Захарией. У Диты затряслись губы. Дрожащим голосом она спросила:

– Тобий, что с ним? Он жив?

– Успокойся, Гелома! – Ответил Тобий. – Он жив, слава богу, но потерял сознание прямо в храме, воздавая молитвы Господу нашему.

– Вносите же его скорее! Елисавета, Иосиф, скорее, помогите!

На крик Диты прибежала Елисавета, а следом за ней и Иосиф. Увидев мужа, находящегося в беспмятстве, Елисавета навзрыд залилась слезами. Захарию отнесли в спальню и уложили на ложе.

– Ну, почему, почему именно сегодня, когда я хотела признать ему, что во чреве моем, вот уже пять месяцев, живет наше дитя? – Причитала Елисавета.

– Успокойся, прошу тебя, – обняв ее, сказала Дита, – он ведь не умер, а всего лишь лишился чувств. Это пройдет, уверяю тебя. Позволь мне осмотреть его. Может быть, я чем-нибудь смогу помочь твоему мужу.

– Да, конечно! Твои волшебные снадобья, они и мертвого поднимут из могилы. Помоги ему, умоляю.

– Выйдите все, и позвольте мне выявить, что за недуг поразил его.

Елисавета вытолкала за дверь и всех, кто принес мужа, и Тобия, и Иосифа. Убедившись, что ни в спальне, ни ря-

дом с ней, больше никого нет, Дита незаметно прошмыгнула в свою комнату и тут же вернулась с чемоданчиком. Быстро облепив Захарию датчиками, она стала манипулировать многочисленными сенсорами и переключателями до тех пор, пока на лице Захарии не появился здоровый румянец. Тогда она молниеносно отключила все датчики, свернула их, и отнесла чемоданчик обратно, а со стола в своей комнате взяла пустую склянку. Когда Дита вернулась к Захарие, дыхание его стало ровнее и глубже. Дита бросила рядом свою склянку, так, будто только что она из нее давала лекарство Захарие, а потом поднесла к носу все тот же пластиковый тюбик. Мужчина поморщился и открыл глаза. Он глубоко дышал, пытаясь что-то сказать. Дита раскрыла дверь и громко, чтобы все ее слышали, позвала Елисавету и всех остальных.

Увидев, что муж пришел в себя, Елисавета припала к его груди, плача, на этот раз, от радости.

– Ты жив, дорогой! Слава богу! И еще трижды слава ему, за благую весть, которую он мне послал! Возрадуйся муж мой, у нас будет сын!

От удивления, глаза Захарии, все еще не в состоянии произнести ни единого слова, расширились и наполнились слезами, а Елисавета продолжала:

– Скажи, скажи мне, каким именем ты наречешь нашего будущего сына?

Захария, так и не обретший еще дара речи, жестом попросил подать ему табличку и перо. Дита, взяв с полки и то и

другое, подала их Захарие. Он, дрожащей рукой взял в руку перо, и начертал на табличке одно единственное слово – «Иоанн». После этого Захария разразился сильным кашлем, а когда кашель прекратился, смог, наконец, с трудом, произнести:

– Милость божья! Так велел архангел Гавриил, возвестивший меня о наследнике – Иоанн! Таково будет имя его! Такова воля Господа, который смилостивился надо мною!

Весть о чудесном ниспослании беременности праведной Елисаветы, мигом облетела весь Иерусалим. Иосиф, тут же засобиравшись домой, чтобы порадовать Марию. Он договорился, что сообщит, когда будет готов ввести в свой дом девочку в качестве своей законной супруги, и назначит день свадьбы. Проводив Иосифа, Дита, оставив наедине счастливых, Елисавету и Захарию, вышла из дому, и отправилась к Мельхиору. Дверь открыл, неизменный, Исхакх. Тепло поприветствовав Диту, он провел ее в гостиную, где она застала и Мельхиора, и, что было очень кстати, Цилию.

– Ну, что, как там? – Наперебой они стали расспрашивать Диту.

– Фу! – Отдышавшись после быстрой ходьбы по городу, ответила Дита. – Кажется, все обошлось! Представляете, у старика случился инсульт. Он даже дар речи потерял на какое-то время. Чего мне стоило привести его в норму. Хорошо, что его быстро принесли домой. Промедли еще час-другой, и я была бы бессильна, чем либо, ему помочь. Но в це-

лом, все получилось, как нельзя лучше. Свидетелями «чуда» было множество людей, и, что самое ценное, все они, за исключением Иосифа, священники из храма. Так что завтра, уж поверьте мне, весь город будет говорить только об этом событии. Но на будущее, с подобными фокусами, нужно быть очень осторожными, ведь Иосиф еще старше, чем Захария.

– Вот и славно, милая (тут Мельхиор сделал короткую паузу) Гелома. Со своей частью задуманного плана, ты с честью справилась, и теперь можешь, с чистой совестью, возвращаться в Рим, под крыло нашего дорогого Квинта.

– Нет уж, уважаемый Мельхиор, позволь мне все довести до логического завершения. Я останусь в доме Захарии до самых родов. Елисавета, несмотря на все мои манипуляции с омолаживанием, все-таки далеко не девочка. Кто знает, какие осложнения могут возникнуть во время беременности и родов. Так что, лучше я буду рядом с ней, чем потом клясть самую себя за то, что оставила бедную женщину на произвол судьбы. Давайте лучше отметим удачное завершение первого этапа нашей программы. Лично я, была бы не против, выпить хорошего вина за здоровье наших подопечных. Надеюсь, в этом доме найдется таковое?

Мельхиор улыбнулся и достал из шкафчика, спрятанного в нише стены, серебряный кувшин и три кубка. Затем он позвал Исхакха и попросил принести фрукты и сладости. Когда Исхакх принес все это на огромном блюде, Мельхиор разлил

вино по кубкам и подал их обеим женщинам. Выпив вина, все трое предались непринужденной беседе.

– Как тебе в Иерусалиме? – обратилась Дита к Цилии.

– Все замечательно, – ответила девушка, – Мельхиор окружил меня своей заботой, только вот...

– Что? – Лукаво переспросила Дита. – Не хватает тут милого Аврелия?

– Я не это хотела сказать, – заливаясь краской, смущенно, ответила Цилия, – я о том, что чувствую себя здесь в некой странной роли, что-то вроде неотложной медицинской помощи в сочетании с обязанностями курьера, хотя могла бы...

– Не бери в голову, – со смехом перебила девушку Дита, – и радуйся, что у тебя есть, в отличие от нас с мамой, возможность расслабиться и немного отдохнуть в этом чудном городе. Правда, до полного счастья, как мне кажется, кое-кого не хватает рядом. Что ж, это дело поправимое! Нужно подумать, чем здесь можно занять Аврелия, кроме исполнения роли архангела Гавриила!

Всю дорогу, возвращаясь в Назарет, Иосиф находился под впечатлением чуда, произошедшего в Иерусалиме с Захарией и Елисаветой.

– Уж, не об этом ли младенце, о чудесном зачатии которого возвестил архангел Гавриил, повсюду говорят люди, как о Мессии, который должен прийти в мир? – думал Иосиф. – Почему бы нет? Ведь и Захария, и его жена, всегда вели праведный образ жизни, несмотря даже на то, что Господь по-

слал им такое тяжкое испытание. И вот, воздав им за терпение, он решил, что пришла пора возблагодарить преданных своих рабов, послав им не простого ребенка, а того, кто освободит от нечестивцев весь народ Израилев. А то, что я, вопреки самой природе, согласился стать членом их семьи, и меня делает причастным к этому божественному деянию. Значит, и моя жизнь не прошла даром, раз Господь распорядился таким образом. Пусть же все вокруг осуждают меня за то, что находясь почти у смертного одра, я возьму в свой дом юную, непорочную деву. Значит таково предназначение мое и воля на то самого Господа нашего. Я со смирением и покорностью беру этот груз на себя.

Так размышлял Иосиф по дороге домой. Оказавшись, наконец, в Назарете, он не стал заходить к себе домой, а направился прямо к Марие. Дверь ему открыла Иза.

– Хвала всевышнему! – Воскликнула она, – Вы вернулись, уважаемый Иосиф. Прошу Вас, входите, и будьте самым желанным гостем в этом доме.

Иосиф слегка поклонился, и, проходя в дом, ответил:

– Благодарю тебя, Саломея! Я прямо с дороги, и поспешил сюда, чтобы сообщить Марие радостную весть. Где же она? Зови ее скорее!

Иза провела старца в комнату, и предложила ему присесть на скамью, а сама, тем временем пошла звать Марию.

– Мария, детка, – торжественно произнес Иосиф, – я посчитал правильным, тебе первой сообщить сразу две радост-

ных вести: Во-первых, отныне ты моя невеста. Мы с твоей тетей и ее супругом договорились об этом, и скрепили сей договор. Со свадьбой можешь не спешить. Я даю тебе столько времени, сколько ты сама пожелаешь, чтобы обдумать все и решить самой, хочешь ты этого или нет. Не торопись давать мне ответ сейчас.

Мария подняла глаза, и, с благодарностью посмотрела на Иосифа, затем на Изу. Глаза ее увлажнились.

– А другая весть просто чудесная! – продолжил Иосиф, прерывая неловкую паузу. – Тетя твоя, Елисавета, беременна, и об этом супруга ее, Захарию, возвестил сам архангел Гавриил. Сына своего будущего, он повелел наречь именем Иоанн – Милость божия. Возрадуйся же за тетю свою и ее будущее дитя!

Сияющая улыбка озарила лицо девушки.

– Радость-то какая! – вымолвила она. – Тетя моя праведная, как никто другая, заслужила такую милость. Я так рада за нее, что хотела бы сама поздравить ее. Прошу тебя, будущий супруг мой нареченный, позволь мне поехать к Елисавете, и разделить с нею, сестрой моей покойной матери, ее радость, и побыть подле нее некоторое время.

– Пока ты не жена мне, а только невеста, – ответил Иосиф, – ты свободна, и вправе сама решать, как тебе поступать. Я же считаю твое желание правильным и милосердным. Поезжай в Хеврон, родовой город Захарии, куда он возвратился вместе с женою своею, по окончании срока своего

служения в храме Иерусалимском, и да благословит Господь твой путь!

Глава 39

– Признаюсь тебе, Дита, до чего же я обрадовалась, когда Мария решила навестить Елисавету. Правда, Хеврон ничуть не лучше Назарета, но здесь, хотя бы, мы с тобою, какое-то время будем рядом. Даже не могла себе представить, насколько скучная жизнь у этих Иудеев! Только и знают, что молятся своему Богу.

– Я тоже очень рада. Теперь у меня появится повод улизнуть от Елисаветы, хотя бы на время. С тех пор, как мы переехали в Хеврон, она мне не дает проходу, все выпрашивает, хорошо ли развивается ее сын. Больше она ни о чем говорить не хочет.

– Ее можно понять. Забеременеть в ее возрасте, да еще таким таинственным способом, когда уже почти погасла последняя искра надежды! Конечно она испытывает страх только от мысли, что может потерять долгожданное дитя.

– Да все у нее нормально. Я ей об этом твержу по двадцать раз на день, но каждый раз она, вновь и вновь задает одни и те же вопросы. От этого можно сойти с ума. Знаешь, я иногда ловлю себя на мысли, что едва сдерживаюсь, чтобы не нахамить ей.

– Ничего, скоро это все закончится. Через три с половиной месяца она благополучно родит, и тогда полностью переключится на заботу о ребенке. Мне же все это только пред-

стоит прочувствовать на себе с Марией. Остается только надеяться, что девочка не будет столь назойлива, как ее тетка.

– Когда ты думаешь заняться ею!

– В самое ближайшее время. Сегодня же свяжусь с Квинтом, чтобы согласовать сроки.

– Ну, ладно, что же мы стоим. Пошли, мама, я представлю тебя Елисавете.

Иза привязала осла у коновязи, и вместе с Дитой подошла к Есисавете с Марией, которые щебетали на пороге дома. На лице Марии был написан полный восторг от того, что обнявшись с тетей, она решила погладить, ее, уже довольно сильно округлившийся живот, и в этот самый момент ребенок толкнул ножкой.

– Ой! -Воскликнула девушка, – Он шевелится!

– Это он приветствует тебя, дорогая! – Ответила Елисавета.

– Конечно, они же все-таки самые близкие родственники! – С усмешкой сказала Дита, подойдя к женщинам. – Вот, Елисавета, познакомься – Это моя подруга Саломея. Я рассказывала тебе о ней.

Елисавета приветливо улыбнулась и сказала:

– Добро пожаловать, Саломея! Входи, пожалуйста, и будь, как дома. Мы с мужем будем очень рады тому, что ты вместе с Марией погостишь у нас!

Иза поблагодарила Елисавету, и, многозначительно взглянув на Диту, сказала:

– Гелома, пожалуйста, помоги мне отнести наши вещи в дом.

Дита утвердительно кивнула головой, и вместе с Изой вернулась к повозке.

– Осторожно, пожалуйста, – шепнула Иза, – здесь все наше оборудование. Я взяла его у Цилии, на случай, если мы задержимся в Хевроне надолго. Еще тут два комплекта крыльев. Смотри, чтобы все это случайно никому не попало на глаза.

– Не волнуйся! Тут много мест, где все это можно будет надежно спрятать, не то, что в Иерусалиме.

Так, перешептываясь, женщины вытащили из повозки тяжелые тюки, и отнесли их в комнату, где жила Дита. Оказавшись в комнате, Дита плотно затворила дверь, и, сдвинув кровать, открыла, устроенный ею в небольшом углублении в полу, тайник. Быстро переложив в него все, что должно быть сокрыто от посторонних глаз, она накрыла тайник циновкой и поставила кровать на место, после чего, уже спокойно обе женщины присели на кровать, чтобы немного передохнуть.

– Ну, с одним делом справились, с облегчением сказала Иза, теперь нужно подумать, какой бы найти предлог, чтобы уйти из дома.

– А тут, мама, и думать нечего! – В тон Изе ответила Дита. – Елисавета твердо уверовала в мой, а по моим рассказам, и в твой, дар врачевания. Мы можем уйти из дому под предлогом сбора, необходимых нам для наших снадобий, ле-

карственных трав, которые, якобы, произрастают в окрестностях города, и сбор которых необходимо производить в вечернее время. Так что после обеда, я думаю, мы с тобой беспрепятственно сможем уйти, не вызвав ни у кого подозрений. Да я считаю, что нашим хозяевам сегодня будет не до нас. Они не успокоятся, пока не расскажут друг другу все, что у них накопилось с тех пор, как Мария покинула храм, а Елисавета с мужем, Иерусалим.

Как и предполагала Дита, ни у кого из женщин, да и у Захарии, вернувшегося со службы в храме Махпела, не возникло никаких возражений против прогулки служанок. После обеда Иза с Дитой, захватив с собою заплечные сумки, вышли из дому, и, следуя руководству Захарии, двинулись в сторону западной окраины города. Оказавшись за пределами городских стен, Иза осмотрела простирающуюся перед ними гористую местность, и, наметив для себя ориентиром невысокую гору километрах в пяти от города, направилась к ней. Дита последовала следом, изредка нагибаясь, чтобы сорвать придорожные травы, которыми постепенно заполнила и свою, и Изину сумку. Добравшись до горы, женщины убедились, что вокруг нет ни души. Тогда Иза достала коммуникатор, и, набрав код Квинта, стала ожидать ответа. Довольно долго ответа не было, но, наконец, после нескольких десятков вызовов, он ответил:

– Здравствуйте, мои дорогие! Иза, прости, что долго не отвечал. Я, как раз, шел с заседания сената, и не мог отве-

тить пока не добрался до дома. Внимательнейшим образом слушаю тебя.

– Квинт! Мы с Марией прибыли в Хеврон, и нам хотелось бы уточнить сроки проведения операции. Было бы удобно провести ее, пока мы в здесь.

– Спешу сообщить, сегодня в сенате, Август огласил свой эдикт о присоединении новых провинций до конца этого года. Он повелел провести на этих территориях двадцать пятого декабря перепись населения. Так что сами рассчитывайте, когда проводить операцию.

– Получается, что у нас совсем мало времени на подготовку.

– А какая особенная подготовка нужна тебе, Иза?

– Как это какая? У меня еще не решен самый главный вопрос.

– Поясни, пожалуйста!

– Послушай, Квинт, нам срочно нужно встретиться, и поговорить с глазу на глаз. Не мог бы ты прилететь сюда, хотя бы на пару часов?

– Я, конечно, смог бы прилететь, но пойми, я сенатор, и мне не просто вырваться из Рима так, чтобы никто не заметил моего отсутствия.

– Поверь мне, это очень важно! Найди способ для нашей встречи, очень прошу тебя! Вспомни, когда ты обратился ко мне с аналогичной просьбой, я откликнулась на нее, несмотря на то, что находилась за тысячи световых лет от Земли.

Ты же находишься всего в полчаса полета.

– Хорошо, хорошо! Жди меня завтра после полуночи.

– Мы сейчас за городом около небольшой горы километрах в пяти к западу от Хеврона.

– Я очень хорошо знаю окрестности этого города, и гору эту прекрасно знаю. Там, на юго-восточном ее склоне, есть небольшая пещера. Я буду там завтра после полуночи.

– Спасибо, Квинт! Буду ждать тебя с нетерпением. Только попрошу еще, будь один.

– Все, Иза! Ко мне гости! До встречи!

– До встречи!

Иза отключила коммуникатор и спрятала его.

– Мама, зачем тебе здесь понадобился Аркус? Или я чего то не знаю?

– Это касается только его и меня, Дита. Прошу тебя, не задавай мне пока никаких вопросов. Как только появится такая возможность, я сама тебе все расскажу. Хорошо?

– Ну, раз так, хорошо! – Недоуменно пожав плечами, ответила Дита.

– Вот и прекрасно! А сейчас давай пойдем поищем пещеру, о которой говорил Квинт..

Обойдя гору, женщины действительно обнаружили на ее склоне вход в пещеру. Чтобы не заблудиться потом в темноте, Иза оставила у ее входа радиомаячек.

– Ну, все, Дита, скоро начнет темнеть, и нам пора возвращаться в город.

– Послушай, мама, а ты подумала, каким образом завтра мы выберемся из города?

– Мы? Почему мы? Я же сказала, Дита, что это касается только меня и Квинта. Я отправлюсь сюда одна. Что же касается способа... Я заметила, что в иудейских семьях принято рано ложиться спать, да и темнеет сейчас очень рано. Поэтому, я вполне смогу воспользоваться крыльями. Главное, незаметно выйти из дому, а все остальное – дело техники.

Глава 40

Весь следующий день Иза провела в ожидание вечера, пытаясь скрыть охватившее ее волнение. Сразу же после ужина, она удалилась в комнату, где поселилась вместе с Дитой, сославшись на внезапную головную боль. Здесь Иза извлекла из тайника комплект крыльев, а так же кое что из своих собственных вещей. Все приготовленное она сложила в большую сумку, и стала ждать, когда все в доме улягутся спать. Вскоре к ней присоединилась Дита, закончившая свои дела по хозяйству. Не разжигая светильников, обе они присели на кровать в ожидании наступления полной темноты. Как только в доме стихли последние звуки, Дита бесшумно открыла дверь, и вместе со следующей за нею Изой, тихонько вывела ее во внутренний двор дома. Здесь Иза быстро накинула ранец с крыльями, и, крепко обняв на прощание дочь, поднялась в ночное небо., Двигаясь на радиомаяк, уже спустя несколько минут она опустилась у входа в пещеру, в которой была назначена встреча с Квинтом. Иза осветила пещеру

фонарем. Убедившись, что ничего подозрительного внутри нет, она вошла в нее. Осмотревшись, Иза извлекла из сумки принесенные с собою вещи, и, в дальнем конце пещеры расстелила легкое надувное ложе, накачав его компактным компрессором. В середине пещеры, она установила пару складных стульев и низенький столик, на который поставила и зажгла три толстых свечи. Закончив с приготовлениями, Иза уселась на один из стульев, погасила фонарь, и, в мерцающем пламени свечей стала ожидать Квинта. По прошествию долго, томительно тянущихся минут двадцати, снаружи послышались шаги, и, наконец в пещеру вошел Квинт. Иза встала, и сделала пару шагов ему на встречу. По-дружески поприветствовав женщину, Квинт прошел в пещеру, и опустился на предложенный Изой стул.

– Как видишь, я выполнил твою просьбу, – сказал он, – и, несмотря на крайнюю занятость, по первому твоему призыву, примчался сюда. Теперь мне хотелось бы услышать, что вызвало необходимость столь срочной встречи.

– Ты говоришь так, будто не рад меня видеть! – Кокетливо ответила Иза.

– Ну, что ты! Я всегда рад тебя видеть, но, насколько я понимаю, не ради того, чтобы созерцать мою персону, ты столь поспешно вызвала меня сюда.

– Конечно нет! Чтобы просто взглянуть на тебя, мне было бы достаточно и коммуникатора. Я пригласила тебя (Иза сделала длинную паузу) по несколько щекотливому вопросу.

Вчера ты сообщил, что на конец декабря назначена перепись населения вновь присоединяемых провинций, а это значит, что Мария должна забеременеть не позднее двух предстоящих недель.

– Наверное так, – ответил Квинт, – тебе виднее. И что же тебе, в этой связи, потребовалось от меня?

– Квинт, мы, конечно готовились самым тщательным образом к предстоящей работе, но, честно говоря, вчерашним своим сообщением, ты меня застал врасплох. Мы с Дитой считали, что у нас будет несколько больше времени, и не успели пока подготовить достойного донора.

– Так ты хочешь, чтобы я занялся поисками этого самого донора?

– Нет, дорогой! На это и у тебя нет времени.

– Тогда что?

– Я хочу, чтобы этим донором ... стал ты.

– Что? Ты в своем уме, Иза? Посмотри на меня, ну, какой из меня донор! Я, по местным меркам, уже весьма пожилой человек, да и не представляю даже, как бы я мог... Ты хочешь, чтобы я...

– Нет, нет, Квинт, – перебивая и не давая ему договорить, тихо сказала Иза, – ничего такого я не хочу. А хочу я... (Иза на мгновение запнулась). Я хочу, чтобы это произошло естественным путем.

– Подожди! Ты хочешь, чтобы я и эта девочка...

– Нет! Я хочу, чтобы ты и я. – Краснея и тяжело дыша,

наконец, выдавила из себя Иза. – Выслушай меня, и, пожалуйста не перебивай. Ты знаешь, что всю свою жизнь я любила и была верна одному человеку – Зейвсу. Но, если бы так случилось, что в моей жизни не оказалось бы его, то лучшим из людей, кого я знала, с кем я могла бы быть счастлива – это ты. Мы с тобою не просто взрослые, а очень взрослые люди, Квинт. Оба мы сейчас совершенно свободны, вот я и подумала, может быть...

– Иза! – Ответил ошарашенный Квинт. – Но я... Зара... Как я могу?

– Постой, ты хочешь сказать, что после Зары, ни в одной из твоих трансплантаций, у тебя никогда не было ни одной женщины? Это просто невероятно!

– Да, Иза, невероятно, но это так. Я всегда был робок и неуверен в себе в отношениях с женщинами. Даже Зара, и то проявила инициативу первой, а иначе я бы никогда к ней не осмелился бы подойти.

– Но и сейчас, Квинт, аналогичный случай. Я первая проявила эту инициативу, и вовсе даже не потому, что это нужно для дела! Я что, так противна тебе, что ты не хочешь провести со мною всего лишь одну ночь?

– Нет, что ты, Иза! Ты же знаешь, что я всегда боготворил тебя, но ты мне казалась такой недостижимой, такой далекой. И еще твоя бесконечная преданность Зейвсу...

– Зейвса больше нет! И мне кажется, если он сейчас видит нас, находясь в ГИП, то, наверняка одобрит это наше реше-

ние. Мы с тобой были всегда его самыми близкими людьми, и, я думаю, он рад, что это будешь именно ты.

Иза встала, подошла к Квинту сзади, и обвила его руками вокруг шеи.

– Пойдем, – увлекая его в дальний конец пещеры, – прошептала Иза.

Лежа на спине под легким покрывалом, рядом с крепко спящим Квинтом, Иза, глядя в свод пещеры, тускло освещаемый догорающими свечами, раз за разом вспоминала те короткие минуты наслаждения, которые пережила этой ночью. Но, как бы ей не хотелось, чтобы это счастье продолжалось вечно, повторяясь вновь и вновь, нужно было возвращаться к суровой действительности. Она вытянула обнаженную руку из-под покрывала, и, пошарив по разбросанной на полу пещеры своей одежде, нащупала коммуникатор и взглянула на часы. Было почти без четверти три. Женщина тихонько выскользнула из-под покрывала, накинула платье на обнаженное тело, уже в который раз проверила надежно ли закрыта криокапсула с бесценным содержимым, и, склонившись над Квинтом, нежно поцеловала его в губы.

– Квинт, дорогой, – прошептала она, – просыпайся.

Мужчина приоткрыл глаза, и увидев прямо перед собой лицо Изы, обнял ее, привлекая к себе, и ответил на поцелуй.

– Неужели все это мне не приснилось? – спросил он. – Никуда не хочу уходить отсюда.

– Мне тоже не хочется этого, – прижимаясь всем телом к

Квинту, прошептала Иза, – но ночь кончается, и нам пора.

– И что, на этом все?

– Давай не будем пока строить никаких планов на будущее, дорогой. Ты утром должен быть в Риме, а я в Хевроне. Давай пока на этом остановимся и сделаем паузу, а дальше жизнь покажет.

Иза освободилась от объятий Квинта, поднялась на ноги и стала собираться. Квинт тоже, нехотя встал и оделся. Он подошел к суетящейся Изе и помог ей уничтожить все следы их краткосрочного пребывания в пещере.

– Я провожу тебя. – Сказала Иза, когда все было собрано. – Где ты оставил свой флайер?

– Здесь неподалеку, на вершине этой горы.

Они вышли из пещеры, и обнявшись стали подниматься вверх по склону.

– А знаешь ли ты, Иза, что это за пещера?

– Понятия не имею!

– В ней поселились мой сын с Евой, когда твой муж изгнал их из Эдема. В ней они прожили долгую жизнь, а я, изредка, на сколько это было возможно, прилетал сюда и издали наблюдал за ними.

– Странно, – ответила Иза, как же в этой жизни все так тесно переплетено, прошлое, настоящее, и, возможно, будущее. Удивительно, на огромной планете не нашлось другого места, которое смогло бы все это объединить в единое целое. Что это, совпадение?

– Мне кажется, что это не совпадение. Так предначертано судьбой.

Иза задумалась, и оставшуюся часть пути до вершины, прошла молча, погруженная в свои мысли. Уже у трапа, она вновь прильнула к Квинту, и, на прощание шепнула:

– Мне было удивительно хорошо этой ночью. Я никогда ее не забуду, и, надеюсь, что у нас еще будет возможность вернуться в это счастье.

Она не дала Квинту что-либо ответить, слегка отстранилась от него и сказала:

– Иди.

Проводив взглядом удаляющийся в темное небо, флайер, Иза, раскрыв крылья, полетела в противоположенную сторону. Стрелой промчавшись над спящим городом, она опустилась на внутреннем дворе дома Захарии, где всю ночь, не сомкнув глаз, ее прождала Дита. Подхватив у матери тяжелую сумку, она, взяв Изу за руку, повела ее через весь дом в свою комнату. И только оказавшись в ней, и заперев надежно дверь, обратилась с расспросами.

– Ну что, мама, вы виделись? Как все прошло? Я просто стораю от любопытства.

– Потом, Дита, все потом! Я очень устала и смертельно хочу спать. Лучше спрячь все это, -указывая на крылья и содержимое сумки, ответила Иза, – а вот это, – доставая из сумки криокапсулу, – в особенности.

У Диты от удивления широко раскрылись глаза, и она

неуверенно спросила:

– Мама, ты что?... Ты и Квинт? Я просто в шоке!

– Что тебя так шокирует, дочка? То что два одиноких человека подарили друг другу несколько минут истинного счастья? Разве это преступление?

– Да нет, что ты! Я совсем не это имела ввиду. Просто мне казалось, что ты, после ухода папы, напрочь закрыла эту страницу. Да и Аркус тоже, после гибели жены, вроде бы не проявлял активности в этом направлении. В конце концов – не мое это дело, и, если это доставило Вам обоим какое-то удовольствие, я только рада за Вас.

– Какое-то удовольствие! -передразнивая Диту, мечтательно прошептала Иза, укладываясь в постель. – Да за такие минуты я готова пожертвовать всем, чем угодно! Я умереть готова, лишь бы они повторились хоть разочек, хоть когда-нибудь.

Глава 41

– Мария, девочка, – обратилась к племяннице Елисавета, – ты совсем ничего не ешь. Уж не заболела ли ты?

– Нет, тетя! Спасибо, я здорова. Просто не хочется.

– Погляди на себя. Ты такая бледная. Я очень за тебя беспокоюсь.

– Не стоит, тетя. Это скоро пройдет.

– Вся эта бледность и отсутствие аппетита, – вставила Иза, вмешиваясь в разговор, происходящий за столом, – из-за того, что ты, девочка, уже сколько времени сидишь в четырех

стенах. Посмотри, какая стоит чудная погода! Пойди, прогуляйся. Здесь такие красивые места, особенно сейчас, когда все вокруг цветет!

– Как я могу гулять одна? Я здесь ничего не знаю, да мне и не хочется оставлять тетю ни на минуту.

– Со мною ничего не случится, – ответила Елисавета, – а если ты боишься гулять одна, то, я думаю, наша дорогая Саломея не откажется сопровождать тебя.

– Это и не обсуждается, – ответила Иза, – я ведь все-таки несу ответственность за твою племянницу, и, естественно, готова неотступно везде следовать за ней. Да и Гелома, надеюсь, тоже не откажется составить нам компанию. Не правда ли, Гелома? – При этом Иза многозначительно посмотрела на Диту.

– Я буду только рада, – с восторгом ответила Дита, – если, конечно, ты, Елисавета, не будешь против.

– С чего это вдруг я должна быть против? – ответила женщина. – Сейчас же собирайтесь и идите. Я тут управлюсь и без Вашей помощи.

Мария встала из-за стола, и, подбежав к Елисавете, обняла ее и нежно поцеловала.

– Спасибо, тетя, я пойду. Мы постараемся недолго.

– Иди, иди, девочка моя, гуляй сколько захочешь, и можешь не торопиться возвращаться.

Спустя полчаса женщины уже были за городскими воротами. Погода действительно стояла удивительная. Чистый,

прозрачный воздух весь был наполнен весенним солнечным светом и благоуханием цветущих деревьев. Все это великолеpie вызвало у Марии неопиcуемый восторг. За всю свою долгую жизнь в храме, ничего подобного ей не приходилось видеть. От свежего, наполненного кислородом воздуха, у девушки даже закружилась голова. Заметив это, Иза предложила немного передохнуть.

– Здесь неподалеку есть одно замечательное место, – как бы невзначай, сказала Иза, – и если ты потерпишь еще чуть-чуть, мы сможем там передохнуть.

– С удовольствием. – ответила Мария. – А это далеко?

– Нет, милая, это совсем рядом, вон у той горы!

Добравшись до горы, Иза и Дита подвели Марию к уже знакомой нам пещере.

– Входи, Мария, не бойся! Мы с Геломой часто бываем здесь, когда ходим по округе в поисках лекарственных трав. Вот и сейчас, давай сделаем тут небольшой привал и немного отдохнем.

Мария вслед за женщинами зашла в пещеру, с любопытством рассматривая ее. Едва она переступила порог, как ей в нос ударил аромат свежескошенной травы. Это Дита, еще накануне, предусмотрительно устроила в глубине пещеры ложе из трав.

– Как тут замечательно! – Восторженно воскликнула девушка.

– Ну же, давай, присаживайся! – С улыбкой, предложила

Иза. – Эта пещера гораздо замечательнее, даже чем тебе сейчас показалось. Хочешь узнать, чем же?

– Хочу, конечно! Расскажи мне, Саломея.

– Когда-то, давным-давно, – начала Иза, извлекая из своей сумки, захваченную из дому еду и напитки, и расставляя их перед Марией, – в этой пещере поселились Адам и Ева, изгнанные Богом из Эдема. Ты ведь слышала об этой истории?

– Да, Саломея, я знаю! Господь изгнал первых людей из Эдема за то, что они, нарушив его запрет, вкусили от плода познания.

– Совершенно верно, милая! Так вот, поселившись здесь, они прожили долгую, трудную, но очень счастливую жизнь. Здесь у них родилось множество детей, которые став взрослыми, вступили в брак с живущими в этих местах ханаанцами. Потом у них тоже родились дети, и так далее. Так на Земле, со временем, появился народ Израилев.

– Я и это знаю. Нам в храме эти истории рассказывали фарисеи.

– Но ты еще не знаешь главного. Знаешь ли ты, откуда берет начало твой род?

– Да! Наш род происходит от корня Давидова.

– Это так, но не совсем. Твой род гораздо более древний, во всяком случае, по женской линии. Он берет свое начало задолго до рождения царя Давида, и корнями своими уходит напрямую к первым людям – Адаму и Еве, а твоя мать Анна, твоя тетя Елисавета, а значит и ты, являетесь последними

прямыми потомками первых людей.

– Откуда тебе это известно? И почему последними? У тебя скоро родится ребенок. Разве он не унаследует наш древний род?

– Послушай, Мария, эту историю поведал мне один из трех величайших мудрецов – Мельхиор. Ты ведь слышала о нем?

– Да, слышала! Люди говорят, что ему известны все тайны в мире. Тетя говорила, что он часто бывал в ее доме, когда она с мужем жила в Иерусалиме.

– Значит у тебя не должно быть сомнений в правдивости его слов. А что касается ребенка, которого скоро родит твоя тетя, то он не сможет называться прямым наследником Вашего рода в силу двух причин. Во-первых, Захария не принадлежит к колону Давидову, а во-вторых, если бы даже и принадлежал, то, как возвестил Архангел Гавриил, у Елисаветы родится мальчик, а это значит, что он не сможет быть прямым наследником, поскольку ваш род идет от первых людей по женской линии.

– Так что, получается, что наш род прервется?

– Ну, почему же? Ведь есть еще ты. Твои дети смогут продлить Ваш род.

Лицо девушки омрачилось.

– О чем говоришь ты, Саломея? Ты же прекрасно знаешь, что мне предстоит стать женой старца! Нет, мне никогда не суждено почувствовать радость материнства.

– Как знать, милая, как знать. Только Господь может знать наверняка, какая судьба тебе уготована. А я так скажу тебе. У тебя обязательно родится ребенок, который прославит имя твое в веках, которого люди будут почитать, как своего учителя, наставника и спасителя. Верь мне, и это случится.

– Это тоже сказал тебе мудрец? – Заливаясь слезами, неожиданно хлынувшими из глаз, спросила девушка.

– Нет, Мария! Но я чувствую, что так будет, что Господь не оставит тебя, и подарит тебе счастье земное. А сейчас вытри слезы и поешь. Тебе ведь понадобятся силы, чтобы все это сбылось.

Девушка вытерла слезы краем рукава, и послушно стала есть, запивая еду душистым настоем, приготовленным Изой и Дитой. Вскоре, продолжая беседу, Мария вдруг начала зевать, вопросы ее становились все более бессвязными.

– Наверное, прогулка утомила меня. – Пробормотала девушка, хлопая глазами.

– А ты приляг, отдохни, а мы с Геломой последуем, чтобы твой сон никто ничем не побеспокоил. – Ласково посоветовала ей Иза.

Девушка послушно откинулась на душистое травяное ложе, еще раз зевнула, и через минуту-другую уже спала крепким сном. Убедившись, что Мария заснула, Дита метнулась в самый дальний угол пещеры, и из-под большой охапки травы, извлекла принесенный ею накануне и спрятанный здесь, заветный чемоданчик. Действуя быстро и слажено, они вме-

сте с Изой провели операцию. Когда все было закончено, Иза вытерла, выступившие на лбу, капельки пота.

– Мне казалось, что я лопну от напряжения. – Прошептала она Дите. – Как же трудно выполнять эту процедуру с девственницей, но, на мой взгляд, все прошло удачно.

– Еще не все, – ответила Дита, доставая из травы некое странное устройство, напоминающее корону с множеством тончайших металлических проволочек и огромного жгута проводов, соединенного с пластиковым корпусом.

Дита, аккуратно приподняв голову девушки, надела на нее это подобие короны таким образом, чтобы проволочки касались лба и затылка Марии.

– Не знаю, как эта штука работает, но будем надеяться, что Мельхиор точно знает, каким будет эффект от работы этого устройства, разработанного в святой святых самых секретных лабораторий Корпуса жизни.

Дита прикоснулась к сенсору, запустив устройство в работу. Когда загорелся индикатор, свидетельствующий о готовности его к работе, она коснулась другого сенсора, после чего вспыхнул миниатюрный экран на котором стала воспроизводиться предварительно подготовленная видеозапись. По окончании воспроизведения, система выдала сигнал ожидания, который мигал в течение нескольких минут, а затем помигивание прекратилось. Индикатор загорелся зеленым светом, и на дисплее появилось сообщение о том, что информация загружена в сознание испытуемого. После этого Дита

быстро все отсоединила, и, сняв с девушки корону, спрятала устройство в траве. Туда же она засунула чемоданчик, и присела рядом с Изой, склонившейся над спящей Марией.

– Посмотри, Дита, сколько эмоций играет на ее личике. Так же, пятнадцать лет назад, мы с тобой смотрели на ее мать. Помнишь? Тогда мы помогли Анне и Иоакиму, в результате чего на свет появилось это дивное создание. Могу поспорить, но этот сон Мария запомнит на всю жизнь. Знаешь, я много слышала о разработках этого оружия в Корпусе жизни, но до конца отказывалась верить в то, что это вообще возможно. Теперь вижу, что ошибалась. Оно на самом деле существует.

– Оружие? О чем ты? Это же просто прибор!

– Ты что, действительно не понимаешь? С помощью этого устройства можно внушить все, что угодно, кому угодно. И на месте этого "кого-то" мог бы оказаться любой человек, причем не только землянин или представитель любой другой инопланетной расы, но и кто-либо из Геян, в том числе и мы с тобою, и под воздействием этого прибора мы могли бы выполнять любые, самые чудовищные приказы, исходящие из Магистрата Корпуса. Мы все должны быть безмерно благодарны Темис, досье которой, я надеюсь, положит конец деятельности этой преступной организации.

– Удивительно, мама, я много раз задумывалась над тем, почему многие талантливые, глубоко порядочные ученые сотрудничают с Корпусом. Теперь все становится на свои ме-

ста. Похоже, с помощью этого прибора, оказывалось психотропное воздействие на них.

– К сожалению, не на всех. Было множество и таких, которые сами, добровольно, отдавали свои мозги Корпусу, но были и такие, воздействовать на которых даже с помощью этого устройства, оказалось невозможным.

– Ты о телепатах?

– Да, о них. Корпусу пришлось насильно прибрать к рукам и контролировать всех, кто обладает этой способностью, но это вовсе не означает, что ему удалось приручить их. Примером тому наши друзья, такие как Валтасар и Мельхиор.

– Что ж, на сегодняшний день Корпус нейтрализован, и благодаря этому у нас появилась возможность использовать это оружие принуждения во благо.

– Да, сегодня это так, но, все же, я бы спала спокойнее при мысли, что этого оружия больше нет и никогда не будет. Другими словами, я за его уничтожение и полный запрет во всем Галактическом содружестве. Никто ни у кого не имеет права отнимать его собственную индивидуальность, кем бы этот человек ни был. Ну, да ладно, хватит об этом, она просыпается.

Действительно, веки Марии вздрогнули. Девушка потянулась и открыла глаза.

– Саломея, Гелома, – улыбаясь сказала Мария, – если бы вы знали, какой чудный сон я видела сейчас!

– Тс-с-с! – Предупредительно приложив к губам указа-

тельный палец, прервала девушку Иза. – Не спеши рассказывать свой сон, Мария! К снам нужно относиться с уважением, ведь в них мы часто видим то, о чем мечтаем, и что нам недоступно в реальной жизни. Ты ведь наверняка слышала, что сны бывают вещими, и, если тебе хочется, чтобы сбылось то, что тебе виделось во сне, не торопись о нем рассказывать. Лучше подожди до того момента, когда ты почувствуешь, что хоть что-нибудь из тобою увиденного, начинает сбываться. Вот тогда и мы с Геломой, и твои родственники, и другие близкие тебе люди, с удовольствием тебя выслушаем. А сейчас поднимайся, нам пора возвращаться домой, а то Елисавета будет волноваться. А ей, в ее положении, это крайне вредно.

Глава 42

– Саломея, пожалуйста, не уходи. – Неожиданно, чуть не моля, попросила Мария, уже было взявшуюся за ручку двери, Изу. – Останься, побудь со мной.

Иза обернулась, и брови ее удивленно взметнулись.

– Что-нибудь случилось? – Спросила она, стоя у порога спальни Марии.

– Мне страшно!

– Да чего же ты боишься, милое дитя?

– Я не знаю... не понимаю. Со мною что-то происходит...

– Что же такого с тобой происходит, отчего тебе становится так страшно? – Шепотом спросила Иза, поставив на место свечу, и присаживаясь на кровать рядом с девушкой.

– Милая Саломея, – неуверенно начала Мария, помнишь, тогда, давно, в той пещере, я хотела рассказать тебе и Геломе про удивительный сон, который мне там приснился? Ты еще тогда сказала, чтобы я не рассказывала о нем до тех пор, пока он не начнет сбываться.

– Помню, конечно. – Несколько настороженно ответила Иза.

– Так вот, мне кажется, что этот сон сбывается или даже уже сбылся.

– Что же в этом плохого? Ты же сама говорила, что видела замечательный сон, и очень хотела, чтобы он сбылся.

– Ты же не знаешь, что я видела во сне, поэтому так говоришь, а если бы знала, то поняла бы, что страшит меня.

– Так расскажи.

– Тогда, – смущаясь и краснея, прошептала Мария, – ко мне во сне пришел прекрасный ангел в белых одеждах и с серебряными крыльями. Он сказал, что прислан самим Господом, чтобы сообщить мне благовест. – Тут девушка запнулась и замолчала.

– И что за весть принес тебе ангел? – Делая непонимающее лицо, переспросила Иза.

– Он сказал... Он сказал... Что Господь проявил ко мне великую милость, и за терпение мое и смирение, зачал непорочно в чреве моем дитя, которое прийдя в этот мир станет защитником и спасителем народа нашего. Что он и есть долгожданный Мессия, и имя ему Иешуа.

– Так чего же ты испугалась, глупенькая? Это же всего лишь сон!

– Нет, Саломея, это не простой сон. Мне кажется, правда я неуверенна, но мне показалось, что сон сбывается.

– Что ты этим хочешь сказать?

– У меня, – еще сильнее краснея, и заикаясь, прошептала девушка, – вот уже второй месяц подряд, не приходят месячные.

– Ничего удивительного в этом нет, дорогая. Так иногда бывает. Это просто задержка. Ты еще растешь, и организм твой еще не вполне сформировался, поэтому, возможно, и происходит такое.

– Нет, нет, – еще тише прошептала девушка, – меня еще постоянно тошнит и мутит. Тетя рассказывала, что в первые месяцы беременности с ней тоже такое бывало.

– Но, девочка моя, дети не появляются вот так просто. Для этого нужна близость с мужчиной. Ты ведь не...

– Что ты, что ты! Я никогда... даже никогда не могла и подумать об этом. Поверь мне, я девственница. И к тому же я обручена Иосифу, и скоро должна стать его женой.

– Так чего же ты хочешь от меня?

– Я не знаю. Ты ведь так много знаешь. Может быть ты сможешь сказать наверняка, то что я думаю – правда или нет.

– Хм! – Задумчиво ответила Иза. – В общем, да, я могу это определить, но для этого мне нужно осмотреть тебя. Если ты действительно хочешь этого, тебе придется снять

одежды и позволить мне осмотреть тебя совершенно нагую.

Мария молча приподнялась с ложа и еще гуще краснея стянула с себя платье, стыдливо опустив глаза и прикрывая ладонями груди. Иза взглянула на девушку и отвела ее руки от груди. Одного его опытного взгляда хватило, чтобы безошибочно определить правоту подозрений Марии.

– Операция успешно удалась. – про себя подумала Иза.

Она уже хотела сказать об этом Марие, но глядя на ее пышущее невинной красотой и молодостью тело, невольно коснулась груди девушки, слегка поглаживая набухший сосок. Мария при этом вся прогнулась и издала легкий стон. Чтобы приглушить стон, Иза прильнула к губам Марии и нежно поцеловала ее, при этом продолжая гладить ее тело, опуская руку все ниже и ниже, до тех пор, пока она не оказалась у девушки между ногами. От этого прикосновения, та задрожала всем телом, продолжая стонать. Ноги девушки непроизвольно раздвинулись, раскрывая руке Изы проход в свое святое святого. Что случилось дальше, Мария уже не могла контролировать. Поддаваясь охватившей ее страсти, она стала двигаться навстречу руке, доставлявшей ей это неземное наслаждение до тех пор, пока все тело ее не забилося в конвульсиях, неожиданно охвативших его. После чего она, испустив легкий стон, вдруг вся обмякла и откинулась на ложе с блаженной улыбкой на лице. Иза отпрянула от девушки, продолжая на нее смотреть. Она перевела взгляд с лица на ее, слегка набухшие груди, а затем, на, уже совсем немного,

округлившийся живот.

– Твой сон и вправду оказался вещим, дитя мое, и, хоть это и невероятно, я подтверждаю твои догадки. Ты действительно беременна, но, при этом, осталась девственной.

– Я так благодарна тебе, Саломея, – блаженно прошептала Мария.

– Я то тут при чем? Тебе нужно благодарить Господа, одарившего тебя сыном своим, и воздавать ему молитвы свои за чудо, которое он сотворил.

– Я благодарна тебе, Саломея, за то наслаждение, которое ты мне подарила только что. Я, как будто, побывала на небесах.

– Этому тебя в храме не обучали, но, поверь мне, девочка моя, ты испытала бы во сто крат большее наслаждение, будь сейчас здесь вместо меня мужчина.

В глазах Марии отразился неопиcуемый ужас. Она вдруг вся сжалась, будто только сейчас к ней пришло осознание произошедшего с ней. На ее прекрасных глазах навернулись слезы.

– Что ты! Не смей произносить такое! Ты разве забыла, что я обручена Иосифу, и скоро должна стать его женой! Я даже мысли не могу допустить о близости с мужчиной, а с Иосифом мне этого никогда не испытать, ведь он немощный старик. Нет, нет, никогда! Обещай мне, милая Саломея, что только ты, хоть иногда, будешь приходить ко мне и дарить это неопиcуемое счастье.

Слезы хлынули из глаз девушки.

– Ну, что ты, успокойся, – нежно обнимая Марию, прошептала Иза, – раз ты так хочешь, я обещаю, что буду с тобой, когда бы ты ни пожелала.

Девушка нежно прижалась к Изе, таким образом выражая ей свою благодарность.

– Что же теперь со мной будет, Саломея? – Всхлипывая спросила она.

– Все будет прекрасно. Ты выйдешь замуж за Иосифа, потом у тебя родится ребенок, о котором ты будешь заботиться.

– Господи! Я и не подумала об Иосифе! Когда он узнает, что я беременна, он прогонит меня. Ведь он праведник, и не допустит, чтобы его женой стала женщина, зачавшая не от него и вне брака. А тогда... Ты ведь знаешь, что может ждать такую женщину? Меня могут побить, могут даже забросать камнями. Я боюсь, Саломея!

– Ты ничего не должна бояться. Господь на небесах не допустит, чтобы хоть кто-нибудь посмел глумиться над тобой, и покарает каждого, кто осмелится поднять на тебя руку, а я здесь, на Земле, никому не позволю обидеть тебя. Клянусь, что сделаю все, чтобы ни один волос не упал с твоей головы, и ни одна слезинка не пролилась из твоих прекрасных глазок. Ведь сам Господь Бог и мы с тобою, знаем, что ты невинна! Ну, а что касается Иосифа, думаю, раз Господь так распорядился, что выбрал его в качестве супруга для тебя, то он вразумит старца не делать глупостей и принять тебя в

свой дом. Я верю, что так и будет, и ты должна верить. Слышишь меня, Мария?

– Да, Саломея, я слышу, и буду верить! Я буду молиться, чтобы Господь не отвернулся от меня. Знаешь, раз все так случилось, наверное мне нужно, как можно скорее вернуться в Назарет, и обо всем рассказать Иосифу. Конечно, мне хотелось бы дождаться, когда моя тетя родит, а уж потом возвращаться домой, но раз Господь распорядился так, а не иначе, я должна уехать немедленно.

– Возможно ты права, но не сейчас же ехать! Ночь на дворе. Ложись спать, а завтра мы решим, как лучше и правильнее будет поступить.

– Ты, как всегда права, Саломея. Только прошу, не уходи, ляг рядом со мной.

Вместо ответа Иза задула свечу, сняла с себя платье и, обняв Марию, легла рядом с ней.

Убедившись, что Мария крепко спит, Иза, тихонько, чтобы не разбудить ее, освободилась от объятий девушки, и встала с кровати. Она быстро накинула платье, и бесшумно ступая, выскользнула из спальни Марии, чтобы спустя несколько мгновений, также бесшумно, войти в свою комнату. Здесь ее встретила не на шутку взволнованная Дита.

– Ты где была так поздно?

– У Марии. Она призналась мне, что беременна. Надо признать, прибор Мельхиора сработал на все сто, но, в связи с этим у нас возникли две проблемы. Одну из них нужно

решать незамедлительно.

– Поясни, пожалуйста.

– Мария, не без основания, боится, что Иосиф, узнав о ее беременности, отвергнет ее, и, тогда, ее, как падшую женщину, могут подвергнуть суровому наказанию. Этого ни в коем случае нельзя допустить.

– И что ты предполагаешь предпринять?

– Смотри, раз прибор Мельхиора сработал, я хочу попросить его отправиться в Назарет, и напроситься в гости к Иосифу, в чем, я надеюсь тот ему не откажет. Как только Мария признается Иосифу, и, в случае, если ее опасения окажутся не напрасными, Мельхиор, воспользовавшись своим телепатическим даром, введет Иосифа в состояние оцепенения (примерно так, как Валтасар воздействовал на Танию). Затем, используя свой прибор, Мельхиор загрузит в сознание старика заранее подготовленный для него материал. Увидев такой сон, я надеюсь, он переменит свое решение, и сделает все, как мы ему велим. Я сейчас же хочу связаться с Мельхиором и с Квинтом, чтобы тот вместе с Аврелием срочно сфабриковали видео.

– К чему такая спешка, мама?

– Мария, завтра же намерена уехать отсюда в Назарет, поэтому и срочность такая.

После нескольких сигналов вызова, в голубоватой дымке возникло заспанное лицо Мельхиора.

– Мона Изид, чем обязан столь поздним звонком? –

Спросил он.

Иза вкратце изложила суть предстоящего дела.

– Хорошо, мона Изида, я утром отправлюсь в Назарет. Прибор Вы мне передадите по приезду. Главное, чтобы Квинт вовремя изготовил видеозапись. Не волнуйтесь, все сделаем в лучшем виде. До встречи в Назарете.

Дымка с физиономией Мельхиора погасла. Иза тут же набрала Квинта, и, только объяснив, что требуется от него и от Аврелия, наконец смогла немного расслабиться.

– Это только одна из проблем, мама, а ты говорила о двух. Что за другая проблема?

– Ее девственность. Как Мария собирается рожать, оставаясь девственницей? Кроме того, для подтверждения непорочности зачатия, желательно было бы, чтобы и после родов она таковой же и оставалась.

– Ну, это совсем не проблема, поверь мне, как врачу. Нет ничего проще перед родами лишить ее девственности, а сразу после родов все вернуть в прежнее состояние. Тут достаточно несложного хирургического вмешательства. Уж с такой мелочью я справлюсь с легкостью.

– Что ж, так тому и быть. Так, кажется ничего больше не забыла, – с облегчением выдохнув, сказала Иза, – а сейчас мне нужно вернуться к Марии. Не хочу, чтобы она усомнилась в моей преданности. Спокойной ночи, Дита. Я побежала.

Через несколько мгновений, Иза, сбросив одежду, уже ле-

жала рядом с мирно спящей Марией.

Глава 43

Постоянно оглядываясь и едва сдерживая слезы, Иза поднялась по откинутому трапу на борт флайера, и, вслед за встречавшим ее Мельхиором, прошла в пассажирский салон, где ее встретили радостно улыбающиеся лица друзей. Первой в Изе подбежала Дита, и буквально повисла у нее на шее, что-то пытаясь сказать, затем, с приветствием подошел Квинт, который так же обнял ее, и что-то долго говорил. Иза стояла посреди салона, как отрешенная, не видя и не слыша ничего вокруг. В какой-то момент, она перестала сдерживать себя, и слезы, давно навернувшиеся на ее глазах, полились по щекам. Все вокруг восприняли это, как слезы радости, и лишь одному Квинту, видя растерянное лицо Изы, было понятно, что ее терзают совсем иные чувства. Он взял ее за руку, и, усадив в кресло, глядя прямо в глаза, задал вопрос:

– Ну, что с тобой? Почему такая печаль в твоих глазах?

– А ты сам не понимаешь, что ли? Там эта бедная девочка осталась совсем одна!

– Во-первых, Иза, она не одна. Теперь она замужем, а значит рядом с нею есть человек, который сможет позаботиться о ней и ее будущем ребенке.

– Ты не видел Иосифа, Квинт! Он дряхлый старик, которому самому нужна забота и уход. Какой из него защитник для Марии?

– Может быть ты и права, но мы никак не можем повли-

ять на его решение. Раз он, как законный супруг, решил, что его жена более не нуждается в посторонней опеке, ты больше никак не могла бы оставаться в его доме. Вам с Дитой выпала самая трудная задача в осуществлении нашего плана, с которой Вы с честью справились, и теперь Вы с чистой совестью можете оставить своих подопечных на попечении их близких.

– Вспомни, Квинт, как ты, почти умоляя, просил меня помочь Анне. Если бы тогда мы с Дитой не вмешались, Мария никогда бы не появилась на свет. Но тогда мы все совершили огромную оплошность. Я виновата в том, что скрыла от тебя все, и тем самым не дала тебе возможности отслеживать судьбы Марии и ее родителей. Кто знает, будь хоть кто-нибудь рядом с Анной, возможно она не покинула бы так рано этот мир, не дождавшись совершеннолетия своей дочери. Я боюсь, что оставив сейчас Марию без нашей опеки, мы повторяем эту же ошибку.

– На мой взгляд, нам не о чем беспокоиться. В отличие от Анны, которая находилась уже в достаточно преклонном возрасте, ее дочь молода и здорова. Миллионы женщин на этой планете совершенно нормально производят потомство, и при этом обходятся без посторонней помощи. Даже в случае с Елисаветой, которая сейчас гораздо старше, чем была тогда Анна, роды прошли без осложнений, и, практически без постороннего вмешательства со стороны Диты.

– Ты все правильно говоришь, Квинт, но забываешь одно

немаловажное обстоятельство! Мария девственница, и тут могут возникнуть различные осложнения. Я не могу, просто не имею права, оставить ее без помощи и поддержки. Представь себе, что из-за того, что у нас не будет возможности оказать ей своевременную помощь, вся наша напряженная работа, которую мы все вместе вели в течение долгих месяцев, может оказаться под угрозой срыва. Я чувствую, что должна остаться и всегда быть поблизости от Марии, хотя бы до того момента, пока ее сын не увидит этот мир.

Квинт задумался. В глубине души он осознавал правоту Изы, но что можно было поделаться с категоричным требованием Иосифа, настоявшего на том, чтобы Иза покинула его дом. Да и судя по надрывным ноткам в голосе Изы, он ощущал, что есть другая, скрытая от него причина, по которой Иосиф принял такое решение. Будто существовала какая-то невидимая связь, соединявшая Изу с этой девочкой. Хорошо зная свою подругу, он даже смог предположить, что это была за связь, хотя всеми силами гнал от себя подобные мысли. После ночи, проведенной с Изой, ему никак не хотелось, чтобы кто бы то ни было, мог стать преградой в их отношениях. Поэтому, после некоторой паузы он сказал:

– Послушай, дорогая, ты устала, и тебе необходимо отдохнуть. Вот что я могу тебе предложить: Сейчас мы летим ко мне в Рим. До наступления родов еще очень много времени. Ты побудешь у меня какое-то время, а потом, вместе с Дитой отправишься погостить к нашему уважаемому Мельхи-

ору в Иерусалим, где будешь совсем неподалеку от Назарета. Мы установим в доме Иосифа системы наблюдения, и, в случае возникновения осложнений, тебе потребуется совсем немного времени, чтобы оказать Марие необходимую ей помощь. Договорились?

Иза, не найдя, чем можно было бы возразить, вынуждена была согласиться. Квинт обернулся к сидевшему за пультом Аврелию, и отдал команду на старт. Флайер плавно оторвался от земли, и набирая скорость взял курс на Рим.

Глава 44

Оказавшись, наконец, во внутреннем дворе царского дворца Ирадион, Сатурнин, несмотря на преклонный возраст, перешел с шага на бег, оставив далеко позади сопровождавших его стражников. Не останавливаясь он взбежал по лестнице, ведущей во дворец. Здесь, у величественной колоннады его встретил не на шутку встревоженный Архелай.

– Ну, наконец, Сатурнин! – Воскликнул он, обнимая старика.

– Что, опять? – Спросил Сатурнин, словно зная ответ на свой вопрос. – И что же стало причиной на этот раз?

– Я не знаю. К царю, как обычно в этот час пришел его парикмахер Трифон. Настроение у Ирода было прекрасное. Мы оставили их вдвоем, но спустя некоторое время, из царских покоев раздались крики и вопли Трифона. Когда я во-

шел туда, то застал жуткую сцену. Великий царь жестоко избивал Трифона, и при этом покрывал его страшными проклятиями.

– Может быть Трифон поранил царя во время бритья?

– Нет, Сатурнин, ни на лице, и на других частях тела Ирода, никаких ран я не заметил. Царь был взбешен каким-то из известий или городских слухов, которыми, по обыкновению, делился Трифон во время своих ежедневных посещений царя.

– Тебе известно, о чем говорил Трифон?

– Нет, я не успел его расспросить. Ирод приказал бросить старика в темницу.

– И что, ты выполнил этот приказ?

– Нет, конечно. Я приказал стражникам отвести Трифона в мои покои, и охранять его там.

– Ты поступил очень мудро, Архелай! И что же произошло дальше?

– У царя начался припадок. Он стал корчиться от боли. Я попытался хоть чем-нибудь помочь ему, но он оттолкнул меня.

– Ты послал за лекарями?

– Да! Они и сейчас там, но боюсь...

– Что, договаривай!

– Боюсь, что Ирод забил их до смерти.

Весь этот диалог проходил на ходу. Сатурнин и Архелай быстрым шагом шли через дворцовые помещения к личным

покоюм царя Ирода. То и дело по пути им попадались на смерть перепуганные придворные и спящая дворцовая челядь. Подойдя к двери, ведущей в царские покои, оба самых приближенных к Ироду царедворца остановились. Видя нерешительность Архелая, Сатурнин сказал:

– Жди меня здесь. Я пойду один.

Набравшись духу, Сатурнин распахнул тяжелые резные двери, и решительно вошел вовнутрь. Жуткая картина предстала перед его глазами. На мраморном полу, распластавшись, лежали окровавленные тела двух придворных лекарей, рядом валялся царский посох, которым, по всему видимому, царь избивал несчастных, а на троне, свернувшись, корчился от боли Ирод, при этом издавая истошные крики.

Увидев, что в помещение кто-то вошел, Ирод закричал, срываясь на визг, и при этом метнул гневный взгляд, полный злобы на вошедшего.

– Кто посмел? Я спрашиваю, кто посмел без моего позволения войти сюда?

– Успокойся, великий царь, – стараясь сохранять спокойствие, ответил Сатурнин, – это я, твой старый и верный друг, Сатурнин.

Услышав имя, Ирод сразу, как-то обмяк, и тяжело опустился на трон.

– Сатурнин, только тебе я рад в этом рассаднике предателей и убийц. Подойди же ко мне!

Сатурнин с облегчением вздохнул, и, осторожно ступая

между распластанных тел, прошел к трону.

– Великий царь, – спросил он тихим голосом, – в чем провинились эти несчастные, чем вызвали твой царский гнев?

– Они! Они, как и все, хотят моей смерти, Сатурнин!

– С чего ты так решил? Вспомни, эти эллины долгие годы лечили тебя и всех членов твоей семьи. Неужели ты думаешь, что если бы они желали твоей смерти, стали бы заниматься этим? И, подумай сам, если бы они на самом деле хотели тебя убить, то могли бы сделать это давно, причем не один раз, подсунув тебе вместо лекарств какую-нибудь отраву. Но никто из них ничего подобного не делал. Эти люди желали только блага тебе, а ты так жестоко их отблагодарил.

– Ты не знаешь, ты не понимаешь, Сатурнин, кругом одни заговоры. Все вокруг плетут интриги. Никому, слышишь, никому, кроме тебя, я не доверяю здесь в полной мере. Их снадобья, – указывая на избитых, и не решающихся поднять головы придворных лекарей, – они перестали мне помогать.

Сатурнин повернулся в сторону лекарей. Он подошел к одному из них, и подняв ему голову за подбородок, глядя прямо в глаза, спросил:

– Отвечай, почему твои снадобья более не действуют на недуг царя?

– Мне это не ведомо, господин, – заикаясь ответил лекарь, – я всегда готовил царю одни и те же лекарства. Не понимаю, почему они более не приносят ему облегчение.

– А что скажешь ты? – Обращаясь к второму лекарю,

спросил Сатурнин.

– Я так же, как и всегда готовил снадобье для царя. – боясь поднять глаза, ответил лекарь.

По неуверенному тону, Сатурнину показалось, что старик что-то не договаривает.

– Так как? – Строго переспросил он. – Так же, как и всегда, или не совсем?

– Прошу тебя, великий царь, пощади! – Взмолился лекарь. – Многие годы я верно служил тебе, и готов служить далее. Прости меня, если сможешь! В этот раз я готовил лекарства для тебя как обычно, но в нем, к моему глубокому прискорбию, в этот раз не хватало некоторых ингредиентов, которых у меня не оказалось под рукой.

– Так почему же ты осмелился подать своему повелителю неполноценное лекарство? Отвечай, раб!

– У меня не было времени, чтобы сходить за ним, господин!

– Сходить куда?

– Да простит меня Великий царь, но вот уже несколько лет, как я безуспешно пытался составить снадобье для нашего повелителя, способное оградить его от охватившей его хвори. Тогда я обратился к одному из величайших мудрецов ойкумены, который, по счастливому стечению обстоятельств, проживает в нашем славном городе. Этот мудрец дал мне неизвестные мне ранее компоненты, благодаря которым нашему повелителю пришло облегчение в его страда-

ниях.

– Если это правда, то почему в этот раз ты не положил эти ингредиенты в лекарство?

– Они у меня закончились, господин, а взять новые я не смог, потому что этого мудреца не оказалось дома.

– Похоже, что он говорит правду, Великий царь! – Обращаясь к Ироду, сказал Сатурнин.

– Имя! Назови имя этого мудреца! – Гневно воскликнул Ирод.

– Его зовут Мельхиор. – Опустив голову, ответил лекарь. При упоминании этого имени, и у Сатурнина, да и у Ирода, широко раскрылись глаза от удивления.

– Так ты знаком с Мельхиором? – Осторожно спросил Сатурнин.

– Да, господин, и уже очень давно.

– Тогда понятно, почему в этот раз твои снадобья оказались бесполезными, как и ты сам. Мой повелитель, – обращаясь к Ироду, попросил Сатурнин, – позволь мне самому нанести визит этому прославленному магу и колдуну, и просить его прибыть в твой дворец. Поверь мне, этот человек единственный, кто может излечить тебя от твоего недуга.

– Приведи его, приведи! И будь почтительным к нему. Ходят слухи о его невероятной колдовской силе. Не дай ему повода хоть в чем-нибудь остаться недовольным, чтобы не вызвать его гнев. Проси его, сули все, чтобы он не пожелал, только пусть придет сюда.

– Можешь не беспокоиться, государь, сегодня же я пойду к нему, и, клянусь, что без него сюда не вернусь.

– Иди же, мой верный Сатурнин! И вы тоже, – метнув злобный взгляд на лекарей, прошипел Ирод, – пошли прочь с глаз моих!

Сатурнин низко поклонился Ироду, и, распахнув двери, вышел из царских покоев. Следом за ним поспешно покинули помещение и оба незадачливых врачевателя. Дождавшись, когда они уберутся восвояси, к Сатурнину подошел, ожидавший его Архелай.

– Ну что скажешь? – Спросил он.

– Эти два мошенника, – кинув взгляд туда, куда скрылись оба лекаря, – ничего не смыслят в искусстве врачевания. Снадобья свои, они, как я думаю, покупали, у великого мага и волшебника Мельхиора. Я немедленно должен найти его и привести сюда.

Из-за одной из колонн, подпиравших потолок, вышел человек, закутанный в римскую тогу.

– Простите друзья, я случайно оказался здесь, и, как мне показалось, услышал имя Мельхиор. – Тихим, вкрадчивым голосом спросил незнакомец.

– Кто ты, и что ты здесь делаешь? – В один голос воскликнули Сатурнин и Архелай.

Незнакомец подошел ближе и открыл лицо.

– Николай! – С облегчением воскликнул Архелай. – Ты же должен быть в Риме! Как ты оказался здесь?

– Я только сегодня утром прибыл из Рима, друзья, с посланием Ироду от Божественного Августа, и, как раз, шел к царю, чтобы передать его, но, как вижу, я не совсем вовремя.

– Да, к сожалению, – ответил Сатурнин, – у государя вновь случился припадок.

– Тогда, Сатурнин, позволь мне отправиться к Мельхиору, тем более, что я с ним хорошо знаком и знаю где он живет. Обещаю, что вскоре мы оба предстанем перед царем.

– Что ж, раз так, сделай милость, приведи сюда этого чародея. Мы оба полагаемся на твой дипломатический дар, а мы с Архелаяем, тем временем, пойдем побеседуем с Трифоном, и постараемся выведать у этого старого трепача, что за очередную сплетню он рассказал повелителю, которая вызвала новый припадок его болезни.

На этом они распрощались, и направились в разные стороны.

Архелай подвел Сатурнина к двери, ведущей в его покои. Стражники, охранявшие вход, почтительно расступились перед ними и пропустили вовнутрь. Здесь они обнаружили, забившегося от страха в угол старого царского парикмахера Трифона. Увидев Архелая, старик подполз к нему, и целуя ноги стал возносить благодарности за то, что могущественный царедворец спас его от застенка.

– Хватит, хватит! – прокричал Архелай. – Если ты не хочешь и впрямь попасть в подземелье, в котором крысы обдерут с тебя твою старую шкуру, давай рассказывай нам, что

за сплетню ты поведал царю, которая вывела его из себя!

– Я не помню, господин, что именно из мною рассказанного так подействовало на нашего повелителя.

– Да ты уж постарайся вспомнить, старый плут!

Старик наморщил лоб, пытаясь припомнить о чем он болтал в присутствии царя.

– Ну, я рассказывал о чем болтают люди на базаре, в харчевнях и в храме.

– И о чем же они болтают?

– Так, о разном. Как обычно, о скором пришествии Мессии, о предстоящей переписи населения...

– Об этом царь и так все знает. Что еще?

– Еще? О чем же еще я говорил? А вот! В храме болтают о чудесно рождении младенца у священника Захарии и его жены Елисаветы, которые живут в Хевроне. О том, будто сам Архангел Гавриил явился к Захарии и сообщил ему о скором рождении сына.

– Что же чудесного в рождении ребенка?

– Э-э-э! Тут все не просто, господин. Дело в том, что этот Захария – дряхлый старик, да и жена его тоже далеко не молодка, и других детей у них никогда не было. Вот и посуди сам, столько лет были бездетными, и, вдруг, на старости лет, у них рождается сын. Причем, якобы, сам Архангел повелел дать ему имя Иоанн. Вот такая история! Да, да, и сразу после того, как я поведал об этом повелителю, в него, как-будто бес вселился. Он набросился на меня и все кричал: " Ложь,

ложь! Только я – единственный повелитель Иудеи!

Архелай переглянулся Сатурнином.

– Хорошо, старик, можешь идти, и, постарайся несколько дней не показываться царю на глаза, а мы постараемся умерить его гнев в отношении тебя. Иди, но обещай, что впредь, обо всех городских слухах будешь докладывать лично мне, а уж я скажу, какие из них достойны царских ушей, а какие нет. Ты все понял!

– Да, мой господин!

Трифон, пятась вышел из комнаты, и помчался прочь по дворцовым коридорам, воздавая хвалы господу за свое избавление от тюрьмы.

– Мне все ясно, – задумчиво произнес Архелай, – Ирод посчитал, что сын этого Захарии и есть тот самый Мессия, слухи о скором рождении которого давно ходят по стране. Царя просто обуял страх за свой трон.

– Не думаю, что он боится за себя, Архелай. Скорее он боится за тебя и свое многочисленное потомство. Он прекрасно осознает, какая подковерная борьба идет между его отпрысками от разных жен за корону. Вспомни о казни его старших сыновей от первого брака. Ведь Ирод до конца не верил в их виновность, но вынужден был пойти на поводу у своих родственничков. Да я думаю, что и сейчас он уверен в их невиновности, и поэтому ему везде мерещатся заговоры. Что же касается этого младенца... Дыма без огня не бывает. Нужно все проверить.

– Я согласен с тобой, Сатурнин. Завтра же отправлю своих людей в Хеврон. Пусть разберутся там на месте, где истина, а где вымысел.

Глава 45

Появление в своем доме Николая не вызвало у Мельхиора особого удивления. С этим, по его же собственному мнению, одним из просвещеннейших людей своего времени, он был знаком очень давно, еще с тех времен, когда проживая в Вавилоне, по заданию Магистрата, совершал длительные путешествия в различные страны ойкумены. С Николаем судьба свела его в Дамаске. Мельхиор был поражен уровнем образованности и всесторонней эрудиции этого, тогда еще, достаточно молодого человека. С неописуемым удовольствием он погружался в изучение трудов Николая. По прибытию в Иерусалим, Мельхиор не был особо удивлен и тем фактом, что этот выдающийся человек оказался на службе у иудейского царя Ирода. Фигура Ирода в не меньшей степени вызывала чувства особого уважения. Этот царь, являясь римским гражданином, и, к тому же выходцем из Иудеи, за время своего правления смог сделать то, что было не под силу всем его предшественникам, включая так почитаемых в народе царей Давида и его сына Соломона. При Ироде иудейское царство было расширено до невероятных пределов. Это стало возможным вследствие всемерной поддержки и благосклонности римского императора Августа. Мало того, иудейский царь проявил себя не только, как выдающийся-

ся полководец-завоеватель, но и как мудрый, дальновидный политик. Собственно говоря, своим победам на дипломатическом поприще, Ирод во многом был обязан неутомимой деятельности Николая, способного словом и красноречием (вкуче с золотом, которым Ирод щедро платил за всевозможные союзы и альянсы), улаживать самые щекотливые ситуации, и обращать их на пользу Иудее.

Видя, каких высот достигла эта, в прошлом отсталая страна, у Мельхиора возникло чувство нескрываемого удивления тому факту, что население Иудеи, несмотря на то, что ее нынешний правитель фактически заново отстроил множество новых городов, перестроил старые, и создал предпосылки для построения великой торговой державы на пересечение торговых путей востока и запада, так ненавидело собственного царя-реформатора. Патриархальное иудейское общество с его монотеистической идеологией, не могло простить царю ни его идумейского происхождения, ни его фактического назначения на престол из Рима, ни его тяге к эллинистической и римской культурам, ни ближайшему окружению, в котором было немало выходцев из Рима, Греции, Вавилона и других стран. Но главное, чего не могли простить Ироду – это его терпимого отношения к языческим религиям, распространенным в то время в самых передовых державах средиземноморья. По сути дела Ирод и Август во многом были похожи друг на друга, что в немалой степени способствовало их сближению, но оба они страдали одним общим

недостатком. Построив великие государства с развитой экономикой, правом и военной мощью, обоим им недоставало, объединяющей разноплеменные народы своих стран, идеологии. По началу, когда Квинт Аркус обратился к Мельхиору с предложением принять участие в своем, грандиозном по замыслу, проекте, у него были огромные сомнения на этот счет. Ведь, по сути, весь проект был направлен на свержение династии Иродионов, и замещение ее новым царем из патриархальной иудейской верхушки. Для Иудеи это могло означать лишь одно – конец всем реформам и преобразованиям Ирода, но, поразмыслив, Мельхиор понял, что речь шла вовсе не о личности нынешнего царя, а о тех, кто мог бы захватить власть в стране после его смерти. Все интриги и заговоры в среде ближайшего окружения Ирода, говорили о том, что ничего хорошего никто из них не готов привнести в процветание своей страны. Поскольку Ирод был стар по Земным меркам (ему было уже за семьдесят), и, к тому же, неизлечимо болен тяжким, очень запущенным онкологическим недугом(о чем Мельхиор узнал от придворных врачей), он для себя решил, что лучше будет, если он, Мельхиор, примкнет к Квинту и его соратникам, которые надеялись, что благодаря осуществлению их проекта, удастся в скором времени создать ту самую, недостающую объединяющую идеологию. В этом мире, в который Мельхиор был заброшен волею судьбы, огромная роль принадлежала личностям, и, как он считал, для расцвета прогресса на этой планете, необходимо бы-

ло создать условия для поддержания великих личностей, а одной лишь военной и экономической мощи для этого было недостаточно. Монотеистическая религия могла бы взять на себя эту сложную миссию, но, при этом это должна быть совсем иная, новая религия, не та, которую проповедовали иудейские священники, которая отстаивала интересы правящей элиты, а такая, в которую бы поверили широкие массы населения, где раб уверовал бы, что все люди равны, где бедняк мог бы получить надежду на обогащение, где царь точно бы знал, что кроме его золота и власти, есть могущественная сила, стоящая и над ним. Другими словами, нужна была вера в добро и справедливость. Именно это явилось решающим фактором, благодаря которому Мельхиор оказался в одной команде с Квинтом и Изидой.

Оказавшись в гостинице, куда его проводил Исхакх, Николай, к своему удивлению, обнаружил Мельхиора в обществе двух молодых женщин. Увидев их, он замер не находя подходящих эпитетов, буквально онемев от их красоты. Заметив замешательство Николая, Мельхиор поднялся и подошел к Николаю, чтобы поприветствовать его.

– Вот уж не ожидал, что когда-нибудь удостоюсь такой чести приветствовать в своем доме столь выдающегося человека. – Сказал Мельхиор, тепло обнимая гостя. – Что же привело тебя, мой друг, в мое скромное жилище?

– Во-первых я рад видеть тебя, Мельхиор в добром здравии, – ответил Николай, – а во-вторых, это я должен бла-

годарить тебя, мудрейший Мельхиор, за то, что оказал мне честь, позволить навестить тебя, хотя, должен признаться, далеко не праздное желание повстречаться со старым знакомым привело меня к тебе.

– Итак, ты пришел ко мне по делу, и как я смею догадываться, весьма важному, коль скоро царедворец твоего ранга лично решил сообщить мне о нем.

– Ты весьма проницателен, мой друг, – ответил Николай, продолжая бросать восторженные взгляды на двух незнакомок. – Скажи, – спросил он шепотом, – кто эти прекрасные нимфы?

– Позволь представить тебе моих дальних родственниц. – С усмешкой ответил Мельхиор. – Эта очаровательная брюнетка – моя кузина Саломея, а эта восхитительная блондинка – моя племянница Гелома. Они решили навестить старика Мельхиора и немного погостить у меня. Так что же за дело у тебя ко мне, уважаемый Николай?

Николай несколько замялся, усаживаясь в предложенное ему мягкое кресло, многозначительно взглянув в сторону женщин.

– Можешь не беспокоиться, Николай! От них у меня нет секретов. Говори же, что привело тебя ко мне?

– Как тебе, наверное, известно, – начал Николай, слегка откашлявшись, – государь наш, Ирод Великий, давно страдает неким недугом. Не далее, как вчера, у него случился новый припадок, а наши олухи-лекари ничем не смогли облег-

читать его страдания, и, только под гневным оком царя, один из них признался, что получал от тебя некие снадобья, которые помогали царю. Это так?

– Не буду скрывать, я действительно готовил некоторые лекарства, способные снять сильные боли.

– В таком случае, мудрейший Мельхиор, позволь мне передать просьбу нашего повелителя, прибыть к нему во дворец вместе со своими чудо снадобьями.

– Как я могу отказать в столь ничтожной просьбе великому царю! Конечно я немедленно отправлюсь во дворец, и сделаю все, чтобы облегчить страдания нашего повелителя. Вот только захвачу нужные лекарства. Саломея, пожалуйста, пойдём, поможешь мне, – обращаясь к Изе вкрадчиво попросил Мельхиор.

Иза, извинившись перед гостем, поднялась и проследовала вслед за Мельхиором.

– Ты с ума сошел, Мельхиор! – взволнованно прошептала Иза, когда они вышли из гостиной. – Как можно было соглашаться на это безрассудство. Мог бы просто дать Николаю лекарства для царя и все.

– Ты же слышала, царь пригласил меня во дворец. Ответить отказом – это значит оскорбить царя, а значит навлечь его гнев. Это как раз то, что нам сейчас совершенно ни к чему. Не волнуйся, ничего со мной не случится. Я сам дам лекарства Ироду, чем, я не сомневаюсь, заслужу его доверия, а заодно, повыведаваю о том, что у него на уме. Это для нас

тоже не будет лишним. Царь страдает сильнейшими желудочными болями. У него сильно запущенная онкология. Так что дай мне что-нибудь сильнодействующее.

Иза порылась в своих вещах, и, наконец, извлекла упаковку с белым порошком.

– Возьми это. Боль снимется почти мгновенно, но, предупреждаю, в больших количествах оно может убить. Так что предупреди царя, принимать только тогда, когда боли становятся нестерпимыми, и не более двух щепоток в день.

– Спасибо, мона Иза, Вы настоящий друг!

За годы, проведенные в Иерусалиме, Мельхиор, естественно, часто видел царский дворец, но никогда ему еще не доводилось побывать внутри. Следуя за Николаем, он с любопытством рассматривал это удивительное сооружение, сочетавшее в себе как строгость восточных форм, так и вычурную напыщенность греческих и римских, отдавая должное талантам зодчих и мастерству строителей. Дойдя до личных покоев царя, Николай без доклада распахнул двери. Мельхиор прошел следом. Ирод встретил их лежа в постели. Боли, хоть и не такие сильные, как накануне, все же не отпускали его.

– Государь, – подходя к постели царя, сказал Николай, – как ты и просил, я привел к тебе наимуудрейшего из мудрецов Мельхиора.

Ирод на локтях приподнялся с ложа. Видно было, что каждое движение дается ему с трудом.

– Пусть подойдет поближе!

Николай слегка подтолкнул Мельхиора, предлагая ему выполнить повеление царя. Мельхиор приблизился к царю, и, согласно этикета, припал на одно колено.

– Так ты и есть тот самый вавилонский мудрец? – Спросил царь, разглядывая гостя.

– Мое имя Мельхиор, государь, – ответил он, – и я действительно родом из Вавилона.

– Люди поговаривают, будто тебе известны заклинания, которыми ты можешь даже оживлять мертвецов. Это правда?

– Людям свойственно преувеличивать, государь. Обучаясь у Вавилонских халдеев, я постиг многое, но вот оживить мертвого даже мне не под силу. Я, скорее, продолжатель дела мудрейшего эллинского врачевателя Гиппократы, великий царь.

– Что ж, это мне подходит! Пока я еще живой, значит воскрешать меня не нужно, а вот умудреннейший лекарь мне просто необходим. Помоги мне, и я озолочу тебя.

– Меня не интересует золото, государь, и милостей никаких мне не нужно. Я помогу тебе из сострадания, не как царю, а как нуждающемуся в помощи человеку. Позволь мне осмотреть тебя.

– Делай все, что хочешь, только избавь меня от этой проклятой боли!

Мельхиор еще ближе подошел к Ироду. Ему на ум при-

шло, что перед ним лежит не грозный и жестокий правитель Иудеи, а старый, седой, морщинистый человек, изнуренный непрекращающимися болями. Взглянув на обнаженную грудь царя, Мельхиор ужаснулся от увиденного. Все тело этого человека было покрыто грязно-коричневыми шелушащимися пятнами.

– Да, – подумал Мельхиор, – дело дрянь! Метастазы уже распространились по всему организму. Удивительно, как он еще жив. Сколько же ему осталось? День, два, может месяц? В любом случае, мне придется помочь ему. Все должно пройти, как намечено, а если царь умрет раньше, то в пылу начавшейся междоусобицы, о переписи населения все просто забудут. – А вслух произнес, доставая серебряную шкапулку, в которую предусмотрительно пересыпал порошок, который ему дала Иза. – Вот, великий Царь, возьми это снадобье, принимай его только при сильных болях, и не более одной-двух щепоток в день.

– Дай, дай мне его сейчас! – Прохрипел Ирод.

Мельхиор подошел к маленькому столику на бронзовых ножках, на котором стоял кувшин с водой и кубок, наполнил кубок водой, и растворил в нем щепотку порошка.

– Выпей это, государь, и тебе станет легче. Боль уйдет, но лишь на какое-то время. Больше я ничем помочь тебе не могу.

Царь буквально выхватил кубок из рук Мельхиора, и с жадностью, морщась, выпил все его содержимое. Спустя па-

ру минут, он с радостью сообщил, что боль прошла, и он может встать с постели.

– Чудо, это просто чудо! – Вскрикнул Ирод. – Давно я себя так хорошо не чувствовал. Теперь можно заняться и делами государственными.

При этом Ирод слегка нахмурился, а Мельхиор, пристально вглядывавшийся в его лицо, вдруг неожиданно вздрогнул, будто от удара электричеством.

– Ты на самом деле искусный маг, Мельхиор! Людская молва не напрасна. Я бы хотел, чтобы ты стал моим придворным лекарем и советником. Что скажешь?

– Прости, Великий царь, но я никому не служу. Точнее сказать – я служу всем людям, всем, кто нуждается в помощи, вне зависимости кто тот или иной человек: раб, бедняк или же царь. Все люди нуждающиеся в помощи, получают ее от меня, вне зависимости то их статуса. Еще раз прости, но я вынужден отказаться от твоего предложения, но готов, по первому зову, предстать пред тобой.

– Смело, и честно! Иди, раз так, но знай, двери моего дворца всегда раскрыты для тебя. Прощай чародей!

Мельхиор, пятась назад, вышел за дверь.

– Что скажешь, Мельхиор? – Спросил Николай, когда они остались наедине.

– Я не волшебник, как про меня говорят люди. Все что я могу – это облегчить его боли, но никакие снадобья, никакие заклинания его уже не спасут. Слишком поздно!

– Что с ним? – Сокрушенно спросил Николай.

– Это недуг от которого лекарства на существует, мой друг, и зовется он старость. Еще никому не посчастливилось победить его. Прости, я пойду.

Мельхиор, попросившись с Николаем, чуть не бегом выскочил из дворца. Он шел самым быстрым шагом, на который был способен. Дойдя, наконец, до своего дома, он влетел в гостиную, где надеялся застать своих гостей. Не обнаружив их там, он без стука ворвался в комнату, занимаемую Изой.

Иза, полуобнаженная сидела перед огромным бронзовым зеркалом, и причесывала свои дивные черные, как смоль, волосы.

– Мельхиор, в чем дело? – Воскликнула она, накидывая на себя покрывало.

– Простите, мона Изида, за бесцеремонное вторжение. Беда!

– Да говори же толком, что за беда? Что-то с Иродом?

– Причем здесь Ирод! Ему жить осталось всего-ничего, но то, что он собирается сделать – просто чудовищно! Я, как и собирался, немного покопался в его мыслях. Сначала все они были об избавлении от боли, но после приема лекарства, почувствовав облегчение, страшную мысль прочитал я. Он собирается сегодня же послать своих воинов в Хеврон с приказом убить сына Елисаветы.

– Что за бред, Мельхиор? Чем ребенок помешал ему?

– Он посчитал, поскольку Иоанн появился на свет, окру-

женный некоторой тайной, сопровождаемой слухами о причастности к его рождению самого Господа Бога, что он и есть тот самый Мессия, рождение которого так ожидалось в народе. Его обуял страх за то, что прервется основанная им династия, и трон достанется этому младенцу, а не кому либо из его, Ирода, сыновей. Отсюда и такой приказ. Нужно определить солдат, и спрятать Елисавету с сыном, только как это сделать?

– Я знаю как? Мы с Дитой, немедленно отправляемся в Хеврон. На крыльях мы мигом туда доберемся, намного опередив воинов Ирода.

– Да, но сейчас разгар дня! Как Вы собираетесь воспользоваться крыльями? Вас же увидит множество людей!

– А мне плевать! Одной легендой больше, одной меньше! Одно лишь обещаю: Чтобы не навредить тебе, мы взлетим где-нибудь в пустынном месте в городе или за городом. И не пытайся меня отговаривать! Я так решила!

Глава 46

Большие мохнатые собаки, с громким лаем сгоняли разбредшихся по окрестностям коз и овец, подбирающих остатки осенней травы на горных пастбищах в окрестностях Хеврона. Пастухи же, тем временем, переложив свои обязанности на четвероногих помощников, собрались на обед у костра. Пока взрослые готовили незамысловатую еду, дети, помогавшие своим отцам, затеяли шумную игру на одном из склонов холма. Пытаясь увильнуть от преследующих сверст-

ников, один из мальчишек спотыкнулся и упал навзничь на землю. Морщась от боли из-за ссадины на коленке, он уже собирался подняться на ноги, и попытаться увернуться от приближающегося к нему младшего брата, но, вдруг, замер на месте, совершенно позабыв о боли, глядя в небо широко раскрытыми глазами.

– Смотрите, что это? – Громко крикнул он, указывая вверх рукой.

Остальные мальчишки остановились, и запрокинув головы вверх, стали смотреть туда, куда указывал их незадачливый товарищ. На фоне низких серых туч, по небу с быстрой молнии мчались две огромные невиданные белые птицы с серебряными крыльями. Взрослые, услышав крики детей, так же устремили свои взоры вверх.

– Ангелы! Это ангелы летят! – Сорвалось с губ одного из пастухов, обладающего острым зрением. Остальные, приглядевшись, действительно увидели, что обе фигуры были вовсе не птички, а скорее, женские, одетые в широкие белые платья, развевающиеся на ветру. В религиозном экстазе, мужчины опустили на колени, и, провожая ангелов глазами, стали усердно молиться Господу, ниспославшему им столь чудное видение.

Не трудно было догадаться, что двумя ангелами, низко пролетевшими в сторону Хеврона, были Иза и Дита. Не обращая внимание на крики людей внизу, обе они промчались в сторону города, и, рассмотрев его панораму, опусти-

лись на землю непосредственно перед домом Захарии. Быстро сложив крылья, Дита подбежала к двери, и, схватившись за железное кольцо, постучалась. Через несколько мгновений дверь распахнулась, и на порог вышел сам хозяин дома.

– Гелома, – удивленно воскликнул он, – что привело тебя вновь в мой дом?

Вместо ответа, Дита оттолкнула старика, и ворвалась вовнутрь. Ошеломленный Захария, увидев Изу, перегородил собою вход в дом, и громко спросил:

– Саломея, объясни, что происходит! Почему Вы бесцеремонно врываетесь ко мне домой?

– Некогда объяснять, Захария, – ответила Иза, – Вашему сыну, да и Вам угрожает смертельная опасность. Быстро собирайтесь и бежим отсюда.

– Ты сошла с ума, Саломея! Какая опасность? Куда бежать, от кого?

– Ирод приказал своим воинам убить твоего сына! Они уже скоро будут здесь!

– Убить? За что? Что царю нужно от Иоанна?

– Ирод посчитал, что чудом рожденный твой сын, и есть родившийся истинный царь Иудейский. Чтобы не дать ему в будущем отобрать трон у своих наследников, царь решил уничтожить младенца Иоанна.

– Но это невозможно! Они не посмеют... Я первосвященник! Никому, под страхом проклятия, я не позволю перешагнуть порог своего дома!

– Ты думаешь, они спросят тебя? Воины всегда выполняют приказы своего повелителя. Они просто убьют и тебя, и Елисавету, и Ваше дитя!

Пока Иза пыталась уговорить Захарию, на пороге появились Елисавета с перепуганным лицом и узелком с вещами в руках, и Дита, держащая на руках плачущего младенца.

– Захария, муж мой, Гелома говорит, что нам нужно спастись, – не вполне уверенно проговорила Елисавета, – давай послушаем ее, и на время покинем город. Я слишком долго ждала своего сына, чтобы вот так, отдать его на растерзание царским солдатам.

– Да с чего Вы обе взяли, что Ирод приказал убить моего сына? – Обращаясь к Изе и Дите, вновь спросил Захария.

– Нас предупредил Мельхиор. Ему то ты доверяешь? Он был во дворце по приглашению царя, и сам лично слышал, как Ирод отдавал этот приказ.

– Ну, раз об этом сообщил Мельхиор... Хотя я и не могу поверить в это, раз Вы так боитесь... Бегите! Я же никуда не уйду из своего дома, и, если солдаты действительно придут сюда, задержу их. Чего же Вы ждете? Бегите!

Елисавета бросилась на шею мужу, и, поцеловав его на прощание, вместе с Изой и Дитой побежала к городским воротам. Едва дыша от быстрой ходьбы, женщины, наконец, добрались до известной нам пещеры. Иза, наспех собрав сухую траву, оставшуюся здесь с ее прошлого, памятного для нее посещения пещеры, уложила ребенка на это импрови-

зированное ложе, а сама, выйдя наружу, стала пристально всматриваться в сторону города, который был виден отсюда, как на ладони. Спустя час с небольшим она заметила, что с противоположенной стороны к городу приближается группа из десятка вооруженных всадников. Иза метнулась в пещеру, и, схватив Елисавету за руку, вытащила ее наружу.

– Смотри, видишь вон там, всадников! Это воины, посланные царем!

Елисавета, прищуриив близорукие глаза, пыталась хоть что-нибудь рассмотреть вдали, но безуспешно. Поняв, что у женщины слабое зрение, Иза, порывшись в своей сумке, извлекла оттуда электронный бинокль, и, приложив его к глазам Елисаветы, не утруждая себя объяснениями, повторила:

– Смотри!

Елисавета, переборов себя открыла глаза, и увидела, что к городским воротам действительно подъехали вооруженные копьями всадники. Затем они промчались по городским улицам, бесцеремонно расталкивая прохожих, попадающихся на их пути. Дальше Елисавета уже не видела ничего, так как всадники скрылись среди городских построек.

– Теперь ты веришь нам?

– Да, Саломея, я верю! Но Захария, что будет с ним?

– Молись, чтобы Господь сохранил его и оградил от беды!

Иза опустила бинокль, и спрятала его в сумку. Спустя какое-то время, женщины увидели, как тот же самый отряд промчался в обратном направлении, и вскоре, стремительно

миновав ворота, галопом помчался назад, в Иерусалим.

– Они ушли, Саломея! Хвала всевышнему! Он услышал мои молитвы!

– Да, они ушли, только вот что оставили после себя? – Задумчиво, словно предчувствуя беду, прошептала Иза.

– Я должна пойти туда, – так же шепотом сказала Елисавета, – там мой муж, и я должна быть рядом с ним.

– Не нужно идти туда сейчас, – жестко ответила ей Иза, – это может быть очень опасно. Кто знает, все ли воины уехали. Вдруг кто-то из них остался, и тогда, схватив тебя, они под пытками выведают про наше убежище. К тому же скоро начнет темнеть. Давай дождемся утра, тогда или я или Геломма, сходим в город и посмотрим. Если там не будет обнаружена скрытая угроза, тогда ты сможешь вернуться домой. А сейчас иди к ребенку. Слышишь, он плачет, наверное проголодался.

Елисавета проснулась на рассвете от терзающего ее сердце предчувствия. Тихонько, чтобы не разбудить спящих подруг, она приподнялась с ложа, и, поцеловав спящего сына, выбралась из пещеры. Бегом женщина направилась в город и поспела как раз, когда открылись ворота. Сердце ее бешено колотилось в груди, подгоняя вперед. Когда Елисавета добрела до своего дома, то, заметила, что дверь распахнута настежь. Дурная тошнота подкатила к горлу. Уже ни о чем не думая, она вбежала в дом, и, вдруг замерла. У самого порога, в луже крови, лежало распластанное на полу тело Захарии. Дикий

крик вырвался из ее груди. Елисавета упала ничком на бездыханное тело мужа, продолжая рыдать. Чья-то теплая рука слегка коснулась головы Елисаветы. Женщина вздрогнула, и подняла глаза полные слез. Перед ней стояла Гелома со скорбным выражением лица.

Дита проснулась от детского плача. Она шепотом позвала Елисавету. Никто не откликнулся. Тогда Дита повернулась, пытаясь дотянуться до нее. Место, где спала Елисавета было пусто. Страшная догадка мелькнула в голове Диты. Она достала из сумки фонарик и осветила им пещеру. Елисавета исчезла.

– Мама, мама, просыпайся! – прошептала она, расталкивая Изу. – Елисавета, похоже ушла в город.

Иза тут же вскочила на ноги, рискуя разбить голову о низкий свод пещеры.

– Сумасшедшая! – Только и сорвалось с ее губ.

– Мама, оставайся с ребенком, а я пойду за ней.

Иза утвердительно кивнула в знак согласия. Дита, подхватив свою сумку, выскочила из пещеры, и помчалась к городу. Подойдя к дому она услышала душераздирающий плач Елисаветы, и тогда все поняла. Дита вошла в приоткрытую дверь, и, увидев Елисавету, лежащую над мертвым телом Захарии, в знак сочувствия, коснулась ее головы. Женщина подняла глаза, и сквозь рыдания запричитала:

– Почему, почему он не послушал тебя? Почему не ушел вместе с нами? Как мне теперь жить?

Дита опустила на колени, и обняв Елисавету, сказала:

– Ты должна жить. У тебя сын, и только ты сможешь позаботиться о нем и воспитать достойным памяти отца человеком.

Елисавета забилась в объятиях Диты. Странный хрип вместо слов вырвался у нее изо рта. Женщина вся обмякла, с жадностью хватая воздух, словно задыхалась. Потом она, как-то вся съежилась, прижав руки к груди, и упала ничком на мужа. Глаза ее помутнели, и только два слова смогла произнести она:

– Позаботься о сыне...

Это были ее последние слова. Дита растерянно смотрела на мертвую женщину, не сумевшую пережить утрату мужа, и скрежетала зубами от бессильной злобы на самую себя, от того, что бессильна хоть чем-нибудь помочь Елисавете.

Крики Елисаветы разбудили соседей. Оставив ее и Захария на их попечение, Дита вышла из дому и побрела прочь.

Глава 47

С тех пор, как Николай впервые появился в доме Мельхиора, он стал довольно частым гостем здесь. Всякий раз, когда ему удавалось покинуть дворец, он, под тем или иным предлогом, появлялся в гостиной Мельхиора. Николай даже и не пытался скрывать, что основной причиной, по которой он приходил сюда, была Иза, поразившая его своей красотой. Иза прекрасно это понимала, но даже не пыталась каким бы то ни было образом намекнуть Николаю о неуместности его

ухаживаний. Напротив, она всячески поощряла эти визиты со свойственным ей кокетством. Иза действительно получала удовольствие от общения с этим незаурядным человеком. С одной стороны из-за скуки, с другой стороны из-за того, что у нее появилась возможность быть постоянно в курсе всего происходящего в кулуарах Иудейской власти. Нужно было отдать должное, Николай оказался весьма приятным собеседником. Человек этот свободно говорил на нескольких языках, был знаком с произведениями великих поэтов своего времени, и трудами философов. Другими словами, время, проведенное в обществе Николая, Иза не считала потраченным бесполезно. В ходе длительных бесед, она, как бы невзначай, задавала вопросы, касающиеся ближайших дел, намеченных Иродом и его окружением. Во многом эта информация не представляла для Изы ни малейшего интереса, но вместе с тем, во всем этом ворохе указов, эдиктов, и дворцовых интриг, она находила важные сведения о готовящейся переписи населения, и настроениях, царивших по этому поводу среди царедворцев.

Вот и в этот раз, на поставленный, как бы между прочим, вопрос о переписи, Николай сообщил совершенно неожиданную информацию. По его словам, в этот раз, Ирод намеревался провести не просто подушевой учет населения, а систематизировать его по клановой принадлежности. Как известно, в Иудее все население делилось на так называемые колена, родоначальником каждого из которых был тот или

иной персонаж. Чтобы учесть приверженцев того или иного клана, Ирод придумал, ни много, ни мало, собрать всех их представителей для переписи в своих родовых городах, то есть там, где когда-то родился основатель клана. Это известие вызвало у Изы заметное беспокойство. Ведь, по сути, это означало, что проживающие сейчас в Назарете Мария и Иосиф, должны были проделать довольно трудный, более чем стопятидесятикилометровый путь из Назарета в Вифлеем, в котором, по преданию, родился основатель их родового клана, Давид. Учитывая тот фактор, что Мария находилась на последнем месяце беременности, эта новость не могла не вызвать у Изы некоторой тревоги за нее и ее будущего ребенка. Она представила, что могло бы произойти, если бы роды начались посреди пустыни, где не оказалось бы никого, кто мог бы оказать девочке необходимую ей помощь, и внутренне содрогнулась от подобной перспективы. В этой связи, Иза решила поделиться своими опасениями с единомышленниками, а для себя лично приняла решение сопровождать Марию в этом путешествии, несмотря на запреты Иосифа, чего бы ей это ни стоило.

Проводив Николая, Иза прошла в свою комнату, на ходу сделав знак Дите и Мельхиору следовать за ней. Выслушав доводы Изы, Мельхиор покачав головой произнес:

– Старик упрям, и убедить его в этом будет крайне сложно.

– А нам и не нужно ставить его в известность! – Вставила

Дита. – Трудно предположить, что Иосиф окажется настолько безрассудным, что захочет проделать этот путь пешком. Наверняка он воспользуется для путешествия повозкой, подаренной Марие тобой, Мельхиор. Мы, тем или иным образом, установим в повозке одну или несколько камер, и двигаясь вне поля зрения Иосифа, сможем наблюдать за состоянием Марии.

– Каким же образом ты собираешься установить камеры? – Переспросил Мельхиор.

– Доверьте это дело мне, – ответила Дита, уж я непременно найду способ, как это сделать незаметно.

– Отлично, дочка! – Воскликнула Иза. – С этим решили, но есть еще несколько вопросов, с которыми мы самостоятельно не справимся.

– О чем ты? – О один голос спросили Дита и Мельхиор.

Вместо ответа, Иза достала коммуникатор, и набрала код Квинта.

– Привет, Иза, – ответил он с улыбкой на лице, – очень рад всех Вас видеть, друзья!

– Здравствуй, – коротко ответила на приветствие Иза. Как дела в Риме? Как там наш малыш Иоанн?

– Спасибо, все хорошо. Зоя с Мерцилом окружили мальчика любовью и заботой. Зоя лелеет его даже больше, чем собственных детей.

– Передай ей огромное спасибо за то, что согласилась взять мальчика на воспитание.

– Обязательно передам. Но, как я смею догадываться, ты позвонила вовсе не только для того, чтобы передать Зое свои благодарности. Или я не прав?

– Ты чрезвычайно проницателен, Квинт. Действительно, у меня есть и другие вопросы к тебе.

Похоже, дорогой, что мы подходим к завершающему этапу проекта, и, на мой взгляд, было бы неплохо, чтобы мы, все вместе, собрались там, где предстоит поставить завершающий аккорд, а именно в городке под названием Вифлеем. Оповести, пожалуйста, Валтасара и Гаспара. Пусть они придут в Иерусалим, и в ожидании сигнала пока проживут в доме Мельхиора.

– Хорошо, сегодня же передам им эту твою просьбу. Что-нибудь еще?

– Да! Скажи, чем сейчас занимается Луций?

– Он у себя, в Помпеях. Как обычно управляет моей виллой.

– Ты не мог бы откомандировать его ко мне, причем немедленно?

– Могу, конечно, а в чем дело?

– Видишь ли, Квинт, Луций, пожалуй единственный человек из нашей команды, который может управлять не только флайером, но и большим звездолетом в условиях гиперпространства. Я хотела бы поручить ему доставку на орбиту Земли нашего корабля, появление которого на небе в виде яркой звезды оповестит мир о рождении Мессии.

– Я понял, но в моем распоряжении всего один флайер. Если я отдам его Луцию, то на чем я сам смогу добраться к тебе?

– Нет ничего проще, Аркус, – вмешался Мельхиор, я могу этой же ночью слетать за Луцием. Мне флайер не понадобится, так как и у Валтасара, и у Гаспара имеются свои, а в пределах Иудеи с достаточной быстротой можно передвигаться и на крыльях, в которых у нас недостатка нет.

– Прекрасно! Тогда я сейчас же свяжусь с Луцием, чтобы он был готов встретить тебя, Мельхиор.

По пыльной дороге, ведущей из Иерусалима в Вифлеем медленно катила одинокая повозка, сильно отставшая от основной массы людей из колена Давидова, спешивших в свой родовой город, где, по приказу царя, должна состояться перепись всех представителей этого уважаемого в стране рода. Иосифу то и дело приходилось останавливать повозку, в которой от тряски страдала его молодая беременная жена. Состояние юной Марии говорило о том, что роды вот-вот могут наступить. Иосиф, понимая это, старался, не причиняя Марии дополнительных страданий, все же добраться до Вифлеема еще до наступления темноты. Его пугала перспектива остаться на пустынной дороге в полном одиночестве, где, в случае необходимости, не к кому будет обратиться за помощью. Он и не подозревал, что за его юной женой, весь долгий путь из Назарета, пристально наблюдают три пары женских глаз, готовых в любую минуту прийти ей на помощь.

– Плохо дело, – с нотками тревоги в голосе, сказала Иза, – схватки становятся все чаще. Боюсь, что она родит, не доехав до Вифлеема.

– Надеюсь, что они успеют. – Отозвалась Цилия, внимательно наблюдавшая за прибором, дистанционно отображающим все характеристики состояния Марии. – Если верить показаниям, у Марии есть еще как минимум два часа. Правда эта жуткая тряска может внести свои коррективы.

– Смотрите, это Вифлеем! – Воскликнула Дита, ведущая наружное наблюдение. – Через пятнадцать-двадцать минут, они будут в городе.

– Это еще ни о чем не говорит, дорогая, – ответила Иза, – им еще нужно время, чтобы устроиться на ночлег. Но будем надеяться на лучшее.

Тем временем повозка уже достигла городских ворот. Представший перед Иосифом Вифлеем, показался ему похожим на гудящее осиное гнездо. Так много народа собралось здесь, что казалось, и яблоку некуда упасть. Объехав весь город в поисках крыши над головой, ничего, кроме сочувственных взглядов, Иосифу найти не удалось. Все углы, сараи, и даже просто навесы, не говоря уж о постоянных дворах и гостиницах, были переполнены людьми. Отчаявшись найти прибежище в городе, по совету одной сердобольной женщины, Иосиф направился на окраину, где, возможно, мог найти какой-нибудь пастушеский шалаш. Над городом стали сгущаться сумерки, и ночь обещала быть холодной. В отли-

чий от предыдущих ненастных дней, северный ветер разогнал низкие тучи, и уже кое-где на небе стали загораться первые звезды. Мужчина уже в который раз остановил повозку, для того, чтобы потеплее укрыть стонущую жену. Выбравшись из городской суеты, Иосиф заметил вдалеке пламя костра, и, не задумываясь, направил к нему свою повозку. У костра собралась группа из нескольких пастухов. На вопрос Иосифа, где можно найти место для ночлега, большинство из них только пожали плечами, но узнав, что в повозке молодая женщина, которая вот-вот должна родить, один из пастухов предложил Иосифу воспользоваться маленькой пещеркой, в которой обычно содержали овец во время ненастья. Иосиф с благодарностью согласился. Тогда пастух взял из костра горящую головню, и проводил его к пещере. Здесь, по крайней мере, было сухо и не дул пронизывающий до костей ветер. Иосиф помог Марие выбраться из повозки и отвел ее в пещеру, где уложил на сено, приготовленное для овец. Провожатый тем временем разжег огонь в очаге, и, пожелав усталым путникам спокойной ночи, ушел к своим товарищам. Иосиф распряг осла, и захватив котомку с едой, вернулся к жене в пещеру. Он подвесил над огнем котелок, заполненный водой, и начал готовить незамысловатый ужин. В этот момент у Марии снова начались схватки, и она, умоляющим голосом попросила мужа привести какую-нибудь женщину, умеющую принимать роды. Иосиф, бросив заниматься ужином, схватил свой посох и побрел вновь к пастухам, которые,

как он надеялся, помогут ему найти повитуху.

Не успел Иосиф скрыться в темноте, как тут же в сторону пещеры прошмыгнули три тени. Увидев на пороге Изу, лицо Марии, несмотря на страдания, осветилось радостной улыбкой.

– Саломея, милая, ты пришла, ты не забыла своего обещания! А я уже думала, что мое дитя появится на свет без тебя. Мне страшно, Саломея, и очень больно!

– Ничего не нужно бояться, милое дитя. Мы здесь, чтобы помочь тебе. Доверься мне и моим подругам, и, уверяю тебя, все будет хорошо. Иза склонилась над Марией, заслоня собой все приготовления Диты и Цилии. Новая волна схваток охватила Марию.

– Ты кричи, не стесняйся, и тужься. Вот так, молодец, все правильно! – Наставляла Иза Марию, а тем временем Дита уже приготовилась, чтобы принять ребенка.

Еще несколько схваток, и Мария истошно закричала, а к ее крику, вдруг подмешался громкий плач младенца. Дита быстро выполнив все необходимые действия, передала ребенка Изе, которая уложив на приготовленную чистую простынку, стала его обмывать. Цилия же продолжала следить за приборами, показывающими состояние функций организма Марии.

– Ой, что это! – Вдруг воскликнула Цилия. – Смотрите, все приборы, как будто сошли с ума.

Девушка обернулась к Изе, чтобы привлечь ее внима-

ние, и, буквально замерла на месте. Вокруг чисто вымытого ребенка было едва заметное бледно-голубоватое сияние. И Иза, и Дита, так же, как и Цилия, удивленно смотрели на невиданное зрелище.

– Цилия, что это? – Вырвалось у Изы.

– Эта его аура, мона Иза. Она такая мощная, что стала видимой, или...

– Что или, Цилия? Говори же!

– Такое, мона Иза, иногда наблюдается при трансплантации матрицы, особенно, если эта матрица когда-то принадлежала очень сильному человеку, но ведь сейчас мы не...

– Послушай, скажи, может ли матрица трансплантироваться сама, то есть без внешнего воздействия.

– Конечно! Ведь в природе иногда все так и происходит, когда биоимпульсы новорожденного спонтанно входят в резонанс с той или иной матрицей в ГИП. Это происходило всегда, еще до того, как нам стало хоть что-то известно об Информационном поле.

– Я поняла! Я знаю! – Буквально закричала Иза, не обращая внимания на испуганные лица подруг и удивленное лицо Марии, которая, несмотря на усталость, слышала каждое слово из предыдущего разговора. – Дита, дочка, это он! Больше никто не способен проделать такое! Он сдержал слово, обещая мне найти способ для контакта. Это твой отец! Я в этом уверена.

Иза бережно спеленала ребенка, и, подав его счастливой

Марие, сказала:

– Теперь, если Вы все закончили, быстро все собирайте, и исчезайте отсюда.

– А ты, мама?

– Я дождусь Иосифа. А ты, Дита, не забудь дать сигнал Луцию. Ты поняла, о чем это я?

– Да, мама, я все поняла.

Исходив всю округу, Иосифу с трудом удалось найти дряхлую, не менее чем он сам, повитуху, которая согласилась среди ночи пойти с ним. Оба они, задыхаясь, наконец, добрались до пещеры, где Иосиф оставил Марию. Каково же было его удивление, когда на пороге пещеры он увидел Саломею.

– Как ты здесь оказалась, Саломея? Я же просил тебя, никогда...

– Возрадуйся Иосиф, – перебивая его, ответила Иза, – Мария родила сына будучи девственной, и таковой оставшись! Она дала ему имя Иешуа. Радуйся, в мир пришел Спаситель – Мессия, и вот тому свидетельство!

С этими словами Иза обратила свой взор в небо, где прямо над головой засияла, переливаясь лучами, яркая звезда. И Иосиф, и старая повитуха, вслед за Изой посмотрели вверх.

– Видишь, Иосиф, сам Господь с небес оповещает тебя и весь мир о рождении сына своего, пришедшего в мир людей, чтобы спасти их от пороков и грехов.

Услышав такие слова, Иосиф ринулся в пещеру, где застал

Марию с ребенком на руках, а старая повитуха, шепча молитвы, попятилась, и помчалась, как могла быстро, в город, чтобы всем сообщить весть о пришествии в Мир долгожданного Мессии.

Глава 48

Бесконечное человеческое море, состоящее из постоянно прибывающих людей, пришедших сюда, чтобы поклониться новорожденному Спасителю, буквально заполонило дальнюю окраину Вифлеема. Неожиданно это «море» разверзлось, пропуская к пещере троих старцев, по одежде которых, в них угадывались мудрецы или маги. Все трое чинно прошествовали сквозь людской коридор, и подошли к пещере, у входа в которую сидел Иосиф, опершись на посох,. Самый старший из мудрецов обратился к Иосифу с просьбой взглянуть на младенца. Иосиф же, в свою очередь, узнав в одном из незнакомцев Мельхиора, поднялся на ноги и, заглянув в пещеру, окликнул Марию. Спустя несколько мгновений она вышла, держа на руках младенца Иешуа. Мудрецы приблизились к женщине, и, едва взглянув на личико ребенка, опустились на колени. Мельхиор бросил беглый взгляд на Иосифа, стоящего чуть позади от жены, и расстелил у ног Марии большое покрывало из тончайшей индийской ткани. Затем все трое, не проронив ни слова, разложили на покрывале свои дары, символизирующие царскую и духовную власть, тем самым дав понять, что младенец Иешуа есть истинный Иудейский царь, пришедший в Мир долгожданным мессией.

Радостными возгласами тут же отозвалась толпа, воздавая хвалы Господу за то, что он послал им Спасителя. Мудрецы поднялись с колен, и, прежде чем уйти, Мельхиор подошел к Иосифу и что-то шепнул ему на ухо, при этом бросив короткий взгляд на Валтасара. Иосиф тут же переменялся в лице, проявив явное беспокойство.

За всем происходящим пристально наблюдали несколько человек, расположившихся вдалеке от многоголосой толпы. Впившись глазами в экран крошечного монитора, они никак не могли понять, что из сказанного Мельхиором так обеспокоило старика Иосифа.

– По моему что-то не так, – встревожено произнес Квинт, – что он мог сказать Иосифу, как ты думаешь, Иза?

– Не имею представления. Когда вчера, перед тем, как Мельхиор должен был отправиться встречать Валтасара и Гаспара, я говорила с ним, и ничего такого, что могло бы его тревожить, в разговоре я не услышала.

– Давайте не будем гадать, – в разговор вмешался Аврелий, – и дождемся, когда наши друзья присоединятся к нам. Надеюсь, они нам все объяснят.

Между тем у пещеры продолжалось странное, ничем необъяснимое действие, на которое обратила внимание Цилия, продолжающая внимательно наблюдать за происходящим.

– Смотрите, смотрите! – Воскликнула девушка.

Ее спутники прервали разговор и пристально устремили

свои взоры на экран. Действие, разворачивающееся перед ними, действительно заслуживало особого внимания. Валтасар отделился от Мельхиора и Гаспара, и, повернувшись лицом к толпе, вскинул вверх руки. Будто по мановению волшебства, толпа стихла и замерла. Тем временем Мельхиор стал запрягать осла в повозку, а Иосиф, что-то сказав Марие, вместе с нею и ребенком, скрылся в пещере. Спустя некоторое время, они вновь показали на пороге, держа в руках узлы со своим нехитрым скарбом. Гаспар взял поклажу из рук супругов и уложил ее в повозку. Затем он помог забраться в нее Марие, подав ей малыша и принесенные ими дары. Последним, на место возницы, водрузился Иосиф. Мельхиор взял осла за повод и повел его к дороге, ведущей на запад. Как только повозка скрылась за поворотом, Валтасар, продолжая держать поднятыми руки, вместе с Гаспаром, прошел сквозь, продолжающую оставаться неподвижной, людскую толпу. Едва оказавшись за пределами человеческого моря, Валтасар вновь повернулся в сторону толпы, и резко опустил руки вниз, после чего толпа ожила. Не обращая внимания на возгласы пораженных людей, оба странника быстрым шагом направились туда, где их с нетерпением ожидали наблюдающие за происходящим друзья.

– Валтасар, что происходит? – В один голос спросили Иза и Квинт, как только из-за скал появились оба путника.

– Подождите, дайте же отдышаться! – Ответил Валтасар. – Поверьте, друзья, в моем возрасте уже совсем не просто ка-

рабкаться по горам.

– Присаживайтесь! – Жестом пригласил, указывая на складные кресла Квинт.

– Так что за представление Вы сейчас разыграли? – Повторила вопрос Иза, как только убедилась, что дыхание обоих выровнялось.

– Дело в том, – начал свой рассказ Валтасар, – что вчера, прибыв в дом Мельхиора в Иерусалиме, мы застали там этого царского дипломата, Николая, который, как я понял, зашел к нашему другу в надежде застать там тебя, прекрасная Изида. Но вместо тебя, он застал нас с Гаспаром, а Мельхиор имел неосторожность представить нас Николаю. Тот, в свою очередь, сославшись на неотложные дела, довольно быстро покинул дом. Затем мы поговорили с тобою, Иза, и уже собирались удалиться в отведенные нам покои, как вдруг, вновь в доме появился Николай, но уже в сопровождении старшего сына царя, Архелая, который передал нам приглашение Ирода посетить его дворец. Сами понимаете, мы не могли отказать царю, и вынуждены были проследовать туда вместе с Николаем и Архелаем. Надо сказать, царь принял нас с подобающими почестями. Узнав о цели нашего визита в Иудею, он решил, что мы пришли поклониться одному из его многочисленных наследников, как будущему царю Иудеи, но тут мой друг Гаспар совершил непоправимую ошибку, сообщив Ироду, что нас ведет к будущему царю новая звезда, появившаяся на небосклоне. Это известие разгневало царя, и

если бы не мой дар, нам вряд ли удалось бы унести ноги из дворца. Мне пришлось прибегнуть к гипнозу, а параллельно я заглянул в мысли Ирода, от которых мороз прошел по коже. Этот самодур не смог придумать ничего другого, как уничтожить младенца, а поскольку он не знает где именно в Вифлееме скрывается Иосиф с семьей, то надумал отдать приказ уничтожить там всех младенцев мужского пола. Отсюда такая поспешность.

– И куда же ты их отправил?

– Мельхиор выведет их на дорогу, ведущую в Египет. Там я смогу надежно укрыть эту семью от Ирода, а когда страсти поулягутся, они снова смогут вернуться в Назарет.

– Ну что ж, – ответил Квинт, – раз так, то нам здесь больше делать нечего.

– Я тоже так думаю, – в свою очередь сказал Валтасар, – скоро стемнеет, и я полечу догонять святое семейство.

– А я, пожалуй, полечу в другую сторону, – добавил Гаспар, – туда, где мы оставили мой флайер.

– А ты, Иза, что ты собираешься делать дальше? – Взглянув ей прямо в глаза, спросил Квинт.

– Пока не знаю. – Задумчиво ответила Иза. – Здесь мне в ближайшие лет двадцать делать нечего. Я вернусь, обязательно вернусь, но только тогда, когда Иешуа достигнет возраста в котором у него станет активной матрица Зейвса.

– Ты так уверена в том, что это именно Зейвс?

– Знаешь Квинт, я всегда ему верила, верю и сейчас, а то,

что я видела своими глазами не оставляет и тени сомнения. Вот Цилия может это подтвердить. Не правда ли?

Девушка, ничего не ответив, только утвердительно кивнула головой.

– А сам то ты что думаешь делать? Вернешься в Рим?

– Не знаю, пока не задумывался над этим, но, если верить прогнозам моего юного друга Аврелия, нам всем в ближайшие пару тысяч лет на этой планете делать нечего. На мой взгляд, мы должны оставить землян в покое, и дать им возможность самим определять свое будущее. Правда тебе, Аврелий, на какое – то время придется здесь задержаться, чтобы поопекать твоего новоиспеченного младенца – царя. Хотя бы до тех пор, пока он не повзрослеет. Заодно кое-чему научишь его.

– Но профессор, как я смогу объяснить Ваше исчезновение?

– Просто, мой друг! Ты похоронишь меня с почестями, объявив, будто я скончался от сердечного припадка. В эту версию все поверят, памятуя о моем приступе пару лет назад. Ты же станешь моим единственным законным наследником и сохранишь за собою мое место в Римском сенате. Чем тебе не перспектива?

Кстати, – вдруг спохватилась Иза, – а где Дита?

– Ты же сама попросила ее задержаться на борту флайера, чтобы включить силовое поле.

– Да, но уже прошло достаточно много времени, и она дав-

но должна быть здесь.

Иза потянулась за коммуникатором, чтобы связаться с дочерью, но в это самое время на фоне темнеющего неба пронеслась крылатая тень.

– Ну, наконец –то, – с укоризной в голосе воскликнула Иза, когда Дита приземлилась. – Где тебя носило так долго?

– Я уже давно присоединилась бы к вам, но, когда я собиралась покинуть флайер, прозвучал сигнал вызова на связь от Луция. Мама, он сообщил потрясающую новость! В пределах обитаемого сектора галактики пойман сигнал межгалактической экспедиции. Они возвращаются!

– Вот и решение вопроса, что делать дальше, – радостно воскликнула Иза, – лично я возвращаюсь на Гею, чтобы встретить всех наших самых близких людей, которые больше трех тысячелетий бороздили межгалактическое пространство. А ты, Квинт? Летим вместе!

Иза взглянула на смутившегося Квинта глазами полными надежды, ясно давая понять, что то, что она только что предложила – ее самое сокровенное желание.

– Летим домой! – Коротко ответил Квинт, под радостный вскрик Диты.

Эпилог

Квинт с щемящим чувством в сердце вглядывался через иллюминатор флайера на планету, окутанную голубой дымкой. Целую вечность он мечтал об этом мгновении, а вот сейчас, когда мечта стала явью, он вдруг почувствовал, что стре-

нительно удаляющаяся Земля стала для него не менее родной, чем Гея. Что ждет его на Родине, где он не был больше четырех тысяч лет? Этот вопрос пугал его. Квинт пытался представить себе, какие перемены произошли на Гее, остался ли кто-нибудь из тех, кто знал его когда-то? Чем он будет заниматься в ставшем ему совсем чужим мире? Весь этот рой противоречивых мыслей казалось сведет с ума этого сильного человека, вынуждено проведшего большую часть своей жизни в нескольких трансформациях на чужой, дикой планете. Одно лишь согревало душу – то, что где-то в бездонном космосе плывет звездолет, команда которого первыми среди людей увидела миры другой галактики, и которая, так же как и он, возвращается в объятия родной планеты после многотысячелетней разлуки, и что на борту этого корабля находятся люди, с которыми вместе он когда – то стал первопроходцем на неизведанной, тогда еще, Пангее. Чувства переполнили Квинта, и он сам не заметил, как по щеке покатилась слеза.

– Напрасно ты изводишь себя, дорогой, – склонив к нему голову, промолвила сидящая в соседнем кресле Иза, – поверь мне, все будет очень даже хорошо. Представь себе, совсем скоро мы окажемся в моем старом доме. Если ты думаешь, что за время твоего отсутствия на Гее все переменялось, то совершенно напрасно. Используя суперсовременные технологии новым поколениям Геян удалось сохранить наш Мир в том виде, каким он был даже задолго до нашего

с тобою рождения. А совсем скоро и тебя и меня окружают наши самые близкие друзья, которые стремительно приближаются к Гее, так же как и мы с тобою. Почему-то я уверена, что все у нас с тобой получится, и мы сможем еще вкушать частицу простого человеческого счастья. А лет через двадцать мы вернемся сюда, чтобы своими глазами увидеть плоды нашей сегодняшней работы. Знаешь, мы оба должны быть очень благодарны Аврелию за то, что он втянул нас в свой амбициозный проект. Если бы не это, я продолжала бы прозябать на Эффее, где я буквально кожей ощущала, как пристально, кто-то незримо следит за каждым моим шагом, а у Тании еще долгие годы не давала бы знать о себе матрица сознания Темис, а значит в Галактическом совете продолжали бы заправлять деятели из Корпуса жизни, а ты так никогда бы не узнал о Марие.

Квинт оторвал свой взгляд от Земли и обернулся к Изе.

– Это правда, – грустной улыбнувшись ответил он. – Аврелий мой лучший ученик. Он, как мне кажется, заглянул гораздо дальше нас в далекое будущее Земной цивилизации. Я думаю, что с рождением сына Марии, начинается новый отсчет в истории этой удивительной планеты. По крайней мере, я на это очень надеюсь. Жаль лишь, что малютки Тании сейчас нет с нами.

– Что да, то да! Мне больно смотреть на Диту, недавно вновь обретшую свою лучшую подругу, и вынужденную опять с ней расставаться. Остается уповать на то, что девоч-

ку вызовут на Гею для дачи показаний в следственной комиссии по делу Корпуса жизни, и мы опять встретимся с нею. Давай думать только о хорошем.

Яркая вспышка гиперперехода за бортом, перекрыла собою панораму Земли, проплывающей в свободном пространстве, а когда она рассеялась, прекрасный вид голубой планеты сменился непроницаемым мраком гиперпространства, с тем, чтобы через некоторое время вновь ярко вспыхнув, переместить людей, заключенных в рукотворной оболочке флайера в привычный мир, но уже в окрестностях совсем другой, не менее прекрасной планеты – Геи.

-